

СОДЕРЖАНИЕ

| | |
|--|----|
| Слово главного редактора..... | 3 |
| Социальная направленность экономики регионов: теоретико-методологические подходы | |
| Окрепилов В. В. ОПЫТ СОЗДАНИЯ СТРАТЕГИЧЕСКИХ ДОКУМЕНТОВ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА, НАПРАВЛЕННЫХ НА ПОВЫШЕНИЕ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ..... | 4 |
| Шматко А. Д. ВОПРОСЫ ОБУЧЕНИЯ ПЕРСОНАЛА С УЧЕТОМ ПОТРЕБНОСТЕЙ РЕГИОНАЛЬНОГО РЫНКА ТРУДА | 14 |
| Заборовская О. В., Сипунова Н. В. ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОВЫШЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ИНДИВИДУУМА В КОНТЕКСТЕ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА | 24 |
| Кузнецов С. В., Горин Е. А. СОЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ИННОВАЦИОННОЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ | 30 |
| Скуфьина Т. П., Баранов С. В. ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В МУРМАНСКОЙ ОБЛАСТИ В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПЕНСИОННОЙ РЕФОРМЫ..... | 37 |
| Ялунер Е. В., Гашко Д. В. ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО В СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЕ. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ | 44 |
| Перекрест В. Т., Перекрест И. В. РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СФЕРЫ ЗАНЯТОСТИ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ЭКОНОМИКО-МАТЕМАТИЧЕСКОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ РЕГИОНАЛЬНЫХ РЫНКОВ ТРУДА ... | 50 |
| Толстогузов О. В. О ВОЗМОЖНОСТИ ЭФФЕКТИВНОГО ОТВЕТА НА ИНДУСТРИАЛЬНЫЙ ВЫЗОВ В КОНТЕКСТЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЧЕЛОВЕКА И ПРИРОДЫ | 60 |
| Пешкова Г. Ю., Самарина А. Ю. ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЙ BUSINESS INTELLIGENCE (BI) В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ..... | 69 |
| Воротынская А. М., Поздеева Е. А. УПРАВЛЕНИЕ НАУЧНЫМ ПОТЕНЦИАЛОМ В СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКЕ ЗНАНИЙ..... | 75 |
| Теория и практика регионального реформирования | |
| Ускова Т. В. ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ АСПЕКТЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА | 81 |

CONTENTS

| | |
|---|----|
| Foreword from the Editor-in-Chief..... | 3 |
| Social Focus of the Regional Economy: Theoretical and Methodological Approaches | |
| Okrepilov V. V. EXPERIENCE IN CREATING STRATEGIC DOCUMENTS FOR THE DEVELOPMENT OF THE ECONOMY OF ST. PETERSBURG, AIMED AT IMPROVING THE QUALITY OF LIFE | 4 |
| Shmatko A. D. PERSONNEL TRAINING ISSUES TAKING INTO ACCOUNT THE NEEDS OF THE REGIONAL LABOR MARKET | 14 |
| Zaborovskaya O. V., Sipunova N. V. ECONOMIC ASPECTS OF INCREASING THE SOCIAL RESPONSIBILITY OF THE INDIVIDUAL IN THE CONTEXT OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF THE REGION..... | 24 |
| Kuznetsov S. V., Gorin E. A. SOCIAL ASPECT OF INNOVATIVE INDUSTRIAL MODERNIZATION | 30 |
| Skufina T. P., Baranov S. V. DEMOGRAPHIC AND SOCIAL PROCESSES IN THE MURMANSK REGION IN THE CONTEXT OF PENSION REFORM IMPLEMENTATION | 37 |
| Yaluner E. V., Gashko D. V. ENTREPRENEURSHIP IN THE SOCIAL SPHERE. THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ASPECTS..... | 44 |
| Perekrest V. T., Perekrest I. V. REGIONAL FEATURES OF STATE REGULATION OF THE RUSSIAN EMPLOYMENT SECTOR..... | 50 |
| Tolstoguzov O. V. ON THE POSSIBILITY OF AN EFFECTIVE RESPONSE TO THE INDUSTRIAL CHALLENGE IN THE CONTEXT OF HUMAN-NATURE INTERACTION..... | 60 |
| Peshkova G. Yu., Samarina A. Yu. PROSPECTS OF BUSINESS INTELLIGENCE TECHNOLOGIES USE IN SAINT-PETERSBURG | 69 |
| Vorotynskaya A. M., Pozdeeva E. A. MANAGING SCIENTIFIC POTENTIAL IN THE MODERN KNOWLEDGE ECONOMY..... | 75 |
| Theory and Practice of Regional Reforming | |
| Uskova T. V. SPATIAL ASPECTS OF THE REGION'S SUSTAINABLE DEVELOPMENT | 81 |

| | |
|--|-----|
| Боброва А. Г. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ТЕРРИТОРИЙ С НАПРЯЖЕННОЙ СИТУАЦИЕЙ НА РЫНКЕ ТРУДА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ (НА ПРИМЕРЕ МИНСКОЙ ОБЛАСТИ) | 89 |
| Свириденко М. В., Леонтьева А. Н. МУНИЦИПАЛЬНАЯ ПРОЕКЦИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ | 96 |
| Мирославская М. В. ФАКТОРЫ РЕАЛИЗАЦИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ..... | 102 |
| Пешкова Г. Ю., Бондарь Е. Г. ЭКСПОРТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА | 110 |
| Межевич Н. М., Болотов Д. А. ДВОЙНАЯ ПЕРИФЕРИЯ: ФЕНОМЕН РОССИЙСКО-БЕЛОРУССКОГО ПОГРАНИЧЬЯ..... | 117 |
| Румянцев А. А. ИНВЕСТИЦИИ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ ОБРАБАТЫВАЮЩЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА: РАСПРЕДЕЛЕНИЕ В ИННОВАЦИИ И ОСНОВНОЙ КАПИТАЛ | 123 |
| Лубочкина М. И., Ли Цзятун. ОЦЕНКА ПОТЕНЦИАЛА СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ И КИТАЯ В СФЕРЕ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА | 132 |
| Левитина И. Ю., Лю Мо. АНАЛИЗ МАСШТАБОВ И СТРУКТУР КИТАЙСКО-РОССИЙСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В СФЕРЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА | 138 |
| Научная жизнь | |
| ВИКТОРИЯ ЛЕОНИДОВНА КРЕПС | 144 |
| Сведения об авторах | 147 |

| | |
|---|-----|
| Bobrova A. G. SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF TERRITORIES WITH A TIGHT LABOUR MARKET SITUATION IN THE REPUBLIC OF BELARUS (CASE STUDY OF MINSK REGION) | 89 |
| Sviridenko M. V., Leontieva A. N. MUNICIPAL PROJECTION OF THE NATIONAL DEVELOPMENT GOALS OF THE RUSSIAN FEDERATION | 96 |
| Miroslavskaya M. V. PRINCIPLES FOR ASSESSING THE INNOVATIVE POTENTIAL OF THE RUSSIAN REGIONS..... | 102 |
| Peshkova G. Yu., Bondar E. G. EXPORT POTENTIAL OF THE NORTHWESTERN FEDERAL DISTRICT | 110 |
| Mezhevich N. M., Bolotov D. A. DOUBLE PERIPHERY: THE PHENOMENON OF THE RUSSIAN-BELARUSIAN BORDER..... | 117 |
| Rumyantsev A. A. INVESTMENT IN MANUFACTURING ENTERPRISES IN ST. PETERSBURG: ALLOCATION TO INNOVATION AND FIXED CAPITAL..... | 123 |
| Lubochkina M. I., Li Jiatong. ASSESSMENT OF THE COOPERATION POTENTIAL OF RUSSIA AND CHINA IN THE SPHERE OF SMALL AND MEDIUM ENTREPRENEURSHIP | 132 |
| Levitina I. Yu., Liu Mo. ANALYSIS OF THE SCOPE AND STRUCTURES OF CHINESE-RUSSIAN COOPERATION IN THE SPHERE OF INTERNATIONAL ENTREPRENEURSHIP..... | 138 |
| Scientific Life | |
| VIKTORIYA LEONIDOVNA KREPS..... | 144 |
| Information About Athors..... | 147 |

СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Глубокоуважаемые коллеги!

Поздравляю всех участников с открытием научно-практической конференции «Социальная направленность регионов: теоретико-методологические подходы».

Эта конференция особая – с участием белорусских коллег. Многих из нас связывают самые добрые отношения с Белоруссией. Лично у меня эти отношения установились еще в 1970-е годы, когда по линии Госстандарта СССР приходилось постоянно контактировать с коллегами из Белоруссии.

После избрания в 2000 году членом-корреспондентом РАН, а затем и академиком РАН мне довелось работать заместителем Жореса Ивановича Алфёрова в Санкт-Петербургском научном центре РАН и вместе с ним поддерживать и развивать связи с Академией наук Белоруссии. Жорес Иванович родился в Витебске, поэтому такие контакты были особенно теплыми и дружественными.

Мне также доводилось бывать в Минске по работе в консультационном научном совете фонда «Сколково», встречаться с возглавлявшим тогда Национальную академию наук Михаилом Владимировичем Мясниковичем, обсуждать проекты нашего сотрудничества. Было много встреч в научных учреждениях Республики, в том числе экономического профиля.

Я очень дорожу своими воспоминаниями о Белоруссии, своими друзьями в этой братской стране и всегда радуюсь плодотворному развитию отношений, способствующих развитию нашего делового и человеческого сотрудничества.

Очень приятно отметить, что наша научно-практическая конференция – еще один добрый шаг на этом пути. Ряд докладов на кон-



ференции стал итогом совместных исследований российских и белорусских ученых, что еще раз подчеркивает стремление к сотрудничеству и совместной научной оценке протекающих в наших странах социально-экономических процессов.

Хочу выразить надежду, что наши дальнейшие совместные научные исследования помогут успешному экономическому развитию России и Белоруссии.

*Научный руководитель
Института проблем региональной экономики РАН
академик РАН В. В. Окрепилов*

УДК 338.26(470.23-25)+330.59

DOI: 10.31799/2411-4588-2021-1-4-13

Владимир Валентинович Окрепилов

доктор экономических наук, профессор, академик РАН, научный руководитель

Институт проблем региональной экономики РАН

Санкт-Петербург, Россия

ОПЫТ СОЗДАНИЯ СТРАТЕГИЧЕСКИХ ДОКУМЕНТОВ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА, НАПРАВЛЕННЫХ НА ПОВЫШЕНИЕ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ

Аннотация. Представлен системный подход к разработке стратегических документов социально-экономического развития Санкт-Петербурга с применением методологической основы экономики качества и использованием ее основных инструментов – метрологии, стандартизации, управления качеством. Такой подход создает научно обоснованную основу устойчивого развития регионов и повышения качества жизни населения.

Ключевые слова: стратегическое планирование, Стратегия 2035, экономика качества.

Vladimir V. Okrepilov

Grand PhD in Economic Sciences, Professor, Academician of the RAS,

Scientific Adviser of the Institute for Regional Economic Studies Russian Academy of Sciences

St. Petersburg, Russia

EXPERIENCE IN CREATING STRATEGIC DOCUMENTS FOR THE DEVELOPMENT OF THE ECONOMY OF ST. PETERSBURG, AIMED AT IMPROVING THE QUALITY OF LIFE

Abstract. A systematic approach to the development of strategic documents for the socio-economic development of St. Petersburg is presented using the methodological basis of the economy of quality and the use of its main tools - metrology, standardization, quality management. This approach creates a scientifically grounded basis for sustainable development of regions and improving the quality of life of the population.

Keywords: strategic planning, Strategy 2035, the economy of quality.

Важнейшие документы развития Санкт-Петербурга разрабатываются в полном соответствии с национальными целями России и стратегическими приоритетами развития города на длительную перспективу. Все они входят в комплекс документов, дополняющих и конкретизирующих на основных направлениях деятельности Стратегию социально-экономического развития Санкт-Петербурга на период до 2035 года [1].

Стратегия социально-экономического развития Санкт-Петербурга на период до 2035 г. была принята Законодательным собранием Санкт-Петербурга и утверждена Законом Санкт-Петербурга от 19.12.2018. Стратегия 2035 является основным документом, определяющим будущее города на ближайшие годы.

Ключевым элементом системы целей социально-экономической политики Санкт-Петербурга, что особо подчеркнуто в Стратегии 2035, является качество жизни. Это наиболее емкий, интегральный показатель, характеризующий одновременно уровень развития экономики, эффективность управления городом, состояние городской среды, включая экологию, качество и доступность услуг организаций здравоохранения, образования, культуры и социального обслуживания населения.

С учетом этого сформулирована Генеральная цель Стратегии 2035: «Обеспечение стабильного улучшения качества жизни горожан и повышение глобальной конкурентоспособности Санкт-Петербурга на основе реализации националь-

ных приоритетов развития, обеспечения устойчивого экономического роста и использования результатов инновационно-технологической деятельности».

Система основных целей социально-экономического развития Санкт-Петербурга представлена на рис. 1.

Главный акцент в Стратегии 2035 связан с реализацией основных конкурентных преимуществ Санкт-Петербурга, обеспечивающих возможности развиваться опережающими по сравнению со всей Россией темпами и выходить уже в ближайшей перспективе на уровень социально-экономического развития ведущих мегаполисов и регионов мира.

На рис. 2 представлено положение России в сравнении с мировыми лидерами по основным характеристикам качества жизни, входящим, согласно методике ООН, в определение Индекса человеческого развития: уровень образования, ожидаемая средняя продолжительность жизни и средний доход на душу населения с учетом валового внутреннего продукта.

Рейтинги всех субъектов Российской Федерации по Индексу человеческого развития отображены графически и в цифровом выражении на рис. 3. Санкт-Петербург по этому интегральному показателю занимает второе место в стране с индексом 0,951, совсем незначительно уступая Москве (индекс 0,959).



Рис. 1. Система основных целей социально-экономического развития Санкт-Петербурга

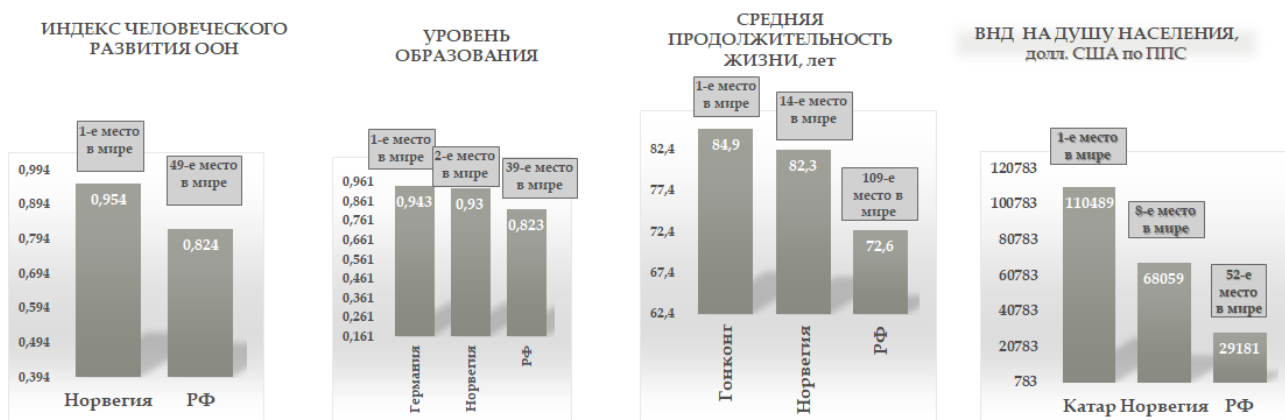


Рис. 2. Место России по показателям качества жизни Индекса человеческого развития ООН

На ряде следующих рисунков представлены конкретные направления деятельности, намеченные в Стратегии 2035 для повышения качества жизни населения.

Большой комплекс мероприятий нацелен на обеспечение роста продолжительности жизни,

развития здравоохранения, занятий населения физкультурой и спортом, улучшения качества городской среды. Средняя ожидаемая продолжительность жизни в Санкт-Петербурге с 2010 г. выросла с 72,1 до 76,3 лет, то есть более чем на 4 года (рис. 4).

Лидеры по ИЧР в РФ, 2018 год

| | | |
|-----------|-------------------|-------|
| I место | Москва | 0,959 |
| II место | Санкт-Петербург | 0,951 |
| III место | Тюменская область | 0,924 |



Рис. 3. Показатели Индекса человеческого развития ООН по всем субъектам РФ

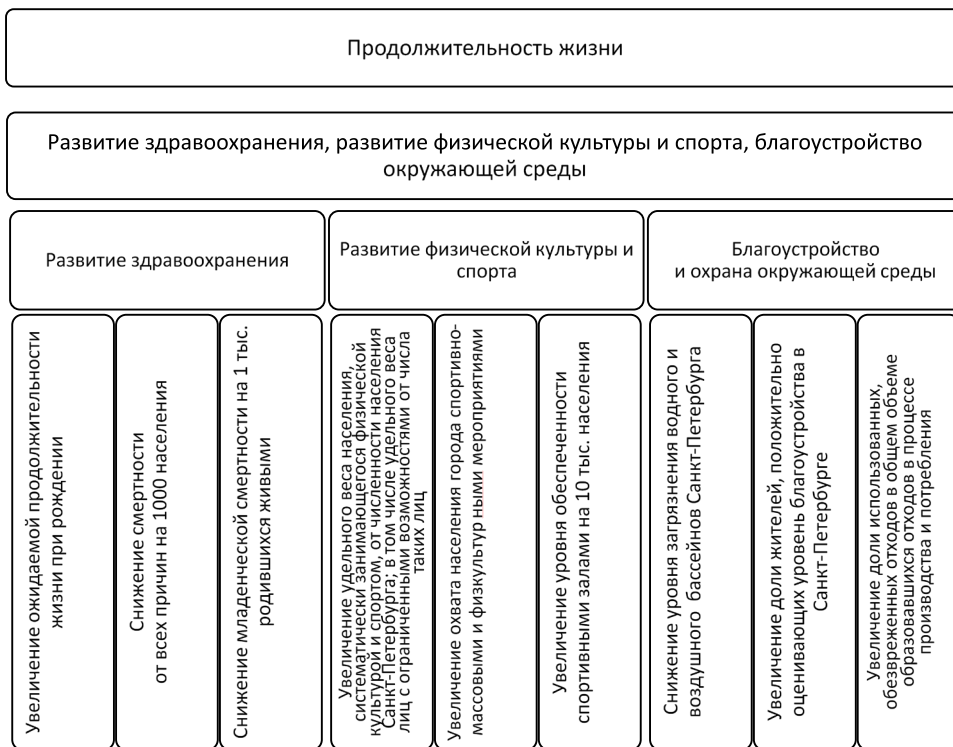


Рис. 4. Основные направления деятельности, намеченные в Стратегии 2035 для увеличения продолжительности жизни населения Санкт-Петербурга

Особая роль в Стратегии отведена развитию человеческого капитала, совершенствованию системы и повышению уровня образования, мерам по социальной поддержке граждан (рис. 5).

Рост благосостояния обеспечивается за счет устойчивого экономического роста, поэтому в Стратегии 2035 рассмотрены направления экономического развития города. Намечены пути инновационного развития промышленности,

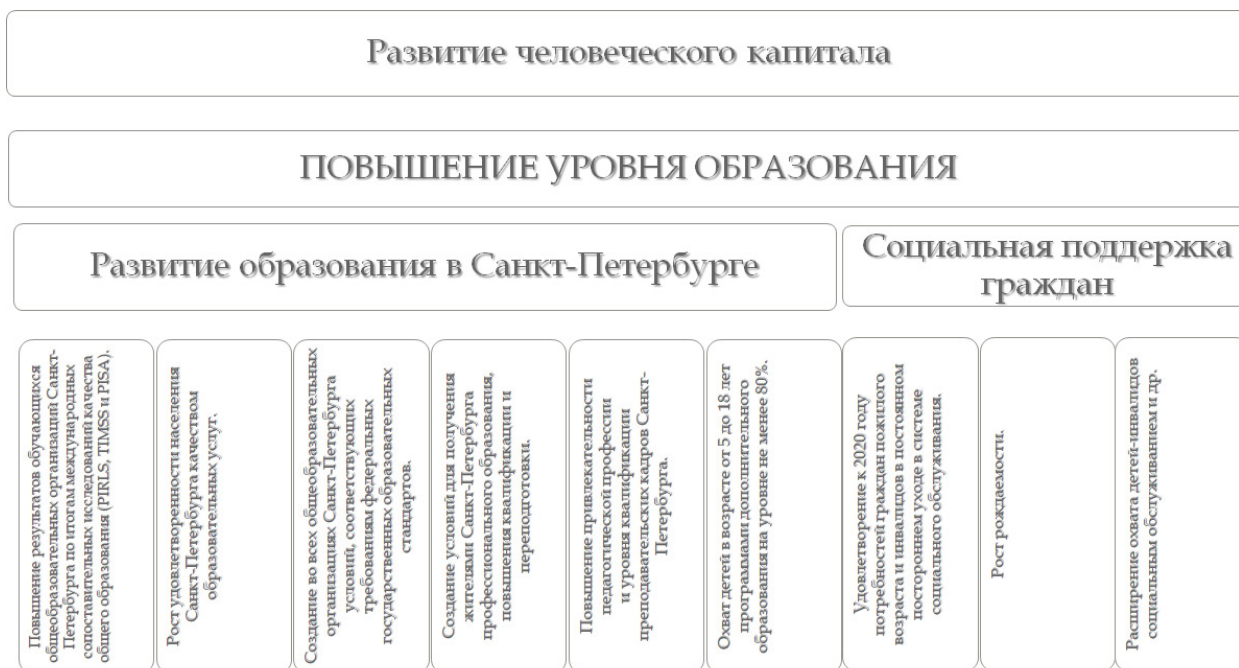


Рис. 5. Меры, предусмотренные в Стратегии 2035 для развития человеческого капитала, повышения уровня образования и социальной поддержки граждан



Рис. 6. Основные направления реализации Стратегии 2035 для обеспечения устойчивого экономического роста и повышения благосостояния населения Санкт-Петербурга

предприятий агропромышленного комплекса, предпринимательства и потребительского рынка (рис. 6).

В обеспечении экономического роста особое внимание уделено развитию экономики знаний, которая является одним из конкурентных преимуществ Санкт-Петербурга. В валовом региональном продукте нашего города ее доля составляет 25%, что значительно выше общероссийских показателей (15%). Задача Санкт-Петербурга – выйти по этому показателю на рубежи ведущих экономик мира. Развитые страны Европы достигли рубежа в 30%, США – 40% (рис. 7).

В Стратегии 2035 четко обозначены перспективы и направления развития города, видение будущего Санкт-Петербурга как глобального центра создания и внедрения инноваций, мировой культуры, межрегионального и международного сотрудничества.

Выделены «локомотивы роста» – те перспективные отрасли, развитие которых способно обеспечить устойчивый рост экономики. Разработана программа поддержки этих отраслей. Подготовлены предложения по мониторингу реализации Стратегии на основе методов экономики качества.



Рис. 7. Сравнение показателей доли экономики знаний в ВВП и ВРП ведущих стран мира, России и Санкт-Петербурга



Рис. 8. Основные участники разработки Стратегии 2035 и других стратегических документов развития Санкт-Петербурга

Разработка Стратегии экономического и социального развития Санкт-Петербурга, как и других важнейших документов развития города, – результат напряженной совместной работы профильных комитетов исполнительной власти, представителей профессиональных союзов и общественных организаций, а также научных учреждений, имеющих опыт прогнозирования и планирования регионального развития. Основные участники процесса разработки Стратегии 2035 и других стратегических документов развития Санкт-Петербурга схематично представлены на рис. 8.

К разработке Стратегии 2035 были привлечены самые известные российские ученые, ведущие научные центры и институты Российской академии наук, в том числе Институт региональных проблем экономики РАН. При этом были использованы наши исследования в сфере регионального развития и управления, разработанные на методологической основе экономики качества [2].

Экономика качества представляет собой часть экономической науки, изучающей взаимосвязь качественных характеристик объектов или явлений с экономическими показателями.

Схематично (рис. 9) экономику качества можно представить в виде стройной системы, интегрирующей многие научные знания для выявления закономерностей влияния качества на процессы в сфере экономики и социальной жизни. Основными элементами экономики качества, позволяющими выявлять эти процессы, выступают метрология, стандартизация и управление качеством.

Многолетние исследования привели нас к выводу, что с помощью современных методов управления качеством можно решить любую проблему, в том числе и повышения качества жизни, на любом уровне управления, незави-



Рис. 9. Базовые элементы экономики качества

симо от общественного строя, формы собственности, характера производства, размеров и численности персонала.

В результате была разработана не имеющая прямых аналогов в мире многоуровневая система управления качеством, основанная на реализации методов программно-целевого планирования и направленная на повышение темпов модернизации экономики и социальной сферы. Данная система представляет собой совокупность организационной структуры, методов работы, процессов и ресурсов, необходимых для осуществления воздействия на качество посредством мер оперативного и долгосрочного характера на трех взаимосвязанных и взаимовлияющих друг на друга уровнях:

- микроуровень – предприятие, корпорация;
- мезоуровень – город, отрасль, регион;
- макроуровень – страна в целом.

На рис. 10 представлены преимущества инструментов экономики качества – стандартизации, метрологии и управления качеством – для обеспечения экономического роста, создания условий для повышения эффективности и качества работы во всех областях жизни и деятельности человека.

Работы, проведенные в Германии, Великобритании, Канаде, Австралии, Франции, показали, что стандартизация почти *на треть* обеспечивает рост ВВП и рост производительности труда.

По оценкам Международной организации по стандартизации ISO, суммарные выгоды от использования стандартов для большинства случаев варьируются на уровне от 0,5 до 4% годового дохода компаний от продаж.

Правильное и выполненное в полном объеме измерение дает значительный экономический эффект в соотношении выгоды/затраты 3:1.

Опираясь на наши предложения, приоритетное место в системе стратегического планирования Санкт-Петербурга заняли разработка и внедрение стандартов – тех показателей по различным характеристикам экономического развития и качества жизни населения, которые необходимо достигнуть за намеченный период. Создана система мониторинга результатов деятельности в области менеджмента качества на различных уровнях управления городом. Мониторинг осуществляется с использованием специальной интерактивной информационно-аналитической системы. Существенным ее дополнением должна стать доступная населению оценка эффективности системы управления качеством на уровне города на основе индикаторов такой оценки.

Как основной элемент технического регулирования, стандартизация может обеспечить вклад в экономический рост, превышающий соответствующие показатели от внедрения патентов и лицензий.

Результаты опроса:

- Наличие сертифицированной СМК на соответствие международным стандартам в соответствующей сфере деятельности: 78,6% респондентов;
- Проявление полезных эффектов работы респондентов в области повышения качества жизни не только в масштабе населенного пункта, где расположена организация, но и в масштабе региона (42,9%), в масштабе России (42,9%), в мировом масштабе (14,3% респондентов);
- Стандартизованность продукции, услуг, деятельности организации повышает качество жизни: 85,7% респондентов, равно как и сертифицированная система менеджмента качества (78,6%).

Метрология создает условия для повышения эффективности и качества работы практически во всех отраслях жизни и деятельности человека.



Управление качеством дает гарантии получения прибыли, снижения издержек и сроков изготовления и реализации продукции, а также обеспечивает стабильность и надежность любой экономической деятельности, повышает ее эффективность.

Рис. 10. Роль элементов экономики качества в обеспечении экономического роста, повышения качества жизни и деятельности человека

Тем самым в реализации Стратегии экономического и социального развития Санкт-Петербурга задействованы все элементы экономики качества, позволяющие обеспечивать научно обоснованный подход к практике стратегического планирования.

Концептуальные идеи экономики качества были учтены и при разработке Концепции научно-технологического развития Санкт-Петербурга до 2030 г., принятой в канун 2021 г., объявленного Президентом Российской Федерации В. В. Путиным Годом науки и технологий.

Санкт-Петербург располагает значительными интеллектуальными возможностями для ускорения научно-технологического развития. По оценке академика РАН А. Г. Аганбегяна, научно-образовательный потенциал Санкт-Петербурга в расчете на тысячу человек насе-

ления по количественным показателям втрое выше, чем по России в целом, а если сравнить с периферийными регионами, то в 5–10 раз выше. Данные по количеству и доле Санкт-Петербурга в сфере различных сторон научной деятельности представлены в таблице.

В Санкт-Петербурге в науке и профессиональном образовании занято 186 тыс. человек. Здесь работает 43 государственных гражданских вуза, подчиненных 14 разным министерствам, 29 частных высших учебных заведений и 31 структурное подразделение в основном московских вузов. Причем, как правило, это крупные подразделения с тысячами студентов. В Санкт-Петербурге трудятся около 200 академиков и член-корреспондентов Российской академии наук, 8 тыс. докторов наук, 25 тыс. кандидатов наук.

Показатели и доля Санкт-Петербурга в России в ряде направлений научной деятельности

| Показатель | РФ | Санкт-Петербург | |
|---|-------------------|------------------|--------|
| Численность населения | 146 749 тыс. чел. | 5 389 тыс. чел. | 3,67% |
| Количество научных организаций | 4051 | 317 | 7,83% |
| Численность работников, выполняющих научные исследования и разработки | 682 500 | 75 200 | 11,0% |
| Внутренние затраты на научные исследования и разработки | 1134,8 млрд руб. | 144,85 млрд руб. | 12,86% |
| Число разработанных в 2019 г. передовых производственных технологий | 1620 | 157 | 9,69% |
| Подано патентных заявок в 2019 г. | 36417 | 4624 | 12,7% |
| Выдано патентов в 2019 г. | 31434 | 2946 | 9,4% |

Разработка Концепции проводилась по инициативе Научно-технического совета Санкт-Петербурга, поддержанной губернатором города А. Д. Бегловым, и на основании решения Научно-технического совета от 25 декабря 2019 г.

Для подготовки Концепции были сформированы рабочие группы по 10 ключевым направлениям, закрепленным за ведущими вузами и научными организациями города:

- «Цифровые технологии и искусственный интеллект» (СПбГЭТУ «ЛЭТИ»),
- «Естественные науки и математика» (СПбГУ),
- «Науки о жизни» (НМИЦ им. В. А. Алмазова),
- «Инжиниринг и дизайн» (СПбПУ Петра Великого),
- «Социальные и гуманитарные науки» (НИУ ВШЭ – Санкт-Петербург),
- «Арктика и науки о земле» (Санкт-Петербургский горный университет),
- «Профессиональное образование и экспорт образования» (СПбГУПТД),
- «Кадры в науке» (Университет ИТМО),
- «Исследовательская и инновационная инфраструктура» (СПбГУ),
- «Развитие сельскохозяйственных наук» (СПбГУ).

Предложения рабочих групп и общий проект Концепции обсуждались на нескольких конференциях, а также на заседаниях Общественного совета при Комитете по науке и высшей школе и Президиума Союза промышленников и предпринимателей Санкт-Петербурга.

Подготовленный проект Концепции был рассмотрен и принят за основу 26 ноября 2020 г. на заседании Научно-технического совета Санкт-Петербурга [3].

Концепция научно-технологического развития Санкт-Петербурга определяет такую деятельность как трансформацию науки и технологий в ключевой фактор развития города и обеспечения его способности эффективно отвечать на большие вызовы, сложность и масштаб которых таковы, что они не могут быть решены, устранены или реализованы органами власти и управления исключительно за счет увеличения ресурсов.

К достоинствам Концепции следует отнести объективное представление вызовов в научно-технологической сфере Санкт-Петербурга и предложений по преодолению существующих проблем. Четко сформулированы задачи в различных направлениях научной, образовательной и технологической деятельности, решение

которых призвано обеспечить позитивное позиционирование Санкт-Петербурга среди регионов России и мира. В Концепции представлены принципы государственной политики в области научно-технологического развития Санкт-Петербурга, а также определены сферы деятельности и конкретные научные организации и структуры, на которые возложена ответственность за ключевые действия по реализации Концепции.

С научных позиций экономики качества принципиально важно отметить, что Концепция наряду с определением цели, основных задач, принципов, приоритетов, направлений и мер государственной политики в научно-технологической сфере Санкт-Петербурга фиксирует в документе ожидаемые результаты реализации Концепции, обеспечивающие устойчивое, динамичное и сбалансированное развитие города на долгосрочный период.

Таким образом, существует возможность с применением основных инструментов экономики качества – метрологии, стандартизации, управления качеством – определить путем измерений существующее положение дел в данной сфере, установить ожидаемые результаты в качестве неких стандартов, соотнеся их в конкурентном плане с другими участниками внутреннего российского и глобального рынка, наметить пути управления процессом осуществления этой деятельности и оценивать на промежуточных этапах ее эффективность.

Основные показатели реализации Концепции научно-технологического развития Санкт-Петербурга с позиций экономики качества представляют собой ключевые ориентиры для оценки эффективности деятельности по выполнению задач, намеченных Концепцией.

В документе выделены 10 показателей, объединенных в четыре группы, которые представлены на рис. 11.

Как отмечено в Концепции, «Достижение цели и задач научно-технологического развития Санкт-Петербурга будет обеспечиваться реализацией государственных программ Санкт-Петербурга и иных мероприятий, сбалансированных по срокам, ожидаемым результатам и параметрам ресурсного обеспечения».

Методология экономики качества создает надежную базу для разработки важнейших целевых стратегических ориентиров развития и обеспечивает получение достоверных оценок результативности стратегических решений, принимаемых на всех уровнях власти.

Применение инструментов экономики качества дает возможность использовать на всех ста-

| | | | |
|--|--|--|---|
| <p>Группа 1. Отдельные (целевые) показатели, отражающие уровень достижения результатов реализации и цели Концепции:</p> | <p>Группа 2. Показатель, отражающий влияние науки и технологий на социально-экономическое развитие Санкт-Петербурга, обусловленное в том числе переходом к модели больших вызовов:</p> | <p>Группа 3. Показатели, отражающие состояние и результативность сферы науки и технологий</p> | <p>Группа 4. Показатели, отражающие качество государственного регулирования и ресурсного обеспечения научно-технической деятельности:</p> |
| <p>1). Доля внутренних затрат на исследования и разработки в Санкт-Петербурге за счет всех источников в текущих ценах в валовом региональном продукте.</p> <p>2). Внутренние затраты на исследования и разработки в Санкт-Петербурге за счет всех источников.</p> <p>3). Отношение внебюджетных средств и бюджетных ассигнований в составе внутренних затрат на исследования и разработки.</p> | <p>4). Объем внебюджетных средств, привлеченных в рамках реализации комплексных научно-технических программ (проектов), региональных научно-технических программ и проектов центров Национальной технологической инициативы.</p> | <p>5). Место Санкт-Петербурга в рейтинге регионов России по удельному весу в общем числе статей в областях, определяемых приоритетами научно-технологического развития, в изданиях, индексируемых в международных базах данных.</p> <p>6). Место Санкт-Петербурга по удельному весу в общем числе заявок на получение патента на изобретение, поданных в мире по областям, определяемым приоритетами научно-технологического развития.</p> <p>7). Доля высокотехнологичной продукции (товаров, услуг), созданной с использованием результатов интеллектуальной деятельности, права на которые принадлежат российским правообладателям, в валовом региональном продукте.</p> <p>8). Соотношение экспорта и импорта технологий и услуг технологического характера (включая права на результаты интеллектуальной деятельности).</p> | <p>9). Доля исследователей в возрасте до 39 лет, работающих в Санкт-Петербурге, в общей численности исследователей, работающих в Санкт-Петербурге.</p> <p>10). Техническая вооруженность сектора исследований и разработок (балансовая стоимость машин и оборудования в расчете на одного исследователя).</p> |

Рис. 11. Основные показатели реализации Концепции научно-технологического развития Санкт-Петербурга до 2030 г.



Рис. 12. Схема модели измерения качества жизни

дях реализации стратегических документов систему контроля за выполнением намеченных показателей и проведение коррекции в случае необходимости.

Многоуровневая система управления качеством нацелена на последовательный рост благосостояния населения, эффективное воспроизводство и модернизацию производства, повышение инвестиционной привлекательности региона и дальнейшее развитие рыночных ме-

ханизмов хозяйствования, укрепление конкурентоспособности, повышение качества жизни населения.

С целью повышения эффективности реализации планов стратегического развития в настоящее время в Институте проблем региональной экономики на основе методологии экономики качества создана и отрабатывается модель измерения качества жизни [4]. Схематически она представлена на рис. 12.

Практическое значение модели делает ее востребованной при выборе стратегических ориентиров, методов текущего планирования, а также при формировании их критериев и шкал оценки качества жизни.

В заключение необходимо подчеркнуть, что разработка стратегических планов регионального развития и повышения качества жизни населения, особенно в условиях экономических кризисов, могут и должны опираться на инструменты экономики качества – метрологию, стандартизацию и управление качеством. По нашему глубокому убеждению, этой науке в будущем предстоит сыграть ведущую роль в решении задач обеспечения устойчивого развития регионов России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Закон Санкт-Петербурга «О Стратегии социально-экономического развития Санкт-Петербурга на период до 2035 года» (с изменениями на 26 ноября 2020 года). URL: <http://docs.cntd.ru/document/551979680> (дата обращения: 15.04.2021).
2. **Квинт В. Л., Окрепилов В. В.** Качество жизни и ценности в национальных стратегиях развития // Вестник Российской академии наук. 2014. Т. 84. № 5.
3. Концепция научно-технологического развития Санкт-Петербурга до 2030 года. URL: <http://knvsh.gov.spb.ru/projects/KNTR> (дата обращения: 15.04.2021).
4. **Окрепилов В. В., Гагулина Н. Л.** Развитие оценки качества жизни населения региона // Журнал экономической теории. 2019. Т. 16. № 3. С. 318–330.

УДК 331.544

DOI: 10.31799/2411-4588-2021-1-14-23

Алексей Дмитриевич Шматко

доктор экономических наук, профессор, профессор РАО
Институт проблем региональной экономики РАН
Санкт-Петербург, Россия

ВОПРОСЫ ОБУЧЕНИЯ ПЕРСОНАЛА С УЧЕТОМ ПОТРЕБНОСТЕЙ РЕГИОНАЛЬНОГО РЫНКА ТРУДА

Аннотация. В современных условиях трансформации экономики региона и его цифровизации в результате развития новых технологий происходят глобальные изменения в сфере занятости. Пандемия COVID-19 явилась катализатором глобальных изменений в области занятости и применения образовательных технологий. Особо актуальной выглядит проблема обучения и переобучения персонала. Целью такого процесса должно стать повышение адекватности качеств рабочей силы требованиям регионального рынка труда.

Образовательная деятельность рассматривается как один из путей преодоления проблем в сфере занятости населения региона, приводятся статистические данные, рассматривается многообразие форм и методов обучения, возможных к применению в современных условиях. Особое внимание уделено развитию профессионального потенциала региональных предприятий во взаимосвязи с выбором типа обучения.

В статье доказывается, что в современных условиях необходимо перейти от управления функциональными подсистемами в бизнесе к управлению с применением компетентностного подхода. Дается подробный анализ компетентностной парадигмы обучения в контексте региональных потребностей рынка труда.

Ключевые слова: экономика региона, цифровая трансформация региона, высшие учебные заведения, информационно-образовательная среда региона, образовательный процесс, ИТ-среда региона, цифровизация, электронная информационно-образовательная среда вуза, государственный стандарт высшего образования.

Alexey D. Shmatko

Grand PhD in Economic Sciences, Professor, Professor of the Russian Academy of Education
Institute for Regional Economic Studies Russian Academy of Sciences
St. Petersburg, Russia

PERSONNEL TRAINING ISSUES TAKING INTO ACCOUNT THE NEEDS OF THE REGIONAL LABOR MARKET

Abstract. In modern conditions of transformation of the region's economy and its digitalization as a result of the development of new technologies, global changes are taking place in the field of employment.

The article indicates that the COVID-19 pandemic has been a catalyst for global changes in employment and the use of educational technologies. The problem of training and retraining of personnel looks especially urgent. The purpose of such a process should be to improve the adequacy of the qualities of the labor force to the requirements of the labor market.

Educational activity is considered as one of the ways to overcome the problems in the field of employment of the population of the region, statistical data are provided, a variety of forms and methods of teaching that are possible for use in modern conditions are considered. Special attention is paid to the development of the professional potential of regional enterprises in conjunction with the choice of the type of training.

The article proves that in modern conditions it is necessary to move from the management of functional subsystems in business to management using a competency-based approach. A detailed analysis of the competence-based paradigm of training in the context of regional needs of the labor market is given.

Keywords: regional economy, digital transformation of the region, higher educational institutions, information and educational environment of the region, educational process, IT environment of the region, digitalization, electronic information and educational environment of the university, state standard of higher education.

Введение

Пандемия COVID-19, оказавшая стремительное и глубокое воздействие на общество, явилась катализатором глобальных изменений в области

занятости и применения образовательных технологий.

В современных условиях трансформации экономики региона, его цифровизации в результате развития новых технологий происходят



Рис. 1. Нагрузка незанятого населения, зарегистрированного в органах службы занятости населения Российской Федерации на конец декабря 2020 г.

Нагрузка незанятого населения, зарегистрированного в органах службы занятости населения, на 100 заявленных вакансий на конец декабря 2020 г.

| Субъект | Человек | В % к декабрю 2019 г. |
|---------------------------------------|--------------|-----------------------|
| Российская Федерация | 170,1 | 323,6 |
| Северо-Западный федеральный округ | 164,0 | 311,9 |
| Республика Карелия | 257,2 | 166,5 |
| Республика Коми | 134,3 | 195,7 |
| Архангельская область | 180,0 | 198,9 |
| в том числе: | | |
| Ненецкий авт. округ | 91,6 | 134,1 |
| Архангельская область без авт. округа | 185,4 | 202,4 |
| Вологодская область | 184,0 | 393,1 |
| Калининградская область | 191,8 | 798,7 |
| Ленинградская область | 147,1 | 610,2 |
| Мурманская область | 42,6 | 110,9 |
| Новгородская область | 124,9 | 167,8 |
| Псковская область | 78,1 | 259,8 |
| г. Санкт-Петербург | 271,1 | 398,4 |

Примечание: составлено по данным Федеральной службы по труду и занятости.

глобальные изменения и в сфере занятости [1]. Проблема безработицы обострилась в реалиях настоящего времени. Данные Росстата указывают на увеличение количества незанятого на-

селения, приходящегося на 100 вакансий в целом по Российской Федерации. Рост данного показателя по состоянию на конец декабря 2020 г. (рис. 1) по сравнению с аналогичным периодом 2019 г. составляет 323,6% [2].

Самым неблагополучным регионом по показателю количества незанятого населения на 100 заявлений о вакансиях по данным Росстата в декабре 2020 г. являлся Северо-Кавказский. Северо-Западный регион занимает по данному показателю четвертое место [2]. Более детальная информация по субъектам СЗФО представлена в таблице [2].

Данные таблицы убедительно свидетельствуют о крайне неблагоприятном положении в Калининградской и Ленинградской областях с занятостью населения к концу 2020 г. Незанятое население региона оказывает весомую нагрузку на экономику региона. Следовательно, особо актуальной выглядит проблема выбора методов обучения и переобучения персонала как одного из путей преодоления создавшейся ситуации.

Образовательная деятельность как один из путей преодоления проблем в сфере занятости населения региона

Обучение и переобучение персонала, рассматривается нами как планомерно и систематически осуществляемый процесс овладения знаниями, умениями, навыками и способами общения [3], имеющий целью повышение адекватности качеств рабочей силы требованиям рынка труда. Методы обучения – это конкретные методы достижения необходимого уровня компетентности [4, с. 30].

Образовательную деятельность можно условно разделить на два вида: преподавание (передача информации) и учение (прием, освоение и применение информации).

Преподавание и учение специфичны и обладают своими закономерностями, однако их эффективная реализация возможна лишь при совместном осуществлении. Исходя из этого, обучение рассматривается как единый организованный процесс деятельности основных активных участников (обучающегося и обучаемого) [5]. В работе [3, с. 425] А. Я. Кибанов выделяет три вида обучения (рис. 2).

Обучение может быть специализированное, многопрофильное и ориентированное на личность [3, с. 425]. При этом специализированное обучение эффективно в краткосрочный период времени, нацелено на конкретную операцию, функцию. В процессе такого обучения осваивается конкретный (узкий) перечень знаний и навыков, которые нужны работнику и работодателю «здесь и сейчас». Многопрофильное обучение повышает внутрипроизводственную и внепроизводственную мобильность работника, оно охватывает более широкий спектр функций и знаний и является более эффективным с экономической точки зрения, нацелено на долгосрочную перспективу. Но обладает значительным минусом для организации – работник, прошедший данное обучение, становится более привлекательным для конкурентов и повышается риск его потери.

Обучение, ориентированное на личность, применяется, как правило, к сотрудникам, имеющим потенциал руководителя, аналитический, исследовательский склад ума, возможно, творческий, педагогический. Такой подход наиболее затратный для организации с финансовой

и временной точки зрения, он основывается на развитии качеств, уже заложенных природой или приобретенных самим человеком в процессе трудовой деятельности. Также всегда остается риск потери данного сотрудника при переходе его к конкурентам. Но результат, который можно получить, иногда окупает все затраты.

В современных реалиях очевидно, что сотрудники, прошедшие обучение в духе корпоративных ценностей своей компании, соответствующее общей политике организации, проявляют больше лояльности и гибкости, формируют определенную модель компетенций, как универсальный инструмент, который возможно использовать практически во всех персонал-технологиях – при подборе, развитии и оценке персонала, формировании кадрового резерва, разработке процедур ассесмент-центров и др. Модель компетенций может выступать как в качестве инструмента планирования и разработки персонал-технологий, так и в качестве инструмента оценки их эффективности с точки зрения соответствия стратегическим задачам организации [6, с. 11].

В рамках компетентного подхода с позиции разработанных профстандартов первостепенное значение на любом производстве должны иметь всесторонняя поддержка и развитие молодежи, способной стать в будущем мощным костяком организации, по результатам обучения в кадровый резерв отбираются самые лучшие.

При обучении на основе компетентного подхода в рамках профстандартов можно дать следующие рекомендации:

– разнообразить образовательный процесс большим количеством активных методов обучения (деловые игры, дискуссии, решение ситуа-

| | |
|--------------------------------------|---|
| Подготовка кадров | <ul style="list-style-type: none"> • планомерное и организованное обучение и выпуск квалифицированных кадров • овладение совокупностью специальных знаний, умений и навыков |
| Повышение квалификации кадров | <ul style="list-style-type: none"> • обучение кадров с целью усовершенствования знаний, умений, навыков и способов общения • связано с ростом требований к профессии или повышением в должности |
| Переподготовка | <ul style="list-style-type: none"> • обучение кадров с целью освоения новых знаний, умений, навыков и способов общения • связано с овладением новой профессией или изменившимися требованиями рынка труда |

Рис. 2. Виды обучения персонала региона

ционных задач, компьютерные обучающие системы, тренажеры-имитаторы);

– каждое обучение должно заканчиваться контролем полученных знаний и навыков, а также общей профессиональной оценкой обучающегося. В дальнейшем данные оценки могут быть использованы при аттестации персонала;

– проводить психологические тренинги, аутогенные тренировки и прочие занятия в процессе обучения руководителей, посвященные вопросам межличностного общения, работе в команде и ораторского искусства [5].

Формирование и развитие профессионального потенциала организации проходит определенные этапы (рис. 3) [7].

Обучение персонала, в свою очередь, – это развитие профессиональных знаний, умений, навыков сотрудников, которые на основе целей развития подразделений привязаны к стратегии организации.

Освобождение кадров, или высвобождение персонала, – это вид управленческой деятельности, предполагающий комплекс мероприятий при увольнении работников, по соблюдению правовых норм и организационно-психологической поддержки со стороны администрации [8].

В основе развития профессионального потенциала лежит система непрерывного образования, подготовка и переподготовка кадров, со-

вершенствование организационных структур и стиля управления. Наиболее важный фактор развития профессионального потенциала – карьера персонала организации, другими словами, успешное продвижение в области общественной, служебной и прочей деятельности (рис. 4) [9].

Как правило, работники высоко оценивают, если в организации есть возможность профессионального обучения, при этом значительные финансовые вложения в профессиональное обучение и развитие кадров организации окупаются повышением производительности труда и эффективности деятельности. Приобретение новых навыков и знаний влияет на повышение конкурентоспособности сотрудников и возможности профессионального роста как внутри, так и вне организации.

Развитие профессионального потенциала в зависимости от выбора типа обучения

Профессиональный потенциал возникает в результате интеграции и динамики таких моментов и аспектов человеческой жизни, как личностные качества, общая производительность, знания и навыки, творческие тенденции, личностная ориентация [10].

Воспроизводство и повышение человеческого потенциала, а также соответствующая степень

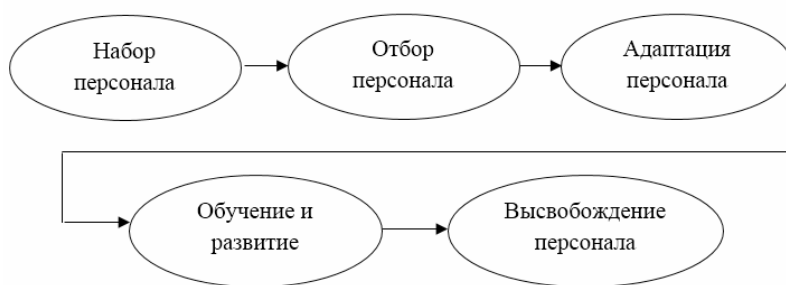


Рис. 3. Процесс формирования персонала организации

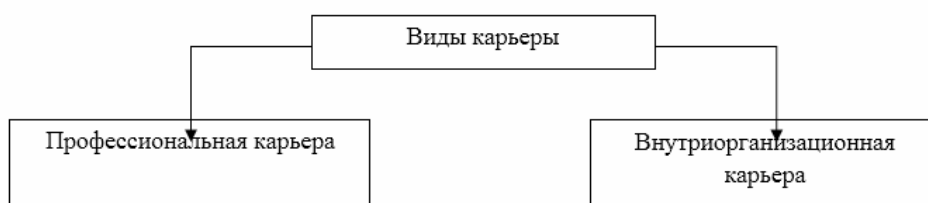


Рис. 4. Виды карьеры

эффективности труда в большинстве случаев зависят от их интеграции и баланса для отдельного человека и групп работников.

Развитие людских ресурсов региона включает в себя все мероприятия, проводимые на уровне предприятий региона, задача которых состоит в том, чтобы поддержать и реализовать процесс повышения квалификации и мотивации сотрудников. Этот процесс направлен на оснащение их профессионального потенциала свойствами, необходимыми для выполнения текущих и будущих задач. В действительности это способствует целям социально-экономического развития региона, целям компаний и индивидуальным целям работников. Они должны сводиться к выявлению особенностей, потребностей, стремлений, цели работников, предоставлению информации о своих перспективах и условиях выполнения внутри компании и, наконец, взаимной корректировке ожиданий [11].

Широко понимаемое развитие трудовых ресурсов осуществляется с помощью различных форм обучения, расширяющих знания, навыки, и формирования поведения сотрудников – планирования и реализации индивидуальной профессиональной карьеры.

Формы и методы повышения квалификации сотрудников должны быть адаптированы к потребностям рынка труда региона. Первичной (чаще всего прикладной) формой совершенствования является обучение – оно включает в себя реализованные организационные учебные процессы, направленные на дополнение существующих квалификаций для новых элементов знаний, навыков, личных качеств и поведения [12].

Существует три основных типа обучения:

- 1) подготовка к работе по данной профессии;
- 2) обучение во время работы (подготовка или развитие квалификации для работы в данной должности);
- 3) переподготовка работника (смена должности или профессии).

Также стоит обратить внимание на методы моделирования, которые обычно включают создание условий обучения и ситуаций, подобных реальной жизни. Они позволяют создавать новые, менее рутинные ситуации, например, формируя проинновационные отношения определенного типа общения и т. д.

Характерные методы улучшения – это так называемые группы методов «вне работы», то есть не имеющие прямого отношения к работе. Их общая черта – обучение выживанию.

В результате проведенных исследований было установлено, что наиболее желательные компе-

тенции включают в себя коммуникативные навыки; ориентацию на достижение; командную работу; ориентирование на клиента; гибкость; стимулирование развития других.

При этом процесс обучения можно рассматривать как часть системы стимулирования компании. Сотрудники часто рассматривают обучение как вознаграждение или возможность профессионального развития, и постоянное повышение квалификации также является задачей сотрудника, которая заключается в поддержке деятельности компании, стабильное функционирование которой влияет на стабильное функционирование экономики региона.

Также стоит отметить, что все больше и больше специалистов указывают на необходимость постоянного повышения квалификации, в том числе посредством самообразования и коучинга, представляющего партнерские отношения, в которых тренер помогает своему ученику в достижении желаемого успеха в личной и профессиональной жизни. Цели должны быть указаны сотрудником, но в то же время согласованы с тренером, поскольку он направляет, мотивирует и вдохновляет своего ученика, чтобы тот мог достичь позитивных изменений в своей жизни.

Коучинг способствует повышению культуры в организации и повышению морального духа сотрудников (улучшает командную работу). Также коучинг повышает квалификацию ключевых сотрудников и дает возможность снизить издержки компании, снижая расходы на курсы и обучение, что актуально в период пандемийной рецессии. Использование коучинга указывает на приверженность организации к развитию сотрудников [13] и удержанию его на рабочем месте, что важно для преодоления сложной ситуации на рынке труда региона.

Еще одна комбинированная форма для начинающих сотрудников – ученичество, которая может сочетать в себе не только подготовку на рабочем месте, но и вне его [14], является хорошо зарекомендовавшим себя видом обучения.

К подготовке новых работников относится первоначальное профессиональное обучение лиц, которые трудоустроились в организацию, но ранее не смогли получить профессию. При этом ученики обладают такими же правами работников, как и основные сотрудники, и находятся под действием законодательства о труде.

Одно из направлений усовершенствования процесса пользования кадровым потенциалом предприятия при постоянном обновлении и совершенствовании технологий заключается в повышении квалификации молодых сотрудников.

Обучение всегда полезно и необходимо, прежде всего, при поступлении человека в организацию, а также когда работник назначается на новую должность, когда он получает новую работу, когда проверкой установлена нехватка у сотрудника определенных навыков, чтобы он мог эффективно выполнять свою работу.

Рабочие могут обучаться и повышать квалификацию на курсах обучения совмещаемым и вторым профессиям, целевого назначения по изучению технологии, оборудования, на производствах, которые схожи по назначению, но отличаются в своих подходах к производству. Квалификация специалистов и служащих может повышаться в различных формах: углубленные и расширенные знания могут быть получены на курсах при компаниях, на курсах повышения квалификации в учебных центрах, при высших учебных заведениях, на семинарах, которые организуют многочисленные фирмы, а также в отраслевых институтах повышения квалификации.

Особенно важным для регионального рынка труда является стимулирование передачи опыта и развитие преемственности на местах. Организация процесса обучения на рабочем месте является передачей опыта опытными сотрудниками компании с длительным стажем молодым, только начинающим карьеру работникам.

Обучение включает следующие четыре этапа:

- 1) подготовка,
- 2) демонстрация,
- 3) опыт,
- 4) заключение.

На этапе подготовки обучаемому необходимо готовиться к процессу обучения через определенные предварительные действия для освобождения от естественного напряжения, которое возникает в самом начале процесса. Необходимо проверять знания обучаемого о предстоящей работе и ее особенностях. При этом важен интерес и желание к обучению, а также мотивация потребностей, которая помогает повысить уровень квалификации.

На этапе демонстрации происходит демонстрация работы – полностью или определенно ее этапа. Демонстрация проводится четко и медленно, тон речи при этом уверенный и спокойный.

На следующем этапе необходимо разобраться, что обучаемый смог усвоить; подготовить для него вопросы и провести демонстрацию. Главное при этом – быть уверенным в том, что обучаемый усвоил информацию и обрел новые знания.

После проверки понимания, обучаемому предоставляется возможность самостоятельно проводить процесс обучения. Наставник курирует процесс и помогает корректировать ошибки. Третий этап длится до овладения обучаемым основными навыками и умениями.

На четвертом этапе обучаемому выдается работа для самостоятельного выполнения. Обучаемый сам проверяет правильность выполнения, а наставник, в свою очередь, должен корректировать его дальнейшие действия, если что-то идет неправильно [15].

Усовершенствование системы внутренней переподготовки персонала дает представление о том, что ежедневная работа может облегчить сотрудникам процесс обучения, занятия могут проводиться непосредственно на рабочем месте. Такое обучение включает в себя инструктаж, приобретение опыта, метод усложняющихся заданий, передачу или делегирование части функций.

Определение необходимости обучения – важный момент в совершенствовании пользования кадровым потенциалом региона, который может осуществляться на разных уровнях: потребность обучения на рабочем месте в отделе определяется линейным руководителем, потребность фирмы в целом – кадровой службой предприятия, потребности региона – комитетом по труду и занятости.

Компетентностная парадигма обучения в контексте региональных потребностей рынка труда

В современных условиях необходимо изменить подход к управлению и перейти от управления функциональными подсистемами в бизнесе к управлению с применением компетентностного подхода [16, с. 218]. Данный подход позволяет объединить различные сферы управления кадрами, что влияет на рост стоимости человеческого капитала компании, а также на достижение стратегических целей.

Современный востребованный специалист должен обладать определенным набором знаний, умений и навыков, среди которых в законодательно-нормативных документах в том числе указана компетентность как одна из основных характеристик специалиста высокого уровня. Таким образом, логичным является ориентировать образовательный процесс на компетентность и компетенции для формирования именно специалиста высокого уровня. Современные научные изыскания, имеющие в своей основе эти два понятия, являются крайне разноплановыми

и разнообразными. Это и является главным противоречием научного знания и образования – несмотря на то, что вопросу компетенций и компетентности посвящено огромное количество научной литературы, и, казалось бы, они максимально изучены, эти понятия ни содержательно, ни инструментально не определены.

Понятие «компетентностная парадигма обучения» является относительно новым в мировой истории образования. Однако она уже прочно завоевала позицию наиболее перспективного и адекватного современным условиям жизни подхода.

После присоединения в сентябре 2003 г. Российской Федерации к Болонской декларации в отечественном образовании на всех уровнях был взят курс на модернизацию всей системы образования. Ранее в советском периоде образование основывалось на принципе ЗУНов – знаний, умений и навыков, и состояло из теоретического обоснования, определения номенклатуры, иерархии знаний, умений и навыков, методик их формирования, контроля и оценки.

Компетентность – это «область полномочий управляющего органа, должностного лица; круг вопросов, по которым они обладают правом принятия решений. Зона полномочий тех или иных органов и лиц устанавливается законами, другими нормативными актами, положениями, инструкциями, уставами», а также знаниями, опытом в той или иной области.

В свою очередь компетенция – это «круг вопросов, явлений, в которых данное лицо обладает авторитетностью, познанием, опытом, а также круг полномочий, область подлежащих чему-нибудь ведению вопросов, явлений».

После вступления в силу нового закона об образовании, определяющего нормативную базу всего российского законодательства, было замечено, что, несмотря на его компетентностно-ориентированную парадигму, в самом тексте закона четких определений двух данных понятий нет. Многие авторы в связи с этим работают над формированием определения данных понятий, однако в связи с высокой степенью их размытости и на теоретическом, и на практическом уровнях эта работа значительно затруднена. Так, приведенные определения лишь максимально близки к истине, однако и они не являются исчерпывающими.

Критика старой оценочно-балльной системы – основы устоявшейся знаниево-ориентированной модели любого обучения – базировалась на неактуальности парадигмы для условий современного мира как не дающей адекватной реальной оценки уровня образованности обучаю-

щейся личности. В отличие от этой устаревшей системы, в новой актуальной компетентностной системе основной смысловой акцент делается на достижение результата в реальной профессиональной практике и позволяет грамотно оценить необходимый прикладной характер проведенной подготовки специалиста к профессии.

В процессе перехода к компетентностной парадигме обучения сложилось два похода: революционный и эволюционный. Революционный предполагает резкую отмену такого устаревшего понятия как ЗУНы, в связи с чем можно наблюдать замену привычных понятий на «компетентность», «компетенции», «конкурентоспособность», «мобильность» и прочее, использование которых, однако, не всегда четко определено, как уже было сказано ранее. Эволюционный подход получил название «ЗУН+», он предполагает преобразование старого подхода в современном духе и использование новых методик. Таким образом, имея привычные ЗУНы в качестве основы, на них «наслаиваются» новые педагогические категории – компетентность, компетенции.

Российская методологическая парадигма при трактовке определения «компетенция», как правило, состоит из знаний, умений и навыков. При поведенческом подходе к компетенциям в них входит конкретный набор характеристик субъекта. Таким образом, компетенции – это «основные характеристики субъекта, обладатель которых может в работе показать высокие результаты» [17, с. 98].

С. Уиддетт и С. Холлифорд ограничивают компетенции рамками предприятия, говоря о том, что компетенция описывает «поведение, которое демонстрирует индивид в период эффективного исполнения задач в пределах определенной компании» [5, с. 107].

Л. С. Андреева ограничивает понятие «компетенция» рамками предприятия и считает, что «компетенции напрямую связаны с эффективной работой субъекта» [16, с. 219].

Л. М. Спенсер-мл. и С. М. Спенсер придерживаются аналогичного мнения, считая, что компетенция – это «индивидуальная характеристика субъекта, которая показывает эффективность его трудового поведения» [18, с. 144].

Унификация процедур и критериев оценки персонала при использовании компетентностного подхода позволяет объединить различные процессы в управлении кадрами, что положительно влияет на результат работы и достижение синергетического эффекта. Также данный подход способствует объективности как при подборе кадров, так и при оценке кадрового потенциала.

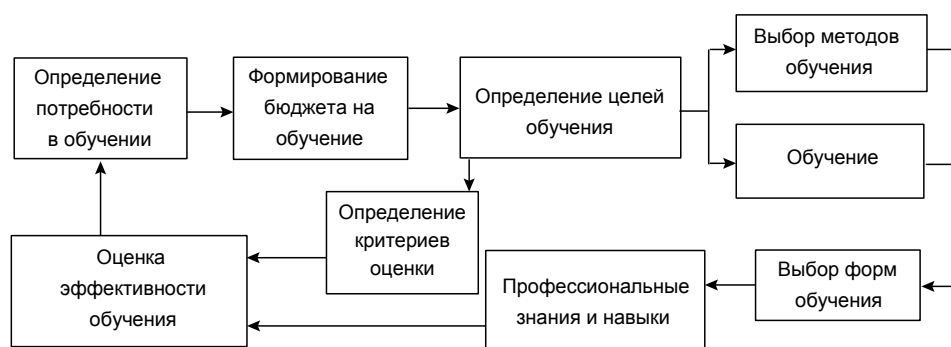


Рис. 5. Основные компоненты циклического процесса обучения

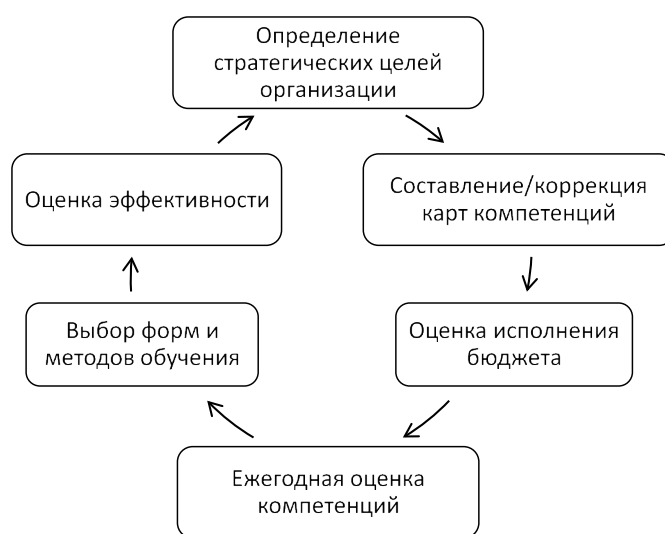


Рис. 6. Анализ циклического процесса обучения на основе системного подхода

Чтобы определить необходимость в обучении и повышении квалификации сотрудников, также используется компетентностный подход. Профессиональные качества опытных сотрудников оцениваются с использованием компетентностных профилей идеальных работников конкретных должностей.

О. В. Нестерова говорит о том, что процессу обучения свойственен циклический характер [19, с. 34].

На рис. 5 схематично изображен цикл обучения в современных компаниях [19, с. 35].

Исходя из основных функций менеджмента, Л. С. Андреева представила цикл обучения более крупными блоками (планирование, организация, мотивация, контроль) [16, с. 120].

При проведении процесса обучения, исходя из компетентностного подхода, схема видоизменяется (рис. 6) [19, с. 36].

В рамках изучения особенностей определения потребности в обучении компетентностно-

му подходу в российских компаниях был проведен эмпирический анализ на основе 30 компаний малого и среднего предпринимательства, численностью около 500 человек. Был применен метод анкетирования на основе методики, разработанной О. Л. Чулановой (анкета «Использование компетентностного подхода в компании») [19, с. 36].

Согласно результатам исследования, около 45% организаций используют компетентностный подход в управлении кадрами и 10% организаций планируют его применить.

Из числа компаний, внедривших компетентностный подход, 39% разрабатывали модели и профили самостоятельно, 61% организаций воспользовались помощью внешних консультантов.

Чаще всего компетентностный подход используют в обучении сотрудников. При этом процесс обучения и развития кадров, а также формирование резерва персонала очень тес-

но связаны. Около 90% компаний считают, что компетентностный подход эффективен при управлении кадрами. Менее 10% организаций считают, что компетентностный подход, применяемый у них, требует доработки.

Заключение

В современных экономических условиях произошли значительные изменения в области занятости и применения образовательных технологий. Проблема обучения и переобучения персонала выглядит особо актуальной в свете обострения безработицы из-за несоответствия качеств рабочей силы требованиям рынка труда региона.

Развитие человеческих ресурсов включает в себя все мероприятия, проводимые в организации, задача которых состоит в том, чтобы поддержать и реализовать процесс повышения квалификации и мотивации сотрудников. Этот процесс направлен на оснащение их профессионального потенциала свойствами, необходимыми для выполнения текущих и будущих задач.

Профессиональное обучение персонала включает в себя подготовку новых сотрудников, переподготовку и обучение вторым (смежным) профессиям, повышение квалификации. Обучение проводится как на рабочем месте, так и в учебных заведениях региона.

Обучение увеличивает стоимость человеческого капитала, а также способствует повышению конкурентоспособности предприятия. Системное обучение сотрудников компании требует серьезного финансирования. Отдача от инвестиций напрямую зависит от продуманности этапа планирования потребности в обучении, а также от степени соответствия целей обучения и стратегии организации.

В современных условиях необходимо изменить подход к управлению и перейти от управления функциональными подсистемами в бизнесе к управлению с применением компетентностного подхода. Данный подход позволяет объединить различные сферы управления кадрами, что влияет на рост стоимости человеческого капитала компании, а также на достижение стратегических целей. Унификация процедур и критериев оценки персонала при использовании компетентностного подхода позволяет объединить различные процессы в управлении кадрами, что положительно влияет на результат работы, и достигается синергетический эффект. Также данный подход способствует объективности как при подборе ка-

дров, так и при оценке уже имеющихся в фирме сотрудников.

При обучении на основе компетентностного подхода необходимо не только включать в образовательный процесс активные методы обучения и контролировать знания и навыки обучающихся, но и широко освещать вопросы межличностного общения, обучать ораторскому искусству и умению работать в команде.

Таким образом, образовательная деятельность рассматривается как один из путей преодоления проблем в сфере занятости населения региона с использованием адекватных форм и методов обучения. Анализ компетентностной парадигмы обучения в контексте региональных потребностей рынка труда показал, что особое внимание необходимо уделять развитию профессионального потенциала сотрудников региональных предприятий во взаимосвязи с выбором типа обучения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шматко А. Д. Использование интеллектуального капитала для инновационного развития компаний // Вестник экономической интеграции. 2010. № 12. С. 100–103.
2. Социально-экономическое положение федеральных округов // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11109/document/13260> (дата обращения: 15.03.2021).
3. Кибанов А. Я. Управление персоналом организации / под ред. док. экон. наук, проф. А. Я. Кибанова. М.: ИНФРА-М, 2010. 695 с.
4. Чуланова О. Л. Компетентностный подход в работе с персоналом: теория, методология, практика: монография. М.: ИНФРА-М, 2016. 292 с.
5. Уиддет С., Холлифорд С. Руководство по компетенциям. М.: Арт-Пресс, 2016. 255 с.
6. Кибанов А. Я., Митрофанова Е. А., Коновалова В. Г., Чуланова О. Л. Концепция компетентностного подхода в управлении персоналом: монография. М. ИНФРА-М, 2014. 156 с.
7. Дуракова И. Б., Волкова Л. П. Управление персоналом: учебник. ИНФРА-М, 2019. 384 с.
8. Одегов Ю. Г., Руденко Г. Г. Управление персоналом: учебник. М.: Юрайт, 2014. 513 с.
9. Арсеньев Ю. Н. Управление персоналом. Модели управления: учеб. пособие. М.: Юнити-Дана, 2015. 103 с.
10. Веснин В. Р. Практический менеджмент персонала: пособие по кадровой работе. М.: Юристъ, 2014. 230 с.

11. **Галинская Е. В., Иващенко А. А., Новиков Д. А.** Модели и механизмы управления развитием персонала. М.: ИПУ РАН, 2015. 68 с.
12. **Петросянц Д. В.** Индекс развития человеческого потенциала в субъектах РФ // Региональная экономика. 2015. № 43. С. 23–31.
13. **Грин Дж., Грант Э. М.** Коучинг принятия решений. СПб.: Питер, 2015. 144 с.
14. **Комиссарова Т. А.** Управление человеческими ресурсами: учеб. пособие. М.: Дело, 2014. 312 с.
15. **Кибанов А. Я.** Основы управления персоналом. М.: ИНФРА-М, 2016. 204 с.
16. **Андреева Л. С.** Использование модели компетенции в управлении сотрудниками организации // Менеджмент персонала. 2016. № 5. С. 118–222.
17. **Митрофанов Е. К.** Компетентностный подход: теория и практика. СПб.: Питер, 2017. 208 с.
18. **Спенсер-мл. Л. М., Спенсер С. М.** Компетенции на работе. М.: Юнити-Дана, 2017. 355 с.
19. **Нестерова О. В.** Обучение персонала как средство стратегии компании // Наукоедение. 2016. № 7. С. 33–48.

УДК 316.422+332.1

DOI: 10.31799/2411-4588-2021-1-24-29

Ольга Витальевна Заборовская*

доктор экономических наук, профессор

Надежда Валентиновна Сипунова*

кандидат экономических наук

*Государственный институт экономики, финансов, права и технологий

Санкт-Петербург, Россия

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПОВЫШЕНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ИНДИВИДУУМА В КОНТЕКСТЕ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

Аннотация. Статья посвящена проблеме повышения социальной ответственности индивидуума как фактора, способствующего достижению целей устойчивого развития региона. В ней уделено внимание следующим вопросам: устойчивое развитие региона как пересечение экономической, социальной и экологической сферы; проблема эффективного расходования ресурсов для достижения устойчивого развития; понятие и структура социальной ответственности индивидуума, ее влияние на качество человеческого капитала и качество жизни. Отдельное внимание уделено социальному контракту как экономическому инструменту стимулирования социальной ответственности индивидуума.

Ключевые слова: устойчивое развитие региона, социальная ответственность индивидуума, эффективность социальных расходов.

Olga V. Zaborovskaya*

Grand PhD in Economic Sciences, Professor

Nadezhda V. Sipunova*

PhD in Economic

*The State Institute of Economics, Finance, Law and Technology

St. Petersburg, Russia

ECONOMIC ASPECTS OF INCREASING THE SOCIAL RESPONSIBILITY OF THE INDIVIDUAL IN THE CONTEXT OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF THE REGION

Abstract. The article is devoted to the problem of increasing the social responsibility of an individual as a factor contributing to the achievement of the goals of sustainable development of the region. It focuses on such issues as: sustainable development of the region as the intersection of the economic, social and environmental spheres; the problem of efficient use of resources to achieve sustainable development; the concept and structure of an individual's social responsibility, its impact on the quality of human capital and the quality of life. Special attention is paid to the social contract as an economic tool to stimulate the social responsibility of the individual.

Keywords: sustainable development of the region, social responsibility of the individual, efficiency of social spending.

Устойчивое (сбалансированное) социально-экономическое развитие традиционно понимается как гармоничное развитие экономической, социальной и экологической сфер жизнедеятельности, благодаря которому достигается общественный прогресс и высокое качество жизни населения. Первоначально фокусом внимания в обеспечении условий устойчивости выступали экологические проблемы, связанные с качеством среды обитания человека и экологи-

ческими ограничениями в деятельности хозяйствующих субъектов.

Несмотря на то, что вопросы окружающей среды не потеряли своей актуальности, в целом в позициях мирового сообщества наблюдается сдвиг в пользу социальных аспектов. В 2015 г. ООН приняла Повестку дня в области устойчивого развития на период до 2030 г., в которой выделены такие ключевые цели, как ликвидация нищеты, рост качества жизни, обеспече-

ние благоприятных жизненных перспектив [1]. Позиция ООН по отношению к региональному уровню (страны и отдельные территории) состоит в указании на необходимость ориентации бюджетной политики, мер по регулированию экономики на активное решение социальных проблем, поиска соответствующих ресурсов.

Ключевым вопросом разработки и реализации направлений социальной политики является ресурсное обеспечение. Большинство социальных государств выделяют значительные средства на развитие социальной сферы, поскольку именно там удовлетворяются основные потребности, связанные с качеством жизни населения. При этом расширяется спектр вариантов социальной помощи, все больше становится поддерживаемых категорий населения, увеличивается объем социальных гарантий. Эти тенденции ставят перед органами государственного и муниципального управления вопрос эффективности расходов социального характера, также исключительно государство не может обеспечить в полной мере растущие потребности в ресурсах со стороны социальной сферы.

Кроме того, в развитых социальных государствах усиливается роль негосударственных субъектов социальной политики, которые способны дополнить и расширить предоставляемые социальные гарантии, улучшить жизнь местного сообщества.

В рекомендациях ООН по устойчивому развитию также идет речь о вовлечении отдельных членов общества в процесс достижения целей (молодежь, структуры гражданского общества, средства массовой информации, научная общественность, профессиональные объединения).

В связи с этим в современных условиях можно говорить о возрастании значения социальной ответственности государства, бизнеса и индивидуума в развитии социальной сферы. В научной литературе представлены многочисленные исследования, связанные с понятием и трактовкой сущности социальной ответственности государства, корпоративной социальной ответственности. В то же время вопросам социальной ответственности индивидуума уделяется заметно меньше внимания.

Идеи социальной ответственности бизнеса вначале понимались как необходимость соблюдения законодательных требований, установленных норм и правил, позднее эта трактовка расширялась с точки зрения обеспечения социального развития коллектива и местного сообщества.

Человек выступает носителем человеческого капитала, который, с одной стороны, опреде-

ляется личными качествами, с другой стороны, формируется в рамках социально-экономической системы соответствующего уровня. Доходы и благосостояние индивидуума во многом зависят от того, как оценивается его человеческий капитал. Величина и качество человеческого капитала, в свою очередь, в значительной мере определяются личными действиями (выбор образовательного маршрута, профессии, забота о своем здоровье, усилия по повышению квалификации).

Достаточная оценка человеческого капитала на рынке труда, выражающаяся в уровне заработной платы, позволяет обеспечить самостоятельно многие социальные потребности и выводит индивидуума из категории нуждающегося в социальной помощи со стороны государства (такой индивидуум не попадает в категорию малообеспеченных). В связи с этим государству, с одной стороны, целесообразно стимулировать бизнес создавать новые рабочие места, обеспечивать действенный контроль соблюдения требований к минимальному размеру оплаты труда, преодолевать проблемы «серой» заработной платы; с другой стороны, для государства экономически эффективно стимулировать носителей человеческого капитала к получению образования, к участию в профессиональной подготовке и переподготовке, заботе о собственном здоровье (это сокращает потребности в ресурсах на социальную поддержку). Также необходимо создание для этого соответствующей инфраструктуры (системы организаций, обеспечивающих данные процессы: образовательных учреждений, учреждений профессиональной подготовки, физкультурно-оздоровительных организаций, учреждений здравоохранения).

Большинству социальных государств свойственна развитая система социальной защиты, забота о поддержке семьи и детей, особое внимание уделяется лицам с ограниченными возможностями здоровья. На социальную сферу выделяются огромные средства (см. таблицу), согласно данным, приведенным в документе «Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2021 год и на плановый период 2022 и 2023 годов» (утверждено Минфином России) [2].

Динамика расходов объясняется наличием экстренных расходов в связи с пандемией и постепенным возвращением их к обычной величине. Таким образом, выделяются значительные средства на решение социальных проблем. Это характерно для стран, реализующих идеи социального рыночного хозяйства. Как отмечают многие исследователи, одним из основных про-

**Расходы социального характера бюджетов бюджетной системы
по разделам функциональной классификации в 2019–2023 гг. (в % к ВВП)**

| Показатель / Год | 2019 | 2020 | 2021 | 2022 | 2023 |
|--------------------------------------|-------------|-------------|-------------|-------------|-------------|
| Социальная политика | 11,8 | 13,5 | 12,8 | 12,1 | 11,9 |
| Образование | 3,7 | 4,0 | 3,9 | 3,7 | 3,6 |
| Здравоохранение | 3,5 | 4,1 | 3,8 | 3,7 | 3,6 |
| Культура | 0,5 | 0,6 | 0,5 | 0,5 | 0,5 |
| Физкультура и спорт | 0,3 | 0,3 | 0,3 | 0,3 | 0,3 |
| Расходы социального характера | 19,8 | 22,5 | 21,3 | 20,3 | 19,9 |

Примечание: составлено авторами по [2].

тиворечий социального рыночного хозяйства является противоречие между потребностью в обеспечении экономического роста и стимулировании экономической активности, так как именно в экономической сфере, в деятельности хозяйствующих субъектов генерируются необходимые ресурсы, с одной стороны, и возрастанием социального иждивенчества в условиях сильной системы социальной защиты – с другой.

Чрезмерная социальная поддержка нуждающихся слоев населения может привести к ослаблению конкуренции, снижению эффективности рыночных регуляторов, что потенциально снижает объем прибыли в экономике, ухудшает другие экономические параметры и снижает в конечном итоге возможности государства реализовывать свою социальную роль. В аналитическом материале Высшей школы экономики приводятся в связи с этим две интересные в контексте рассматриваемой проблематики цитаты:

Людвиг Эрхард: «когда все усилия социальной политики направлены на то, чтобы каждого человека... предохранить от всех превратностей жизни... нельзя требовать от людей..., чтобы они выявили в необходимой мере такие качества, как жизненная сила, инициатива, стремление к достижениям в производительности и другие лучшие качества». В. Гутник: «наилучший социальный порядок существует не там, где путем перераспределения общественного продукта обеспечивается максимально широкая социальная поддержка, а там, где в такой поддержке нуждается минимальное число граждан» [3].

Преодоление указанного противоречия возможно на основе развития социальной ответственности индивидуума. В научной литературе встречается термин «личная социальная ответственность» (часто в контексте личной социальной ответственности предпринимателя), как правило, речь идет о мотивах, побуждающих предпринимателей участвовать в благотвори-

тельности, иначе говоря, о личной ответственности, связанной с социальной помощью другим людям. В таком ключе говорит о личной социальной ответственности, например, Ю. Е. Мужичкова. Она выделяет четыре типа личной социальной ответственности: экстернальную, интернальную, прагматическую и дистантную.

Экстернальная личная социальная ответственность определяется потребностью в одобрении со стороны окружающих, общественном признании за благотворительные поступки. Интернальная связана с внутренними установками (чувство долга, моральные обязательства). Прагматическая социальная ответственность предполагает извлечение выгоды (получение льгот, снижение налогов). Дистантная ответственность – по сути отказ от помощи другим по различным мотивам (неверие в деятельность благотворительных фондов, отрицание социальной справедливости в оказании помощи и т.п.) [4].

Мы предлагаем трактовать социальную ответственность индивидуума в первую очередь с позиций ответственности за качество собственной жизни.

Под социальной ответственностью индивидуума будем понимать ответственность индивидуума за социально-экономическое благополучие себя и членов своей семьи, за решение возникающих социальных проблем, реализация которой обеспечивается принятием усилий по росту личных доходов с соблюдением законов, норм и правил общественной жизни, а также участием в деятельности, способствующей развитию местного сообщества как фактора улучшения качества жизни населения определенной территории.

Социально ответственное поведение индивидуума способствует снижению транзакционных издержек, росту эффективности социальных расходов, достижению целей устойчивого

развития. Поэтому стимулирование социально ответственного поведения выступает одной из задач государственного регулирования. По аналогии с подходом, предлагаемым Ю. Е. Мужичковой, можно выделить следующие виды социальной ответственности индивидуума:

– экстернальная социальная ответственность индивида (социально ответственное поведение проявляется под воздействием внешних факторов, например, страха потери рабочего места, увязывания мер социальной поддержки с активным участием в решении собственных социальных проблем);

– интернальная социальная ответственность индивидуума (основана на убеждении в том, что именно сам человек способен обеспечить себе необходимый уровень жизни, опоре на собственные силы в достижении социально-экономического благополучия);

– прагматическая социальная ответственность индивидуума (основана на возможном росте социального статуса и влияния вследствие роста благосостояния и экономического благополучия домохозяйств);

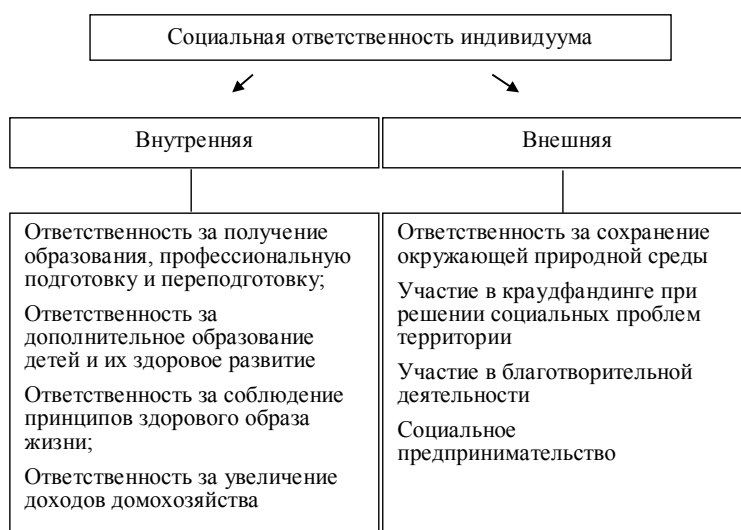
– дистантная социальная ответственность индивидуума (основана на позиции социального иждивенчества и предполагает перекалывание ответственности за свою жизнь на государство и общество).

По аналогии с корпоративной социальной ответственностью можно выделить внутреннюю и внешнюю социальную ответственность индивидуума (см. рисунок). Принципы внутренней социальной ответственности направлены на рост благосостояния домохозяйства и повышение качества жизни его членов. Принципы

внешней социальной ответственности направлены на участие в развитии социальной сферы на территории проживания. Здесь в первую очередь речь идет о поведении, способствующем сохранению окружающей среды (раздельный сбор мусора, соблюдение правил обращения с опасными отходами, природосохраняющий отдых и т.п.).

Стимулирование социальной ответственности индивидуума на региональном уровне способствует достижению целей устойчивого развития. С экономической точки зрения социально ответственное поведение индивидуума способствует повышению эффективности расходов социального характера и в конечном итоге экономии ресурсов. По мнению авторов, одним из инструментов стимулирования выступает социальный контракт.

Социальный контракт – это особая мера социальной поддержки, предполагающая заключение договора между нуждающимся в такой поддержке гражданином и органом социальной защиты (контракта) на предоставление помощи в денежной или иной форме (например, в форме услуг) на определенный срок при условии, что гражданин берет на себя ряд обязательств (пройти переобучение, повысить квалификацию, открыть собственное дело, организовать фермерское хозяйство, найти работу). Основная цель социального контракта – побудить человека к активным действиям по решению собственных социальных проблем, предотвратить социальное иждивенчество. Социальный контракт имеет региональные особенности. Требования, предъявляемые к его участникам, различаются.



Виды внутренней и внешней социальной ответственности индивидуума (разработано авторами)

Возможность заключения социального контракта есть у граждан, которые признаны малоимущими (их доход ниже регионального прожиточного минимума). В регионах все активней используется эта мера.

Идея социального контракта в качестве эксперимента была реализована в семнадцати субъектах Российской Федерации, по итогам эксперимента были внесены изменения в федеральное законодательство. Как указано на официальном сайте Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации, «принят Федеральный закон от 25 декабря 2012 г. № 258-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О государственной социальной помощи», предусматривающий оказание государственной социальной помощи на основании социального контракта» [5]. Реализация программы социального контракта началась в 2013 г. Каждый субъект Российской Федерации разрабатывал собственную нормативную базу, и уже к 2014 г. социальный контракт можно было заключить в 55 регионах. С 2021 г. он доступен на всей территории страны.

Несмотря на то, что социальный контракт показывает хорошие результаты, регионы используют его недостаточно активно, что связано с ограниченными возможностями региональных бюджетов. Есть и ряд других проблем. Так, Аналитический вестник Совета Федерации приводит данные опроса населения относительно социального контракта (опрос проведен в 2020 г.). Согласно результатам опроса, ключевыми проблемами реализации социального контракта являются (по мере убывания значимости): недостаточный объем денежных средств, которыми можно воспользоваться; узкий перечень направлений, по которым возможно расходование средств; недостаточная информированность о возможностях и условиях контракта [6].

В настоящее время ряду регионов федеральный центр предоставляет субсидии на софинансирование социального контракта. В 2020 г. в этот список вошел 21 субъект Российской Федерации (участники пилотного проекта по сокращению бедности в два раза к 2024 г.), в общей сложности им выделено 7 млрд руб. Это такие регионы, как Республики Алтай, Башкортостан, Коми, Марий Эл, Мордовия, Татарстан, Тыва, Кабардино-Балкарская, Удмуртская, Чувашская; Алтайский, Пермский и Приморский края; Вологодская, Ивановская, Курганская, Липецкая, Нижегородская, Новгородская, Саратовская и Томская области.

Если пилотный проект окажется успешным, его опыт будет распространен на другие

регионы, и возможности применения социального контракта расширятся. Изменения коснутся смягчения ограничений по расходованию средств, возможностей поддержки занятости граждан. Кроме того, планируется совершенствование социального контракта с системных позиций, а именно: вовлечение во взаимодействия с государственными региональными органами социальной защиты органов поддержки малого и среднего предпринимательства, развитие образования, сельского хозяйства, привлечение к разработке условий социального контракта представителей муниципалитетов.

По данным Минтруда РФ, только в 2019 г. социальным контрактом было охвачено 321,5 тыс. человек, большая часть контрактов заключалась с семьями с детьми до 16 лет [7]. В дальнейшем в 2021–2023 гг. субсидии на софинансирование будут предоставляться всем регионам (общая величина субсидий – 29,2 млрд руб. ежегодно).

Таким образом, повышение индивидуальной социальной ответственности не только является важным методом повышения адресности социальной защиты, но и способствует снижению социального иждивенчества, экономии бюджетных средств региона, повышению эффективности социальных расходов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Повестка дня в области устойчивого развития. Материалы ООН. URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/about/development-agenda> (дата обращения: 15.04.2021).
2. Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2021 год и на плановый период 2022 и 2023 годов (утв. Минфином России). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_364178/715b5e881ee21801367462b9984da3ea402082f6 (дата обращения: 15.04.2021).
3. Концепция социального рыночного хозяйства: формирование, развитие, современный подход // Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Научно-образовательный портал IQ. URL: <https://iq.hse.ru/more/economics/kontseptsia-socialnogo-rynchnogo-hoziajstva> (дата обращения: 15.04.2021).
4. Мужичкова Ю. Е. Зависимость факторов личной социальной ответственности от личностных характеристик // Вестник Финансового университета. Гуманитарные науки. 2015. № 1 (17).

URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zavisimost-faktorov-lichnoy-sotsialnoy-otvetstvennosti-ot-lichnostnyh-harakteristik> (дата обращения: 15.04.2021).

5. Министерство труда и социальной защиты РФ. Официальный сайт. URL: <https://mintrud.gov.ru/docs/mintrud/protection/195> (дата обращения: 15.04.2021).
6. Перспективы использования социальных контрактов: от пилотных проектов к системной рабо-

те // Материалы заседания Совета по развитию социальных инноваций субъектов РФ при Совете Федерации Федерального Собрания РФ (Совет Федерации, 25 июня 2020 года) // Аналитический вестник Совета Федерации РФ. 2020. № 10 (753).

7. Министерство труда и социальной защиты РФ. Официальный сайт. Раздел «Социальная защита». URL: <https://mintrud.gov.ru/social/223> (дата обращения: 15.04.2021).

УДК 316.422+338.26

DOI: 10.31799/2411-4588-2021-1-30-36

Сергей Валентинович Кузнецов*

доктор экономических наук, профессор

Евгений Анатольевич Горин*

доктор экономических наук, профессор

*Институт проблем региональной экономики РАН

Санкт-Петербург, Россия

СОЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ИННОВАЦИОННОЙ ПРОМЫШЛЕННОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

Аннотация. Обсуждаются проблемы технологического развития и обеспечения конкурентных преимуществ отечественной промышленности, роль современного предприятия как системообразующего социально-экономического элемента и социального аспекта инновационной промышленной модернизации. Рассмотрена роль производственного коллектива как заказчика новаций, генератора новых знаний и потребителя инновационного продукта. Изучены механизмы инновационной активизации на примере промышленных предприятий Санкт-Петербурга.

Ключевые слова: промышленность, предприятие, инновации, модернизация производства, социально-экономические отношения, трудовой коллектив.

Sergey V. Kuznetsov*

Grand PhD in Economic Sciences, Professor

Evgeny A. Gorin*

Grand PhD in Economic Sciences, Professor

*Institute for Regional Economic Studies Russian Academy of Sciences

St. Petersburg, Russia

SOCIAL ASPECT OF INNOVATIVE INDUSTRIAL MODERNIZATION

Abstract. The problems of technological development and ensuring the competitive advantages of national industry, the role of a current enterprise as a system-forming socio-economic element and social aspect of innovative industrial modernization are discussed. The role of the production team as a customer of innovations, a generator of new knowledge and a consumer of an innovative product is considered. The mechanisms of innovative activation on the example of industrial enterprises of St. Petersburg are studied.

Keywords: industry, enterprise, innovation, modernization of production, socio-economic relations, labor collective.

Демократизация экономических отношений, стремительное развитие технологий, возрастающая информационная и логистическая доступность меняют не только структуру и содержание промышленного производства и обеспечивающих его систем, но и всю общественную ауру, ориентацию политических и технологических элит, интересы населения и миграционные процессы, структуру образования и подготовку кадров; происходят качественные перемены в государственном управлении.

Существенно, что в отличие от моделей рыночного равновесия и производственных функций, предполагающих взаимозаменяемость

факторов производства, в практическом применении знание зачастую является неотделимым от своего носителя – индивида, научного или производственного коллектива. Это определяет неизбежное движение общества к интеллектуальной экономике, опирающейся на экономику знаний [1].

Важно отметить, что *предприятие* как коллектив индивидуумов тоже создает *знание* и определяет технологический уровень экономики, а актуальность такого утверждения в современных условиях только возрастает. В рамках деятельности производственного предприятия проще преодолеть барьеры, связанные

с психологическими и поведенческими установками участников экономической деятельности, поскольку в данном социальном элементе, по определению Г. Б. Клейнера, реализуется «широкая сфера нетоварного маркетинга, не имеющего коммерческого характера».

Именно поэтому особое значение для технологического развития и обеспечения конкурентных преимуществ отечественной промышленности имеет национальный проект «Производительность труда и поддержка занятости», успешная реализация которого тесно связана как с кадровыми решениями, так и с оптимизацией управления и новыми технологиями, с кардинальным повышением эффективности любых производственных процессов.

Здесь стоит отметить, что общие соображения и анализ статистических данных ориентируют не столько на рост производительности труда, сколько на комплекс мер по стимулированию экономического роста. Когда при высоких ценах на нефть экономика росла по 5–8% в год, годовые темпы роста производительности труда достигали 7–7,5% (за исключением 2009 г., когда в кризис этот показатель упал до 4,1%). На дальнейшее замедление роста экономики и кризис 2015–2016 гг. отреагировала и производительность труда: к 2013 г. ее рост замедлился до 2,1%, в 2014 г. – до 0,8%, уменьшился на 1,3% в 2015 г. и не изменился в 2016 г. Послекризисное восстановление шло медленно (2,1% в 2017 г. и 2,8% в 2018 г.), оправдался прогноз Минэкономразвития о слабом росте на 2019 г. (2,0%) [2], но ожидаемое ускорение до 3,1% к 2024 г. вряд ли будет достигнуто, что обусловлено общемировыми экономическими проблемами и негативным воздействием пандемии коронавируса.

Поскольку производительность труда напрямую коррелирует с ВВП, а национальный ВВП в 2020 г. упал на 3,1%, можно ожидать, что и производительность труда продемонстрирует аналогичное снижение. Но делать серьезные выводы о влиянии пандемии, а заодно и возрастающего политического и экономического противостояния пока преждевременно.

Вместе с тем, исходя из общих соображений, как только начинается экономический рост, обеспечиваемый загрузкой предприятий заказами, растет и производительность труда в силу более эффективного использования рабочей силы [3].

Для нашего анализа важно, что производительность труда, в свою очередь, определяется личной и коллективной квалификацией, используемыми технологиями и оборудованием,

эффективностью инфраструктурных и управляющих институтов, а рост производительности труда основывается на инновациях. Однако с инновациями связано существенно большее, чем экономические стимулы и временные рыночные преимущества, поскольку именно прогресс науки, техники и управления предшествует экономическому росту и делает этот рост возможным [4]. Этот фактор определяет принципиальную важность постоянного технологического обновления, и в первую очередь в материальном производстве.

Вполне очевидно, что осуществленные в нашей стране вразрез с логикой развития действия по реформе научной сферы и переводу науки из реального сектора экономики в сектор услуг, переподчинение академических институтов хозяйственным министерствам параллельно с ликвидацией отраслевых институтов естественным образом привели к разрыву традиционных связей в управлении исследовательской и внедренческой деятельностью.

Несмотря на предпринятые в последние годы меры [5] и трудно поддающееся систематизации большое число разнообразных и постоянно меняющихся стимулирующих мер и инструментов поддержки, «в системе управления научно-технологическим развитием продолжает сохраняться системный разрыв между наукой и реальным сектором производства» [6]. В связи с этим весьма важные функции по внутреннему инновационному развитию сместились во внутреннюю структуру предприятий, в его коллективы, ядро которых в случае наукоемких и конкурентных сфер деятельности составляют высококвалифицированные и мотивированные специалисты.

Хотя основной смысл в факте формирования и существования предприятия – это хозяйственная или производственная функция, но реализуются и остальные функции, трансформируясь в разных политических и экономических условиях. В том числе технологическая модернизация – важнейший компонент в системе функционирования промышленного предприятия, с которого оно начинается, поскольку создается для решения определенных интересных для общества или конкретных персоналий задач с заданными функциями. Причем в основу указанного функционирования всегда закладывается и достигнутый уровень научных и практических знаний, технологических достижений и возможностей.

На рис. 1 приведено «окружение» современного отечественного предприятия, подверженного глобальным трансформациям, несущим



Рис. 1. Трансформация социально-экономических взаимоотношений для современного промышленного предприятия

как позитивное, так и негативное содержание для становления, функционирования и развития предприятия, а также вызовам и проблемам, носящим текущую политическую повестку – вовлеченность в неравноправное мировое разделение труда и санкционное давление.

В данном контексте речь идет о самостоятельном предприятии в рыночной среде, хотя значительная часть отечественной высокотехнологичной промышленности «встроена» в госкорпорации, где реализуются несколько другие условия, среди которых вертикальное управление, доступ к ресурсам и гарантированный сбыт.

В течение многих лет во главу угла социально-экономического регулирования ставились цели повышения уровня экономического развития, эффективности использования ресурсов, увеличения темпов экономического роста. Реформы 1990-х гг. в нашей стране сместили акценты в деятельности базовых субъектов социально-экономической системы государства – промышленных предприятий. Произошла смена правовой основы их деятельности, ключевая задача любого традиционного предприятия – удовлетворение общественных потребностей – сохранилась, но отошла на второй план, акцент сместился на прибыльность.

Кстати, малое инновационное предприятие, очевидно, в большей степени подпадает под критерии предпринимательства, а здесь уже начиная с Федерального закона ФЗ 445-1 от 25.12.1990 получение прибыли ставится во главу угла. Можно было бы с этим согласиться, но такая постановка явно дает избыточный простор для контролирующих, инвестирующих и налоговых органов и выставления придирчивых, но согласующихся с законом требований, в то время как любая положенная на попытку практической реализации новация, а тем более пионерская идея, вряд ли быстро станет прибыльной.

Ситуацию спасает извечное стремление человека к познанию и поиску нового, еще сохраняющийся в обществе, несмотря на активно проповедуемые принципы индивидуализма, когда основным мерилом жизненного успеха оказываются полученные доходы вне зависимости от способа их получения.

Индивидуализм как идеология занял господствующее место, оттеснив коллективизм и социальную справедливость, поэтому обсуждается создание новой системы социального регулирования в России с формированием социального государства через качественное изменение

условий трудовой жизнедеятельности человека [7]. Тем более что «стремление к научному прогрессу, усиленное стремлением к признанию и уважению, также было и остается могущественным человеческим мотивом» [4].

Продолжая эту мысль, приведем мнение Г. Б. Клейнера, что в ближайшей перспективе на смену *знания* как основного ресурса и результата экономической деятельности придет *интеллект* как драйвер перехода от имеющегося знания к новому знанию. Причем естественный интеллект, искусственный интеллект и социальный интеллект объединяются в понятие «системный интеллект», что формирует интеллектуальную экономику как экономику смыслов в отличие от коммерческой экономики как экономики целей [8].

Выделяя именно систему промышленных предприятий, подчеркнем, что уровень социального самочувствия каждого жителя нашей страны в значительной степени определяется трудовыми взаимоотношениями в рабочем коллективе и его самоудовлетворением на производстве.

Конечно, возможности и реалии трудовых отношений на российских предприятиях существенно различны в силу большого числа факторов, а значительная часть работников лишены возможности не только добиваться реализации своих интересов, но и формировать формальные и неформальные организационные структуры, объединяющие работников и выражающие их интересы, обеспечивающие высокий уровень социального самочувствия и мотивацию, а как следствие – высокую производительность труда [9].

Именно последнее, возможно и необходимо в случае инновационной деятельности, является основой успешного функционирования малых и средних высокотехнологичных предприятий.

По мнению профессора В. В. Лучинина [10], инновации можно определить как мотивированные инвестиции в человеческий капитал. Поставленная амбициозная задача достижения глобальной конкурентоспособности России в области прорывных технологий и реализация задач обеспечения технологической независимости на рынке инновационной продукции определяет необходимость резкого возрастания значимости ее интеллектуальной составляющей, то есть «человеческого капитала», доминирования в достижении эффективности труда индивидуального профессионального фактора, социальных и мотивационных аспектов деятельности.

Однако сплоченность коллектива малого инновационного предприятия вокруг носителя идеи и желания практической реализации новации, ориентация на закрепление результатов и расширение использования содержит и негативные моменты, приносит значительную закрытость к внешним воздействиям и контактам.

Как показано на рис. 2, практически все предприятия внедряют новые технологии, причем малые и средние – в меньшем объеме, поскольку чаще всего исходно формируются вокруг нового продукта или технологического процесса. Причем на основе наших исследований было определено, что более половины из внедряемых новых или значительно улучшенных технологий на промышленных предприятиях Санкт-Петербурга – результат в основном

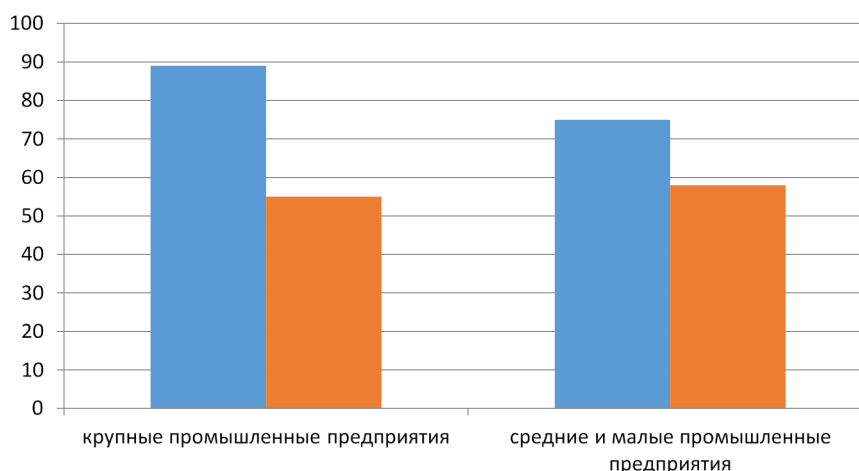


Рис. 2. Внедрение новых или значительно улучшенных технологий на промышленных предприятиях Санкт-Петербурга в 2016–2019 гг. (вторые столбцы – самостоятельно), %

самостоятельной деятельности сотрудников этих предприятий [11].

На рис. 3 приведена оценка трудностей, которые указывают руководители промышленных предприятий как факторы, ограничивающие использование сторонних технологий для крупных промышленных предприятий (первые столбцы) и малых и средних промышленных предприятий (вторые столбцы) [12].

Как видно, основные трудности при использовании сторонних технологий на промышленных предприятиях связаны с процессами адаптации чужих разработок к реалиям собственного производства и желанием использовать свои идеи и наработки. Неудивительно, что эти факторы более выражены для малых и средних

промышленных предприятий, исходно базирующихся на выделенных продуктовых нишах.

Результаты наших исследований коррелируют с данными комплексного мониторинга российских предприятий [13] по системной оценке эффективности инновационной деятельности и включенности российских компаний в процессы технологического обновления отраслей, созданию новых рынков товаров и услуг, возможности реализации венчурных инвестиций и использования механизмов господдержки инноваций, что отражено на рис. 4.

Разработка технологий своими силами была характерна для малых инновационных предприятий (91%), крупные компании склонны привлекать к разработке сторонние организа-

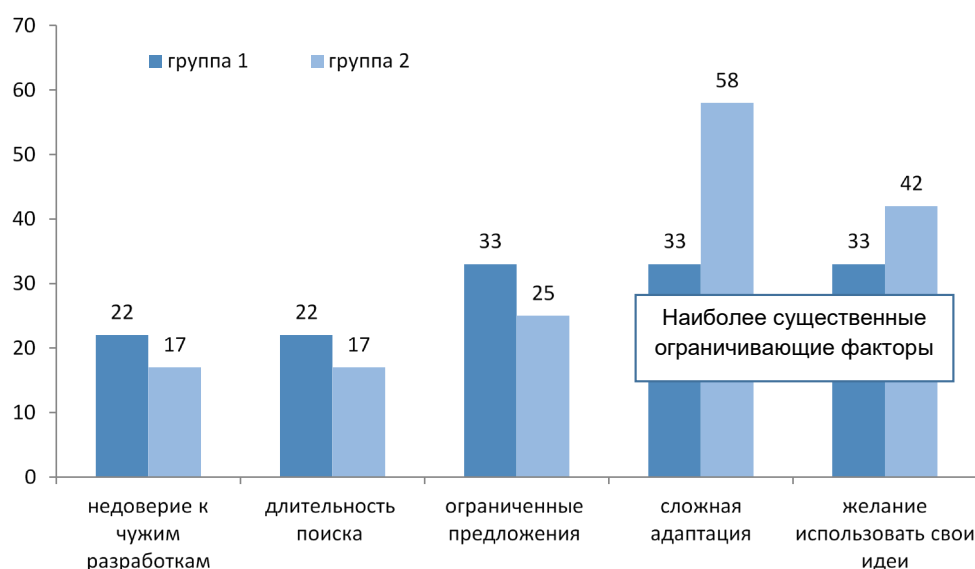


Рис. 3. Трудности при использовании сторонних технологий, %

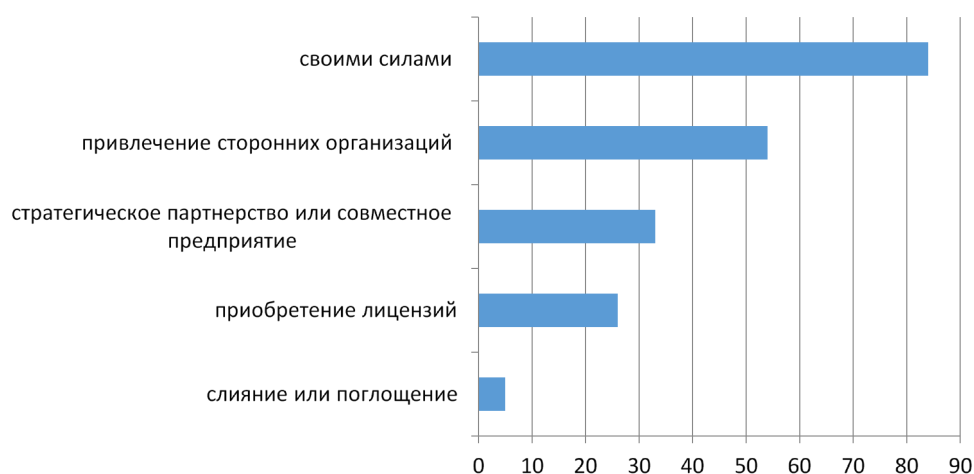


Рис. 4. Способы приобретения перспективных технологий отечественными промышленными предприятиями (по данным [13])

ции (71%) и покупать лицензии (31%). С целью приобретения перспективных технологий вступают в стратегическое партнерство средние промышленные предприятия (40%) и коллективы в сфере наукоемких производств (39%).

В данном случае самостоятельное внедрение новаций осуществляло подавляющее число промышленных предприятий. Для петербургских компаний, как уже сказано ранее, эта цифра существенно меньше, что, по-видимому, связано с более тесными контактами с университетами, инжиниринговыми структурами и партнерами, соответственно, с большими возможностями привлечения сторонних организаций.

Что касается петербургской промышленности, то за 2016–2019 гг. для крупных предприятий увеличилась роль затрат на инновации, отмечены проблемы с получением объективной и оперативной информации, при этом снизилось влияние государственного регулирования, стало легче получить кредитные средства. Повышение сложностей с получением объективной и оперативной информации отмечены и для малых и средних предприятий наряду с усложнением внутренних организационных проблем [11].

Между тем происходит плавный процесс трансформации существующих направлений трудовой деятельности, структура рабочих мест в ближайшей перспективе будет подвергаться более значительным изменениям, многие профессии практически исчезнут в силу автоматизации, их простого перевода в режим машинной обработки. Занятость будет расти в высокодоходных когнитивных и творческих профессиях, но значительно сократится в среднедоходных монотонных стандартных специализациях [14], что затронет в первую очередь традиционные производства промышленных предприятий.

Роль производственных коллективов и ценность конкретных работников будут возрастать, а для увеличения инновационной активности в промышленности потребуются не только работа по формированию компетенций высокопрофессиональных работников, но и создание принципиально нового образа мышления у инженера, отличающегося повышенной ответственностью за свои действия, пониманием возможных их негативных последствий, одновременно со становлением более совершенных отношений между сотрудниками в рабочих коллективах и между разными подразделениями организации [15].

Не менее важной составляющей при решении задачи увеличения инновационной активности и эффективности технологического трансфера является совмещение интересов различных

возрастных групп и достижение социализации творческой молодежи, а также нейтрализация навязываемых обществу принципов индивидуализма и добавившегося из-за пандемии изоляционизма. Выделение и использование социального аспекта объективно ускоряет инновационную модернизацию промышленности.

События 2020 г. в очередной раз убедительно продемонстрировали важность сбалансированной промышленной политики для устойчивого социально-экономического положения и поступательного общественного развития любого государства. И хотя вызванные коронавирусной пандемией трансформации мировой экономики продолжают, имеющиеся результаты подтверждают роль сложившихся коллективов промышленности в сохранении социального равновесия и стабильности финансово-бюджетной сферы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Клейнер Г. Б. Декоммерциализация общества – условие интеллектуализации экономики // Экономическое возрождение России. 2021. № 1 (67). С. 23–30.
2. Эффективность экономики России. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/11186?print=1> (дата обращения: 15.04.2021).
3. Бережной А. В., Горин Е. А., Кузнецов С. В., Самарова О. В. Производительность труда и поддержка занятости: от постановки задачи к практической реализации // Проблемы преобразования и регулирования региональных социально-экономических систем: сб. науч. тр. 2019. Вып. 45. С. 63–68.
4. Спенс М. Следующая конвергенция: будущее экономического роста в мире, живущем на разных скоростях. М.: Изд-во Института Гайдара, 2013. 336 с.
5. Кузнецов С. В., Горин Е. А. Научно-технологическое развитие: стимулы ускорения и механизмы реализации // Инновации. 2016. № 6 (212). С. 33–35.
6. Линчук Е. Б. О качестве государственного управления научно-технологическим развитием // Экономическое возрождение России. 2021. № 1 (67). С. 31–38.
7. Клейнер Г. Б. Реформа системы социального регулирования в России и приоритеты развития трудовых коллективов предприятий // Тр. Вольного экономического общества России. 2019. Т. 217. С. 120–136.
8. Клейнер Г. Б. Интеллектуальная экономика нового века: экономика постзнаний // Экономическое возрождение России. 2020. № 1 (63). С. 35–49.

9. **Горин Е. А.** Современная промышленная политика: постановка задачи // Бюллетень науки и практики. 2018. Т. 4. № 5. С. 313–320.
10. **Лучинин В. В.** Наноиндустрия – инвестиции в человеческий капитал // Инновации. 2008. № 6 (116). С. 60–65.
11. **Горин Е. А., Золотарев А. А.** Факторный анализ инновационных изменений в экономике Санкт-Петербурга // Экономическое возрождение России. 2019. № 4 (62). С. 67–73.
12. **Кузнецов С. В., Горин Е. А.** Технологический уровень промышленности Санкт-Петербурга и инновационный процесс // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. 2019. № 1–2 (58–59). С. 5–13.
13. **Комплексный мониторинг системы оценки эффективности инноваций на предприятиях: оценка трансфера технологий и возможностей региональной политики.** URL: <https://rusnatt.ru/novosti-natt/opublikovan-kompleksnyy-monitoring-sistemy-otsenki-effektivnosti-innovatsii-na-predpriyatiyakh-otsen> (дата обращения: 15.04.2021).
14. **Шваб К.** Четвертая промышленная революция. М.: Изд-во «Э». 2017. 208 с.
15. **Кузнецов И. Б.** Гуманитарные технологии в практике профессионального образования // Глобальный научный потенциал. 2019. № 10 (103). С. 108–111.

УДК 338.1

DOI: 10.31799/2411-4588-2021-1-37-43

Татьяна Петровна Скуфьина*

доктор экономических наук, профессор

Сергей Владимирович Баранов*

доктор физико-математических наук

*Институт экономических проблем им. Г. П. Лузина – обособленное подразделение ФГБУН Федерального исследовательского центра КНЦ РАН

Апатиты, Россия

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В МУРМАНСКОЙ ОБЛАСТИ В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПЕНСИОННОЙ РЕФОРМЫ¹

Аннотация. В статье рассматриваются демографические и социальные процессы в Мурманской области в контексте реализации пенсионной реформы в Российской Федерации. Обобщены теоретико-методологические представления о пенсионной политике в мире и в Российской Федерации; приведены оценки влияния увеличения возраста выхода на пенсию на численность трудоспособного населения в России и в Мурманской области; выяснены настроения населения Мурманской области в контексте пенсионной реформы.

Ключевые слова: пенсионная реформа, Российская Федерация, Арктика, Мурманская область, демографические и социальные процессы, прогноз.

Tatiana P. Skufina*

Grand PhD in Economic Sciences, Professor

Sergey V. Baranov*

Grand PhD in Physico-mathematical Sciences

*Luzin Institute for Economic Studies – Subdivision of the Federal Research Centre «Kola Science Centre of the Russian Academy of Sciences»

DEMOGRAPHIC AND SOCIAL PROCESSES IN THE MURMANSK REGION IN THE CONTEXT OF PENSION REFORM IMPLEMENTATION

Abstract. The article deals with demographic and social processes in the Murmansk Oblast in the context of the implementation of pension reform in the Russian Federation. Theoretical and methodological ideas concerning the pension policy in the world and in the Russian Federation are summed up; the influence of retirement age increase on the number of working-age population in Russia and in the Murmansk region is estimated; sentiments of population of the Murmansk region in the context of the pension reform are revealed.

Keywords: pension reform, Russian Federation, Arctic, Murmansk Oblast, demographic and social processes, forecast.

Введение

Статья написана на основе доклада, представленного на научно-практической конференции с международным участием «Социальная направленность экономики регионов: теоретико-методологические подходы», проведенной 15 марта 2021 г. в Институте проблем региональной экономики Российской академии наук.

Одной из основных задач конференции было «определить направления перспективного развития экономики и социальной сферы в регионах и обсудить различные подходы к долгосроч-

ной демографической ситуации в политике» (из Информационного письма конференции). Значимость обсуждения состояния экономики и сопряженных социальных вопросов, разреша-

¹ Публикация включает в себя результаты работ, выполненных за счет гранта РФФИ № 19-010-00022 (опросы населения Мурманской области и их описание); государственного задания ФГБУН ФИЦ Кольский научный центр № АААА-А18-118051590118-0 (в части рассмотрения современных проблем управления; социально-экономических процессов в Мурманской области).

емых в политических установках, подтверждалась практически в каждом выступлении. Докладчики с разных аспектов выходили фактически на одну проблему – проблему обеспечения сбалансированности и устойчивости экономик субъектов Российской Федерации и республики Беларусь, нарушение которых неизбежно сказывается на социальных составляющих регионального развития. Отметим, что эта же проблема является основным предметом обсуждения, в том числе ключевыми докладчиками конференции, и на страницах журнала «Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития» [1–4].

В своем докладе на конференции авторы статьи на примере рассмотрения ситуации в Мурманской области показали, что, подобно арктическим экосистемам, социум Арктики более уязвим к изменениям в стране, а специфика сложившейся социально-экономической динамики Арктики нередко определяет реакции на политику и управленческие воздействия, отличающиеся от общероссийских. Именно эти «арктические» особенности и специфические реакции демографических и социальных процессов будут представлены в этой статье.

Избранный контекст – реализация пенсионной реформы – значим в плане современной неизбежности пенсионных изменений, всеобщности их воздействия на российский социум, особой социальной заостренности изменений пенсионного законодательства. Именно «всеобщность» воздействия и «одинаковость» изменений для всей России позволит выявить в чистом виде региональные особенности восприятия пенсионных изменений населением. В этом заключена научная значимость подобных исследований. Практическая актуальность и значимость определяется не только очевидной необходимостью в независимых оценках экономических и социальных процессов в России и ее регионах, но и особой геополитической и экономической ролью арктических регионов, что требует специфической политики, учета региональных «арктических» особенностей в практике управления.

Литературный обзор проблемы исследования

Проблема общественных реакций, в том числе дифференцированных по регионам, на изменения пенсионной политики характеризуется множеством контекстов, аспектов, разнообразием мнений, порождаемых социальной заостренностью, политизированностью и вместе с тем насущной необходимостью пенсионных изменений.

Подчеркнем, что пенсионные изменения – это всегда вынужденная мера, вызванная основной проблемой развитых и развивающихся стран мира – проблемой старения населения [5]. В известном исследовании С. Харпера, опубликованном в *Science*, констатируется следующее: «Старение населения – это глобальное явление, которое будет по-прежнему затрагивать все регионы мира. К 2050 году в мире будет столько же стариков, сколько и молодых: 2 миллиарда человек в возрасте 60 лет и старше и еще 2 миллиарда в возрасте до 15 лет, каждая группа составляет 21% населения мира» [6, с. 587]. Причем многочисленные исследования показывают, что, как правило, необходимые пенсионные изменения значительно отстают от потребностей экономики и требований пенсионной системы, связанных с удлинением периода выплат пенсий, повешением нагрузки на систему здравоохранения, социальную сферу в целом и т. д. [5, 7].

Это отставание связано с неготовностью политиков идти на социально непопулярные меры, которые сопровождают современное реформирование пенсионных систем. Набор этих мер ограничен, но каждая из них создает социальную напряженность в обществе – это увеличение пенсионных отчислений работающей частью населения, уменьшение пенсионных выплат, увеличение пенсионного возраста, сокращение доли лиц пенсионного возраста, получающих пенсионные выплаты [8]. Вместе с тем отставание принятия непопулярных решений от потребностей еще более усиливает проблему устойчивости системы пенсионного обеспечения, создавая риски социальному благополучию будущих получателей пенсий по старости.

В ряде системных исследований комплексного характера отмечается, что даже некоторые развитые страны мира уже в ближайшие 10–15 лет столкнутся с проблемой, что часть пенсионеров, причем все увеличивающаяся часть, окажется за чертой физиологического минимума средств к выживанию [5–8]. Это порождает явление «выравнивания» пенсий, активно насаждаемого политиками, средствами массовой информации, общественными организациями, когда часть населения с высокой пенсией должна «поделиться» ее частью, чтобы «подтянуть» пенсионеров с низкой пенсией. Учитывая, что получателей низких пенсий всегда больше, чем получателей больших пенсий, идея «выравнивания» находит, как правило, активную общественную поддержку.

В Российской Федерации основу пенсионных изменений составили повышение пенсионного возраста, корректировка расчета пенсии, направленная на выравнивание, а также усиление

требований к гражданам Российской Федерации, необходимых для получения пенсии по старости (Федеральный закон № 350-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий» от 03.10.2018). В российских и мировых исследованиях отмечается, что эти меры не только являются наименее болезненными для населения по сравнению с другими мерами, направленными на стабилизацию пенсионной системы, но также дают толчок развитию рынка труда и экономики в целом, увеличивая численность трудоспособного населения, влияя на занятость, усиливая потребление населения и т. д. [9–11].

При этом мировые и российские исследования, основанные на анализе данных статистики по странам и регионам, показывают, что оказавшаяся для россиян наиболее болезненной мера (в силу того, что затрагивает каждого россиянина) – повышение возраста выхода на пенсию – это не только основная мера борьбы с проблемой старения населения, но и оправданная с позиций синхронно увеличивающихся, вслед за увеличением продолжительности жизни, медико-демографических резервов населения [12, 13]. Причем последние годы обсуждается даже не фактор увеличения продолжительности жизни, а фактор увеличения здоровой жизни, который также увеличивает медико-демографические резервы повышения пенсионного возраста [14, 15].

В России, изучая соответствие повышения пенсионного возраста параметру продолжительности здоровой жизни, исследователи отмечают гендерный диспаритет между женщинами (для которых по этому параметру новый возраст выхода на пенсию, установленный в 60 лет, является заниженным) и мужчинами (для которых новый возраст выхода на пенсию в 65 лет является завышенным) [10]. Однако в целом исследователи отмечают соответствие медико-демографических резервов поднятию возрастной границы выхода на пенсию в России, в частности по таким основным показателям, как ожидаемая продолжительность жизни и средний возраст смерти, подчеркивая существенность разрыва показателей между мужчинами и женщинами [10, 13, 16].

Вместе с тем именно в этих медико-демографических возможностях повышения пенсионного возраста в России кроются детали, которые качественно меняют ситуацию – это региональные особенности. И именно эти региональные особенности должны являться одним из основных предметов обсуждения в части анализа воздействия изменений, затрагивающих каждого человека в Российской Федерации. Так, сопоставления показателей (пенсионный возраст,

ожидаемая продолжительность жизни, в том числе после наступления пенсионного возраста, средний возраст смерти) по регионам российской Арктики с общероссийской ситуацией, а также с ситуацией в регионах мира указывает на недостаточность медико-демографических резервов в регионах российской Арктики для состоявшегося увеличения пенсионного возраста. Исследователи, базируясь на количественных индикаторах, констатируют необоснованность увеличения возраста выхода на пенсию для жителей регионов российской Арктики [13, 16, 17]. Также исследователи отмечают и низкий уровень здоровья населения Арктики как ограничитель продолжения трудовой деятельности после наступления пенсионного возраста проживающего на этой территории [18, 19].

Многочисленные исследования социально-экономических процессов в российской Арктике указывают на серию проблем, в основе которых лежит базисное противоречие. Суть этого противоречия заключена в том, что декларирована и утверждена в серии нормативно-правовых документов политика, направленная на экономическое и социальное развитие, включая сокращение оттока населения, кадровое развитие [20–22]. Однако практически меры управления оказываются недостаточными для привлечения внешних трудовых ресурсов и закрепления собственных, обладающих сложной квалификационной структурой, сокращается качество жизни населения Арктики, уменьшается численность населения, включая численность населения в трудоспособном возрасте [18, 21, 23, 24].

Все сказанное определяет научную и общественную значимость рассмотрения вопросов влияния пенсионной реформы на жизнедеятельность населения в Арктике, а также обосновывает гипотезу исследования – специфика социально-экономического пространства российской Арктики определяет реакцию демографических и социальных процессов на пенсионные изменения, отличающуюся от общероссийской. Следовательно, возможно ожидать существенного отличия изменений демографической и социальной ситуации, вызванной пенсионной реформой, в Мурманской области от общероссийской ситуации.

Цель, задачи и методология исследования

Цель статьи – рассмотреть демографические и социальные процессы в Мурманской области в контексте реализации пенсионной реформы.

Задачи:

1) обобщить теоретико-методологические представления о пенсионной политике;

2) оценить влияние увеличения возраста выхода на пенсию на численность трудоспособного населения в России и в Мурманской области;

3) выяснить настроения населения Мурманской области в контексте пенсионной реформы.

Методология исследования носит комплексный и междисциплинарный характер, включая как общенаучные методы, так и комплекс специализированных методов и приемов экономики и социологии.

Оценка влияния увеличения возраста выхода на пенсию выполнена на основе экстраполятивного прогнозирования: на прогноз численности населения в России и Мурманской области, дифференцированный по половозрастной структуре, составленный Росстатом на 2019–2036 гг., наложены данные поэтапного увеличения пенсионного возраста в России на 5 лет для мужчин и женщин. Подробно специфика прогноза представлена в работах [25, 26]. Таким образом, мы составили прогноз численности трудоспособного населения и измерили сдвиг численности трудоспособного населения в России и Мурманской области, вызванный сдвигом возраста выхода на пенсию.

Выяснение настроений населения Мурманской области в контексте пенсионной реформы выполнено с помощью опроса населения региона, проведенного в 2019 г. Выборка репрезентативная, составила 1291 человек. Опрос проводился в типичных для региона поселениях (города Мурманск, Апатиты, Ковдор, Полярные Зори; районы Терский, Кольский, Канда拉克шский, Ловозерский, Печенгский), в том числе в моногородах (города Кировск, Мончегорск, Ковдор, Оленегорск) и ЗАТО (Александровск, Видяево, Островной, Североморск). Репрезентативность результатов обеспечена формированием выборки по следующим параметрам: соотношение между городским и сельским населением, соотношение между мужским и женским населением, соотношение между возрастными группами.

Опрос осуществлялся поквартально, с пошаговым интервалом. Особенности и результаты опроса приведены в [27]. Социологическая информация, полученная по результатам социологического опроса, была обработана с применением специальной программы SPSS, что позволило табулировать информацию по нужным для исследования сопряжениям, выявить корреляции по наиболее значимым позициям.

Результаты исследования

На рис. 1 приведены результаты авторских расчетов прогнозной численности трудоспособного населения в Мурманской области, учитывая-

ющие постепенное увеличение возраста выхода на пенсию. Расчеты показывают, что увеличение возраста выхода на пенсию уменьшило скорость сокращения численности населения трудоспособного возраста в Мурманской области.

На рис. 2 приведены результаты нашего прогноза сдвига численности трудоспособного населения в России, вызванного постепенным увеличением возраста выхода на пенсию в Российской Федерации [25, 26]. Результаты однозначно указывают на увеличение численности населения в трудоспособном возрасте в Российской Федерации в связи с увеличением пенсионного возраста.

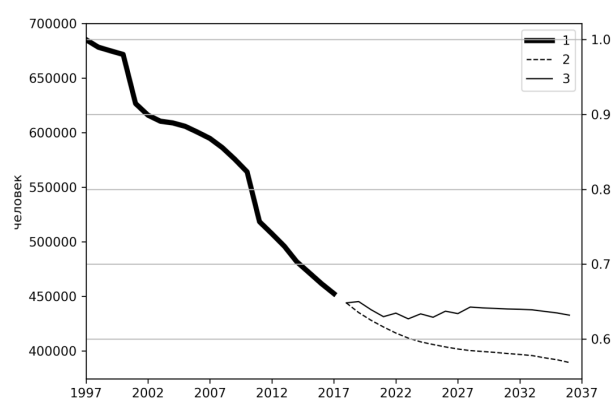


Рис. 1. Численность трудоспособного населения Мурманской области: 1 – фактические значения; 2 – прогнозные значения, соответствующие прежнему возрасту выхода на пенсию; 3 – прогнозные значения, соответствующие новому, увеличенному возрасту выхода на пенсию

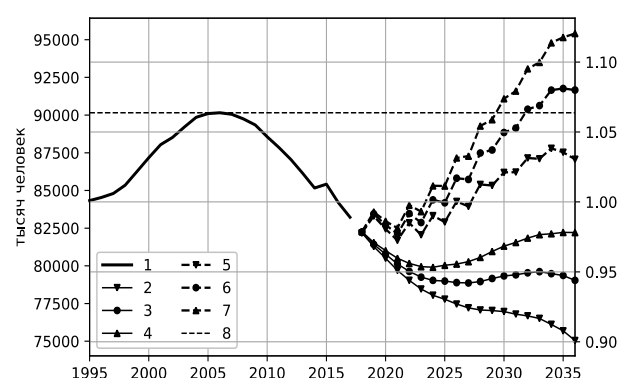


Рис. 2. Динамика численности трудоспособного населения в Российской Федерации, тыс. чел.: фактические значения (1); прогнозные значения, соответствующие прежнему возрасту выхода на пенсию (низкий (2), средний (3), высокий (4) варианты прогноза); прогнозные значения, соответствующие новому, увеличенному возрасту выхода на пенсию (низкий (5), средний (6), высокий (7) варианты прогноза)

В табл. 1–4 приведены результаты опросов жителей Мурманской области, характеризующие отношение жителей к пенсионной реформе и ее влияние на их настроения, в том числе на желание проживания на территории региона [27].

Анализ результатов опроса, проведенного в Мурманской области, позволяет сформулировать ряд важных выводов. Во-первых, констатировать резко отрицательное отношение большинства жителей к увеличению возраста выхо-

да на пенсию (табл. 1). Во-вторых, установить, что большинство жителей считает, что увеличение возраста выхода на пенсию не отвечает интересам северян (табл. 2). В-третьих, значительная часть населения уже собирается уезжать или задумалась об отъезде с территории региона, связывая свое желание с изменением возраста выхода на пенсию (табл. 3). В-четвертых, среди потенциальных мигрантов большую долю занимает молодежь и жители среднего возраста (табл. 4).

Таблица 1

Распределение вариантов ответов жителей Мурманской области на вопрос «Как вы относитесь к законодательному увеличению возраста выхода на пенсию по старости?», в % от совокупности опрошенных

| Варианты ответов | Регион в целом, % (всего) | Мужчины, % | Женщины, % |
|----------------------|---------------------------|------------|------------|
| Целиком положительно | 0,8 | 1,3 | 0,3 |
| Скорее положительно | 4,1 | 5,0 | 3,2 |
| Скорее отрицательно | 22,5 | 20,9 | 24,1 |
| Резко отрицательно | 64,6 | 67,1 | 62,2 |
| Затрудняюсь ответить | 8,0 | 5,8 | 10,2 |

Примечание: источник – опросы авторов.

Таблица 2

Распределение вариантов ответов жителей Мурманской области на вопрос «Как вы считаете, отвечает ли изменение пенсионного возраста интересам населения Севера и Арктики?», в % от совокупности опрошенных

| Варианты ответов | Регион в целом, % (всего) | Мужчины, % | Женщины, % |
|----------------------|---------------------------|------------|------------|
| Определенно да | 6,2 | 7,9 | 4,6 |
| Скорее да, чем нет | 7,9 | 8,2 | 7,6 |
| Скорее нет, чем да | 24,7 | 23,7 | 25,6 |
| Определенно нет | 46,3 | 45,8 | 46,8 |
| Затрудняюсь ответить | 14,9 | 14,4 | 15,4 |

Примечание: источник – опросы авторов.

Таблица 3

Распределение вариантов ответов жителей Мурманской области на вопрос «Изменились ли ваши планы в отношении дальнейшего проживания в Мурманской области в связи с увеличением пенсионного возраста?», в % от совокупности опрошенных

| Варианты ответов | Регион в целом, % (всего) | Мужчины, % | Женщины, % |
|--|---------------------------|------------|------------|
| Нет, не изменились, буду жить и работать здесь | 51,5 | 53,0 | 50,1 |
| Скорее изменились, думаю о переезде в более комфортные климатические условия | 25,6 | 22,5 | 28,5 |
| Точно изменились, уже подыскал(а) другое место жительства и работу | 7,5 | 8,5 | 6,5 |
| Затрудняюсь ответить | 15,4 | 15,9 | 14,9 |

Примечание: источник – опросы авторов.

Таблица 4

Распределение вариантов ответов жителей Мурманской области на вопрос «Изменились ли ваши планы в отношении дальнейшего проживания в Мурманской области в связи с увеличением пенсионного возраста?» с учетом пола и возраста, в % от совокупности опрошенных

| Варианты ответов | Мужчины, % | | | | Женщины, % | | | |
|--|------------|-------|-------|------|------------|-------|-------|------|
| | 18–29 | 30–49 | 50–64 | 65+ | 18–29 | 30–49 | 50–64 | 65+ |
| Нет, не изменились, буду жить и работать здесь | 46,6 | 50,7 | 54,9 | 71,0 | 41,8 | 40,0 | 58,0 | 67,0 |
| Скорее изменились, думаю о переезде в более комфортные климатические условия | 21,2 | 27,8 | 18,8 | 9,7 | 30,6 | 40,8 | 20,2 | 12,5 |
| Точно изменились, уже подыскал(а) другое место жительства и работу | 15,3 | 9,5 | 4,9 | 0,0 | 11,2 | 6,5 | 5,2 | 4,5 |
| Затрудняюсь ответить | 16,9 | 12,0 | 21,5 | 19,4 | 16,3 | 12,7 | 16,6 | 16,1 |

Примечание: источник – опросы авторов.

Заключение

Подводя итоги, возможно установить, что социальные и демографические процессы, вызванные изменениями пенсионного законодательства в 2018 г., на территории Мурманской области отличаются от общероссийской ситуации. Это подтверждает гипотезу исследования об отличии реакций на пенсионные изменения в арктическом регионе – Мурманской области – от общероссийской ситуации.

Так, прогнозная динамика численности населения трудоспособного возраста в Мурманской области отличается от общероссийской ситуации. Сдвиг численности населения в трудоспособном возрасте, вызванный увеличением возраста выхода на пенсию, только замедлил скорость сокращения этого показателя в Мурманской области. В целом по Российской Федерации ситуация иная – наблюдается стабильный рост этого показателя за счет увеличения возраста выхода на пенсию, сохраняемый в долгосрочной перспективе.

Результаты опросов свидетельствуют и о специфичности восприятия населением Мурманской области пенсионной реформы. Проблема не в том, что жители Мурманской области относятся отрицательно к изменению возраста выхода на пенсию. Это характерно и для жителей России в целом, равно как и для жителей любого региона. Очевидно, что ни в одной стране мира жители не поддерживают увеличение пенсионного возраста. Проблема и специфичность восприятия жителями Мурманской области заключается в том, что это влияет на их миграционные настроения и установки, что политика не отвечает интересам северян. Тем самым создаются дополнительные риски усиления мигра-

ции молодежи и населения среднего возраста с территории Мурманской области, вызванные специфической реакцией населения на изменения пенсионного законодательства.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Окрепилов В. В., Гагулина Н. Л.** Эффективность экономики регионов России в условиях цифровизации // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. 2020. № 2–3 (61–62). С. 14–23.
2. **Кузнецов С. В., Горин Е. А., Имзалиева М. Р.** Социальный потенциал инновационной экономики: региональный аспект // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. 2020. № 2–3 (61–62). С. 24–32.
3. **Кузнецов С. В., Межевич Н. М.** Реформирование местного самоуправления: опыт государств Прибалтики и его значение для России // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. 2020. № 2–3 (61–62). С. 64–70.
4. **Ускова Т. В.** Проблемы эффективности государственного управления // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. 2016. № 1 (50). С. 11–23.
5. **Barr N., Diamond P.** Reforming Pensions: Principles, Analytical Errors and Policy Directions // International Social Security Review. 2009. Vol. 62. Iss. 2. P. 5–29.
6. **Harper S.** Economic and Social Implications of Ageing Societies // Science. 2014. Vol. 346, N 6209, P. 587–591.
7. **Bloom D. E. et al.** Macroeconomic Implications of Population Ageing and Selected Policy Responses // The Lancet. 2015. Vol. 385 (9968). P. 649–657.

8. **Holzmann R.** Global Pension Systems and Their Reform: Worldwide Drivers, Trends and Challenges // *International Social Security Review*. 2013. Vol. 66 (2). P. 1–29.
9. **Dowrick S., Dunlop Y., Quiggin J.** The Cost of Life Expectancy and the Implicit Social Valuation of Life // *The Scandinavian Journal of Economics*. 1998. Vol. 100, Iss. 4. P. 673–691.
10. **Гурвич Е. Т.** Развилки пенсионной реформы: российский и международный опыт // *Вопросы экономики*. 2019. № 9. С. 5–39.
11. **Bielecki M. et al.** Decreasing Fertility VS Increasing Longevity: Raising the Retirement Age in the Context of Ageing Processes // *Economic Modelling*. 2016. Vol. 52. P. 125–143.
12. **Аганбегян А. Г., Горлин Ю. М., Дормидонтова Ю. А. и др.** Анализ факторов, влияющих на принятие решения относительно возраста выхода на пенсию. М.: РАНХиГС при Президенте РФ, 2014. 96 с.
13. **Торопушина Е. Е.** Медико-демографические резервы реализации пенсионной реформы в Арктической зоне Российской Федерации // *Региональная экономика: теория и практика*. 2019. Т. 17. № 8 (467). С. 1450–1462.
14. **Bogaert P., Van Oyen H., Beluche I. et al.** The Use of the Global Activity Limitation Indicator and Healthy Life Years by Member States and the European Commission. *Archives of Public Health*. 2018. Vol. 76, N 30.
15. **Cylus J, Figueras J, Normand C.** Will Population Ageing Spell the End of the Welfare State? A Review of Evidence and Policy Options. Copenhagen (Denmark): European Observatory on Health Systems and Policies, 2019.
16. **Toropushina E., Skufina T., Baranov S., Samarina V., Samarin A.** The Impact of Retirement Age Increasing on Demographic Processes in Russia and its Arctic Territories // 35th International-Business-Information-Management-Association (IBIMA) Conference. *Vision 2025: Education Excellence and Management of Innovation through Sustainable Economic Competitive Advantage*. Madrid, Spain. 2020. P. 2142–2149.
17. **Торопушина Е. Е.** Влияние повышения пенсионного возраста на изменение медико-демографических резервов регионов Арктической зоны Российской Федерации // *Экономика труда*. 2020. Т. 7. № 7. С. 617–630.
18. **Торопушина Е. Е.** Здоровье как детерминанта предложения труда людей старшего возраста в арктических регионах России в условиях пенсионной реформы // *Экономика труда*. 2020. Т. 7. № 6. С. 537–548.
19. **Корчак Е. А., Скуфьина Т. П.** Уровень жизни пенсионеров Мурманской области // *Общество: политика, экономика, право*. 2020. № 12. С. 58–63.
20. **Крюков В. А., Крюков Я. В.** Экономика Арктики в современной системе координат // *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*. 2019. № 5. С. 25–52.
21. **Социально-экономическое развитие Северо-Арктических территорий России: монография.** Апатиты: КНЦ РАН, 2020. 119 с.
22. **Экономика современной Арктики: в основе успешности эффективное взаимодействие и управление интегральными рисками: монография.** Апатиты: КНЦ РАН, 2020. 245 с.
23. **Скуфьина Т. П., Баранов С. В., Корчак Е. А.** Оценка влияния динамики инвестиций на рост валового регионального продукта в регионах Севера и Арктической зоны Российской Федерации // *Вопросы статистики*. 2018. Т. 25. № 6. С. 25–35.
24. **Korchak E. A., Serova N. A., Emelyanova E. E., Yakovchuk A. A.** Human Capital of the Arctic: Problems and Development Prospects // *IOP Conference Series: Earth and Environmental Science*. 2019. Vol. 302. P. 012078.
25. **Баранов С. В., Скуфьина Т. П.** Влияние повышения пенсионного возраста на производство валового внутреннего продукта в России // *Инновации*. 2018. № 9. С. 38–44.
26. **Скуфьина Т. П., Баранов С. В.** Пенсионная реформа в России: оценка чувствительности производства ВВП к сдвигу численности трудоспособного населения // *Экономика и управление*. 2019. № 9 (167). С. 80–86.
27. **Баранов С. В., Скуфьина Т. П., Гущина И. А.** Влияние повышения пенсионного возраста на экономику и настроения населения Мурманской области // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2020. Т. 13. № 1. С. 160–173.

УДК 338.2, 353.2

DOI: 10.31799/2411-4588-2021-1-44-49

Елена Васильевна Ялунер* **

доктор экономических наук, профессор

Дмитрий Валерьевич Гашко**

старший преподаватель

*Институт проблем региональной экономики РАН

**Санкт-Петербургский государственный экономический университет

ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО В СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЕ. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Аннотация. В статье рассмотрены специфические особенности предпринимательства в сфере услуг. Основное внимание уделено специфическим свойствам услуг, оказывающим влияние на особенности осуществления предпринимательской деятельности в сфере услуг. Рассмотрены факторы, способствующие повышению предпринимательских рисков, проанализировано их воздействие на предпринимательскую деятельность в исследуемой сфере.

Ключевые слова: предпринимательство, социальная сфера, сфера услуг.

Elena V. Yaluner* **

Grand PhD in Economic Sciences, Professor

Dmitriy V. Gashko**

Senior Lecturer

*Institute for Regional Economic Studies Russian Academy of Sciences

**St. Petersburg State University of Economics

St. Petersburg, Russia

ENTREPRENEURSHIP IN THE SOCIAL SPHERE. THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ASPECTS

Abstract. The article considers the specific features of entrepreneurship in the service sector. The main influence is given to the specific properties of services that affect the specifics of the implementation of business activities in the service sector. The factors contributing to the increase of business risks are considered, their impact on business activity in the studied area is analyzed.

Keywords: entrepreneurship, social sphere, service sector.

Введение

Современное общество состоит из четырех основных сфер – политической, экономической, социальной и духовной. Каждая сфера выполняет свои задачи при помощи присущих ей функций. Существует несколько определений социальной сферы, затрагивающих социальную и духовную жизнь общества и в конечном счете все аспекты жизни человека как личности – от существенных производственно-трудовых условий, влияющих на здоровье, досуга в свободное время до отношений в национальной и социально-классовой парадигме.

Таким образом, если социальная сфера представляет собой систему в обществе, организо-

ванную для удовлетворения материальных и духовных потребностей как отдельного человека, так и общества в целом, то следует разобраться с вопросом включения в данную сферу сферы услуг, материального и нематериального производства с последующим изучением места и роли предпринимательства в сфере сервиса в социальной сфере на современном этапе развития экономики Российской Федерации, а также специфических особенностей протекания экономических процессов в ее различных отраслях.

Гипотеза

Рассмотрим эволюцию такого понятия, как социальная сфера, как распределялись ее функ-

ции с течением времени. Исторически социальная сфера занимала в обществе незначительный вес. Это происходило отчасти из-за того, что частично ее функции были включены в материальное производство. Перелом начал происходить в результате бурного роста производительности общественного труда. У социума и отдельных его индивидов в той или иной мере начало появляться свободное время

Существует историческая общность в развитии отраслей социальной сферы. Изначально третий сектор (сектор услуг) не играл значительной роли в экономике. Либо определенные элементы сервисной деятельности были включены в качестве составной части (порой – неотъемлемой) в материальное производство, либо они вовсе не были обусловлены каким-либо спросом (ввиду отсутствия определенной культуры, недостаточности уровня благосостояния потенциальных клиентов, либо по тем и другим причинам одновременно) и уже поэтому не входили в сферу интересов предпринимателей. Однако рост специализации и разделения труда, повышение благосостояния людей, развитие социальных и культурных потребностей, формирование новых социальных и культурных потребностей, эволюция представлений общества и государства о социальной защищенности граждан приводят к отделению и обособлению отдельных непроизводственных функций от производителя. Начинается процесс формирования отдельных новых отраслей.

Формирование этих новых отраслей непроизводственной сферы будучи, с одной стороны, во многом результатом экономического развития, закономерным итогом общественной специализации и разделения труда, с другой стороны, являясь силой, оказывающей стимулирующее воздействие на рост и развитие экономики, в свою очередь способствует дальнейшему углублению специализации и разделения труда, повышению общественной производительности труда.

Все это становится возможным вследствие благотворного воздействия на главную производительную силу – людей. Воздействие это весьма многогранно. Повышение образовательного, культурного уровней влечет за собой развитие способностей к более эффективному труду, повышение уровня социального обслуживания влечет за собой снижение заболеваемости, повышение работоспособности (как в экстенсивном, так и в интенсивном плане), улучшение социально-бытовых и жилищно-коммунальных условий влечет за собой увеличение свободного времени, что также положительно сказывается на способности к эффективному труду.

Итак, все это стало возможным благодаря развитию социальной сферы. Следует отметить неоднородность последней. В ее составе присутствует специфическая деятельность, которая направлена на удовлетворение потребностей всего общества в целом без ориентации на индивидуальные потребности. Речь о производстве и об оказании общественных благ. Такие блага (государственное управление, внешняя и внутренняя безопасность) не могут являться объектом предпринимательской деятельности. В оказании общественных благ или осуществлении деятельности по сглаживанию или полному нивелированию внешних эффектов рынок терпит фиаско, и в дело вступает государство.

С другой стороны, большая часть социальных услуг может быть оказана гражданам или организациям на основе принципов предпринимательства. Причем в последнее время большая часть социальной сферы, еще недавно казавшаяся абсолютной прерогативой государства, все больше реализуется в различных формах предпринимательских или квазипредпринимательских (общественные организации, использующие в своей работе методы и инструменты, свойственные предпринимательской деятельности) структур. В данном случае можно говорить обо всех видах и формах ведения предпринимательской деятельности [1].

Следует рассмотреть объект и предмет исследования, в частности понятия «товар», «услуга как товар», и отношения по их предоставлению.

Методика и анализ исследования

Начиная с 1990-х гг. XX в. в научных кругах прочно закрепляются понятия «товар», «продукт» и «услуга». Товар, согласно ГОСТ Р51303-99, – любая вещь, не ограниченная в обороте, свободно отчуждаемая и переходящая от одного лица к другому по договору купли-продажи. В целях регулирования отношений, связанных с взиманием таможенных платежей, к товарам относится и иное имущество, определяемое Налоговым кодексом Российской Федерации (ст. 38 НК РФ).

Товар может быть представлен в трех основных формах: продукт, работа, услуга. Поскольку сфера услуг является одной из важнейших составляющих социальной сферы, включена в нее и оказывает непосредственное влияние на структуру и динамику происходящих в обществе процессов, рассмотрим более подробно понятие «услуга».

Услуга – это вид экономического блага, поскольку является предметом производства и

обмена, направлена на удовлетворение определенных потребностей, обладает вследствие этого потребительной стоимостью [2]. Отличие услуг от товаров заключается в их форме. Услуга – неосязаемое благо, хотя результат оказания услуги и может быть вполне материальным. В соответствии с отечественным законодательством, услуга представляет собой деятельность, результаты которой не имеют материального выражения, реализуются и потребляются в процессе осуществления этой деятельности (ст. 38 НК РФ).

Все виды деятельности по производству товаров и услуг также представлены в Общероссийском классификаторе видов экономической деятельности, продукции и услуг (ОКВЭД), который используется при решении целого ряда задач, связанных с:

- классификацией и кодированием видов экономической деятельности, заявляемых хозяйствующими субъектами при регистрации;
- определением основного и других фактически осуществляемых видов экономической деятельности хозяйствующих субъектов;
- разработкой нормативно-правовых актов, касающихся государственного регулирования отдельных видов экономической деятельности;
- осуществлением государственного статистического наблюдения по видам деятельности за развитием экономических процессов;
- подготовкой статистической информации для сопоставлений на международном уровне;
- кодированием информации о видах экономической деятельности в информационных системах и ресурсах, едином государственном регистре предприятий и организаций, других информационных регистрах;
- обеспечением потребностей органов государственной власти и управления в решении аналитических задач.

С точки зрения однозначного толкования налоговых последствий того или иного вида деятельности такое разграничение между продуктами и услугами, базирующееся на принципе наличия или отсутствия у рассматриваемого объекта материально-вещественной формы, вполне пригодно и даже весьма удобно. Удобно такое разграничение и для целей статистического учета, народнохозяйственного анализа и пр.

Однако, если рассматривать явление с точки зрения организации присущих ему производственных процессов, все будет выглядеть значительно сложнее. Здесь уже необходима не столь четкая граница, которая позволила бы проводить исследования методов организации производства товаров и услуг. Такой границей мо-

жет служить ориентация на отдельного потребителя или группу потребителей. Благо, предназначенное для группы среднестатистических потребителей, – продукт, благо, производимое под конкретного человека, с учетом его индивидуальных потребностей и пожеланий, – услуга. В этом смысле многие блага, еще недавно однозначно являвшиеся товарами, сегодня оказываются услугами.

В данном исследовании рассмотрены принципиальные различия между классическим продуктом и классической же нематериальной услугой. Основной интерес представляет то, какое влияние оказывают эти различия на особенности осуществления предпринимательской деятельности, на специфику формирования и реализации предпринимательских проектов в этой сфере, какие дополнительные риски предпринимателей обуславливает эта специфика.

Исследуемые свойства услуг было бы в большой степени неправильно абсолютизировать. Те или иные свойства могут присутствовать в полной мере, другие могут проявляться лишь отчасти, иные могут и вовсе отсутствовать. Продукт обладает свойством осязаемости, свойством накапливать стоимость прошлого труда, его производство и потребление разделены во времени. Потребитель продукта, как правило, не принимает ни непосредственного, ни даже косвенного участия в процессе производства. Эта разделенность во времени актов производства и потребления продукта, а также отсутствие связи производства с потребителем дает, в частности, возможность сглаживания сезонных колебаний. Момент покупки продукта сопровождается передачей прав собственности на продукт.

В деятельности по производству классических нематериальных услуг (а в социальной сфере большинство услуг именно таковы) предприниматель несет повышенные риски, связанные как раз с тем, что указанные ранее специфические особенности, присущие продуктам, в производстве услуг не наблюдаются. Здесь не происходит накопления прошлого труда, потребитель, как правило, даже если не непосредственно, то уж опосредованно наверняка участвует в тех или иных операциях по производству. Производство и потребление, как правило, осуществляются одновременно. Зачастую отсутствует акт передачи прав собственности [3]. Все эти факторы существенно повышают риски предпринимателя, в том числе и риски, связанные с упущенной выгодой. Многие из этих факторов осложняют и потребительский выбор.

Действительно, такие качества услуг, как неосязаемость, размытость критериев оценки

полезного эффекта, неотделимость этого полезного эффекта от совокупности операций по оказанию услуги, невозможность зачастую получения абсолютно однозначного, объективного, полностью адекватного представления обеих сторон о будущем результате оказания услуги, приводят к существенному осложнению потребительского выбора. Оценка потребителем качества услуги, то есть ее соответствия его ожиданиям (которые еще не обязательно всегда сформированы у потребителя заранее в полной мере), осуществляется на основе предыдущего опыта, аналогий, большого количества психологических, ментальных качеств самого потребителя, под влиянием, возможно, множества ситуационных факторов, под воздействием различных маркетинговых методов (бренд, фирменный знак, рекламный слоган, акция и пр.).

С другой стороны, немалая часть услуг, оказываемых в социальной сфере, предполагает наличие материально-вещественного объекта или даже реализуется посредством или с привлечением таких объектов. Порой услуги обретают материальную форму и получают, таким образом, самостоятельное существование. Иногда это происходит в форме изготовления вещи по индивидуальному заказу. Последнее все чаще, как уже было сказано, происходит в сегодняшнюю эпоху кастомизации с определенными продуктами. Однако и здесь есть существенное отличие услуги от продукта. Это отличие заключается в том, что при материализации в данном случае отнюдь не материальный субстрат (качество, стоимость исходного материала и пр.) играет, как правило, доминирующую роль. Полезный эффект от оказанной таким образом услуги определяется тем, насколько она соответствует представлениям и пожеланиям клиента, насколько она способна удовлетворить его личные индивидуальные потребности. Можно сказать и больше: главным здесь может являться даже не то, что сделано, а то, как и зачем сделано.

Классическая услуга представляет собой процесс. Процессы невозможно хранить, их невозможно накапливать для последующей реализации. Производство и потребление классической услуги неотделимы одно от другого и только в случаях материальных услуг, имеющих связь с вещественной формой, хоть сколько-нибудь существенно разделены по времени (что допускает их транспортировку и хранение в определенных, впрочем, обычно не слишком больших пределах). Эта неотделимость, невозможность накопления, отсутствие мобильности услуг, равно как и их крайняя неоднородность,

зачастую отсутствие мобильности потребителя и прочие факторы – все это существенно увеличивает уровень предпринимательского риска в рассматриваемой сфере.

Возникает потребность более тщательного учета (по сравнению со сферой материального производства) временных факторов: сезонные повышения и спады спроса, пиковые периоды спроса в течение суток, недель, месяцев и т.п. Как следствие, возникают дополнительные затруднения при решении соответствующих задач планирования мощностей таких предприятий, повышается потребность в применении гибких, нестандартных, оригинальных решений в планировании, что сопровождается и повышением стоимости разработки и реализации таких решений.

При этом, когда мы говорим об увеличении стоимости, не всегда имеется в виду прямая стоимость самих решений. Так, например, довольно модное в последнее время решение в ценообразовании, позволяющее сглаживать пиковые колебания, – динамическое ценообразование, по мнению ряда исследователей, зачастую встречает весьма неоднозначную реакцию потребителей, негативно сказывается на имидже компании, ее применяющей. Здесь мы имеем дело с риском серьезного репутационного ущерба компании вследствие вполне разумной попытки сгладить пиковые колебания спроса.

Таким образом, невозможность накапливания и транспортировки услуг является причиной возникновения негативных явлений в процессе хозяйственной деятельности, связанных с образованием очередей, увеличением времени ожидания оказания услуги, как следствие – утомляемости потребителя от ожидания и формирования у него негативного имиджа компании. Внедрение в практику инструментов сглаживания данных негативных явлений (предварительные заказы, дифференциация цен) само по себе может оказаться фактором, провоцирующим негативное восприятие компании, и способствовать репутационному ущербу [3].

Массовое привлечение сезонных работников влечет за собой, с одной стороны, необходимость их соответствующей профессионально-технической, социально-психологической подготовки, с другой – является источником дополнительных рисков. Отсутствие мобильности услуг влечет за собой необходимость их определенного территориального рассредоточения для повышения эффективности и комфортности для потребителя. Наконец, необходимость тесного контакта производителя с потребителем требует применения специфических методов и приемов работы.

Результат исследования

Выполненный логический анализ взаимодействия ролей производителя и потребителя в сфере услуг (как части социальной сферы) позволяет сделать важный вывод: эти роли влияют на результат, и влияние их сопоставимо.

С одной стороны, вследствие непрерывного роста технической и технологической оснащенности, неуклонного повышения сложности ассортимента услуг, активно происходящей в последнее время кастомизацией услуг (повышения индивидуализации запросов на услуги) происходит повышение требований, которые следует предъявлять к личным и профессиональным качествам работников, к их общей культуре. Производитель услуги в ходе выполнения операций вступает в непосредственный контакт с ее потребителем, что накладывает серьезные требования не столько даже к профессионально-технической, профессионально-технологической стороне понятия «квалификация работника», сколько к его социально-технологической стороне.

С другой стороны, существенным отличием деятельности по оказанию услуг от деятельности по материальному производству товаров является самое непосредственное участие в процессе производства услуг самого потребителя. В последнее время большое распространение во многих областях сферы услуг получила практика самообслуживания. Эта и другие подобные практики не только расширяют и углубляют непосредственное участие потребителя в самом процессе оказания услуги, но и позволяют рассматривать такое участие как своего рода производственный ресурс наряду с другими используемыми ресурсами.

Кастомизация, свойственная сегодня многим сторонам экономической жизни общества, все большая ориентация услуг на личность потребителя ведет одновременно к их индивидуализации и, соответственно, усиливает тенденцию к разнообразию, постоянному расширению, углублению ассортимента. Восприятие потребителем услуги с субъективной точки зрения одновременно базируется на накопленном потребителем опыте удовлетворения потребностей данной услугой в конкретных ситуациях и на том представлении, которое создает в его сознании внушаемый многообразными и разносторонними средствами продвижения образ.

Таким образом, ценностная ориентация потребителя, уровень его культуры – все это оказывает весьма непосредственное влияние на качественные параметры услуг. Таким образом, по-

мимо объективных параметров, материальных, технических и технологических характеристик процесса оказания услуги на уровень удовлетворенности сервисом, то есть на представление о качестве полученной услуги (как представление о соответствии полученного и ожидаемого) существенно влияют субъективные факторы. А на них не последнее влияние оказывают вид и поведение сотрудников, стиль и манера их поведения при оказании услуг и многие другие подобные факторы.

Обсуждение результатов

Подводя итог изложенному, следует констатировать, что деятельность предпринимателей в рассматриваемой сфере социальных услуг и сервиса имеет специфические особенности, обуславливающие повышенные риски и вынуждающие их придерживаться в работе определенных правил и удовлетворять определенным характерным требованиям:

- соблюдение режима работы, максимально удовлетворяющего требования клиента;

- территориальное размещение, обеспечивающее одновременно достаточно большую проходимость потенциальных клиентов и удобный хороший доступ, удовлетворяющий потребности как клиентов, пользующихся общественным транспортом, так и клиентов, пользующихся индивидуальными транспортными средствами (что не всегда совпадает);

- применение достаточно сложных схем и графиков рабочего дня, рабочей недели и т.п., требующих привлечения сезонных работников, работников для выполнения временных работ, использование разрывов (интервалов) в течение рабочего дня сотрудника и пр. (необходимость сглаживания неравномерности, сезонности нагрузок);

- необходимость осуществления постоянной психологической поддержки персонала, действующего в зоне контакта с клиентами, проведения непрерывного эффективного обучения сотрудников психологическим приемам и методам коммуникаций;

- формирование и поддержание высокой квалификации сотрудников, в том числе для компенсации сложности специализации работ, повышенной сложности их автоматизации в рассматриваемой сфере;

- компенсирование повышенных рисков, связанных со спецификой такого экономического блага, как услуга, за счет формирования и внедрения системных решений стандартизации выполнения операций по оказанию услуг.

Выводы

Если разграничить понятия «отрасль» (как объединение предприятий, основной вид деятельности которых относится к одной классификационной группе, соответствующей коду деятельности ОКПО) и «сфера» (более расплывчатое понятие, объединяющее всех, кто в той или иной мере занимается данным видом деятельности), то к сфере сервиса следует отнести не только совокупность предприятий, главным видом деятельности которых является оказание услуг населению, но и индивидуальных предпринимателей, оказывающих услуги. В зависимости от поставленных задач и целей, а также от используемых принципов и критериев, классификации данной сферы могут быть различными.

При рассмотрении в рамках функциональной (профильной) направленности, при использовании специализированного подхода (от обслуживания производства, общества, домашнего хозяйства, функции по распределению, хранению, обеспечению ресурсами и товарами до обслуживания личности) к сфере услуг следует отнести предпринимателей, осуществляющих свою деятельность в основном в социальной сфере, к которой относятся:

- торговая деятельность;
- деятельность по предоставлению услуг общественного питания;
- деятельность по предоставлению услуг временного проживания;
- транспортные услуги;
- услуги связи и информационного обслуживания;
- услуги по заготовке, хранению и снабжению материально-техническими ресурсами;
- услуги по обеспечению функционирования рынка (кредит, финансы и страхование, профессиональное участие в сделках с недвижимостью);

- услуги в сфере образования, культуры и искусства;
- услуги в сфере науки и научного обслуживания;
- услуги в сфере здравоохранения, включая физкультуру и спорт;
- услуги по обслуживанию домашнего хозяйства (поддержание и ремонт жилищного хозяйства, производственно-бытовые и коммунальные услуги);
- услуги личного характера (непроизводственные бытовые услуги, услуги парикмахерских и фотоателье, ремонт обуви и т.п.).

Состав услуг в настоящее время в связи с появлением цифровой среды и расширением ряда профессий с возможностью работы в дистанционном формате, чему во многом способствовала пандемия, существенно увеличивается, происходит их структурная перестройка. Большие изменения происходят вследствие набирающей все большую популярность кастомизации в сфере материального производства. Таким образом, мы можем говорить о возможности и необходимости расширения и качественного скачка предпринимательской деятельности в социальной сфере.

ЛИТЕРАТУРА

1. Левитина И. Ю., Гашко Д. В. Социальное предпринимательство как фактор развития благополучия страны // Сб. ст. по мат. XVIII Междунар. науч.-практ. конф. «Актуальные проблемы бизнес-образования». Минск, 2019. С. 127–129.
2. Левитина И. Ю., Ялунер Е. В. Экономика сервиса: учеб. пособие. СПб., 2007.
3. Vetrenko P. P., Mordovets V. A., Yaluner E. V. Development of Intellectual Capital in the Russian Economy to Ensure the Economic Security of a Corporation Under Competition // European Research Studies Journal. 2017. Vol. 20, N 4. P. 604–618.

УДК 331.5.024.5(470)

DOI: 10.31799/2411-4588-2021-1-50-59

Владимир Терентьевич Перекрест*

доктор физико-математических наук

Игорь Владимирович Перекрест*

старший научный сотрудник

*Институт проблем региональной экономики РАН

Санкт-Петербург, Россия

РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ СФЕРЫ ЗАНЯТОСТИ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ЭКОНОМИКО-МАТЕМАТИЧЕСКОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ СИСТЕМЫ РЕГИОНАЛЬНЫХ РЫНКОВ ТРУДА¹

Аннотация. Рассматриваются результаты анализа проблемы государственного регулирования сферы занятости – предупреждения, предотвращения и смягчения безработицы как ключевого индикатора состояния пространственной экономической системы. В качестве объектов исследования рассматриваются субъект Российской Федерации (СРФ) – региональный уровень, федеральный округ Российской Федерации (ФОРФ) – макрорегиональный уровень и Россия в целом – макроуровень.

В основе предложенного подхода для решения указанных задач лежат симметричные модели институционального взаимодействия спроса и предложения на региональных рынках труда и концептуальная схема отбора соискателей в системе базовых компетентностных модулей. Основными концептуально-технологическими инструментами являются: типологическое моделирование РРТ России методами нелинейного непараметрического анализа в формате R-шкалирования, а также многокритериальные балансовые технологии представления и анализа взаимодействия спроса и предложения на РРТ.

Приведены примеры результатов картирования основных объектов построенных факторных моделей в форме типологических плоскостей, на которых изображены состояния наблюдаемых объектов – субъектов Российской Федерации – в соответствующей системе интегральных индикаторов.

Ключевые слова: региональный рынок труда, институциональная безработица, баланс рабочих мест, остаточный спрос, избыточное предложение, типологическая модель

REGIONAL FEATURES OF STATE REGULATION OF THE RUSSIAN EMPLOYMENT SECTOR

Vladimir T. Perekrest*

Grand PhD in Physico-mathematical Sciences

Igor V. Perekrest*

Senior Researcher

*Institute for Regional Economic Studies Russian Academy of Sciences

St. Petersburg, Russia

Abstract. The article considers the results of the analysis of the problem of state regulation of the sphere of employment-prevention, prevention and mitigation of unemployment as a key indicator of the state of the spatial economic system. The subjects of the study are the subject of the Russian Federation – the regional level, the federal district of the Russian Federation – the macro – regional level and Russia as a whole-the macro-level.

The proposed approach for solving these problems is based on symmetric models of institutional interaction of supply and demand in regional labor markets and a conceptual scheme for selecting applicants in the system of basic competence modules.

The main conceptual and technological tools are: typological modeling of the LM of Russia by methods of nonlinear nonparametric analysis in the R-scaling format, as well as multi-criteria balance technologies for representing and analyzing the interaction of supply and demand on RLM.

¹ Исследование поддержано ИПРЭ РАН в рамках темы «Экономико-математические методы государственного регулирования социально-ориентированных экономик в рамках модели инновационного развития». Программа фундаментальных научных исследований гос. Академий наук на 2013–2020 гг., направление «Разработка математического и эконометрического инструментария, а также теоретических и методологических основ анализа, моделирования и прогноза качества и образа жизни населения: макро- и региональный аспект».

Examples of the results of mapping the main objects of the constructed factor models in the form of typological planes, which depict the states of the observed objects-subjects of the Russian Federation in the corresponding system of integral indicators.

Keywords: regional labor market, institutional unemployment, balance of working place, the needs of the economy, the residual demand, excess supply, typological model.

В статье обсуждаются результаты анализа одной из важнейших проблем государственного регулирования сферы занятости (рынка труда) – предупреждения, предотвращения и смягчения безработицы как ключевого индикатора состояния пространственной экономической системы. Предложенные теоретико-методологические подходы [1–4] рассмотрены для процессов безработицы в региональном аспекте и в категоризации по общесистемным характеристикам.

В первом случае в качестве единичных объектов исследования рассматриваются субъект Российской Федерации (СРФ) – региональный уровень, федеральный округ Российской Федерации (ФОРФ) – макрорегиональный уровень и Россия в целом – макроуровень.

1. Феномен институциональной безработицы

Безработица в работе рассматривается в двух основных измерениях: временном и общесистемном¹. В первом случае рассматриваются две формы: фрикционная и застойная. Во втором рассматривается лишь один ее вид – институциональная (структурная) безработица, которая представляется наиболее существенной для возникающих задач госрегулирования. При этом отметим, что несомненная актуальность указанных задач с позиций ЦБ России и Минобрнауки России представлена, например, в публикациях [5–7].

1.1. Институциональная безработица – вид безработицы, вызванный функционированием самих институтов рынка труда и факторами, влияющими на ее спрос и предложение [8]. Характеристические свойства институциональной безработицы в современной трактовке и в указанном контексте:

- наличие одновременно незанятой рабочей силы и вакантных рабочих мест в размерах, выходящих за рамки фрикционной безработицы;
- необходимость формирования и реализации экономической политики в регионе с учетом демографической ситуации и динамики объемов и структуры рабочей силы региона;
- необходимость гармонизации проводимой экономической политики и учета потребности

региональной экономики в профессиональных кадрах с политиками: миграционной (трудовая миграция внутренняя и внешняя) и образовательной («образовательная» трансформация рабочей силы региона (РСР) и его трудового потенциала в целом).

Для решения указанных задач требуется организация взаимодействия между субъектами указанных политик, в котором потребность региональной экономики определяется через объем и структуру региональной системы рабочих мест (РСРМ). При этом учитываются замещенные и вакантные рабочие места (соответственно – ЗРМ и ВРМ), рабочие места, выводимые из обращения (ВОРМ), а также вновь создаваемые и модернизируемые (соответственно ВСРМ и МРМ). Особо учитываются рабочие места организаций, входящих в приоритетные направления экономического развития региона (ПНЭР).

В этом случае основная задача госрегулирования включает в себя:

- индикацию потребности экономики региона в профессиональных кадрах (в отраслевом и профессионально-квалификационном разрезах);
- оценку рисков возникновения незаполненных (вакантных) рабочих мест на предприятиях региона (для ПНЭР) представителями РСР, а также оценку объема и структуры возникшей институциональной безработицы.
- оценку возможности смягчения институциональной безработицы за счет уточнения объемов и структуры миграционной политики (как внутренней, так и внешней), а также формирования заданий для системы профессионального образования и обучения.

– гармонизацию указанных политик за счет разработки региональных и оптимизации общегосударственных критериев их согласования с потребностью экономики региона в профессиональных кадрах.

1.2. В основе предложенного подхода для решения указанных задач лежат **симметричные модели институционального взаимодействия спроса и предложения** на региональных рынках труда (РРТ) и концептуальная схема отбора соискателей в системе базовых компетентностных модулей (БКМ) – см. [4, рис. 1–2]. Более подробно эти вопросы изложены в [10, 11],

¹ Общую классификацию феномена безработицы см., например, в [8, 9].

а связанные с ними аспекты внешней миграции представлены в [12, 13].

Существенная особенность указанных подходов – рассмотрение с единых позиций и в сопоставимой лексике вопросов структурной безработицы РСР и незаемченности (вакантности) для РСРМ. В частности, в рамках представленных в табл. 1 симметричных моделей.

При этом выделяются следующие ключевые задачи:

I. Разработка общей концептуальной модели и ее концептуально-аналитическая детализация.

II. Определение потребности субъектов Российской Федерации и отраслей экономики в профессиональных кадрах.

III. Разработка экономико-математической модели (далее – ЭММ) согласования региональной системы рабочих мест (далее – РСРМ) и структуры рабочей силы региона (далее – СРСР).

IV. Разработка балансовых технологий государственного регулирования экономики в це-

лях обеспечения региональных экономических систем профессиональными кадрами (кадровой потребности).

V. Разработка ЭММ представления кадровой потребности региональной экономики.

VI. Разработка методов компетентностных сопоставлений различных форм представления кадровой потребности региональной экономики (экономический и образовательный форматы).

VII. Разработка технологии формирования единого координатного пространства представления спроса и предложения на рынках труда развивающихся экономических систем в рамках компетентностного подхода.

VIII. Разработка технологии комплексного оценивания соответствия объектов спроса и предложения на рынках труда в задачах подбора кадров для замещения вакантных рабочих мест с учетом факторов целевой трансформации рабочей силы.

IX. Разработка информационно-аналитических подходов и ЭММ цифровизации взаимодей-

Таблица 1

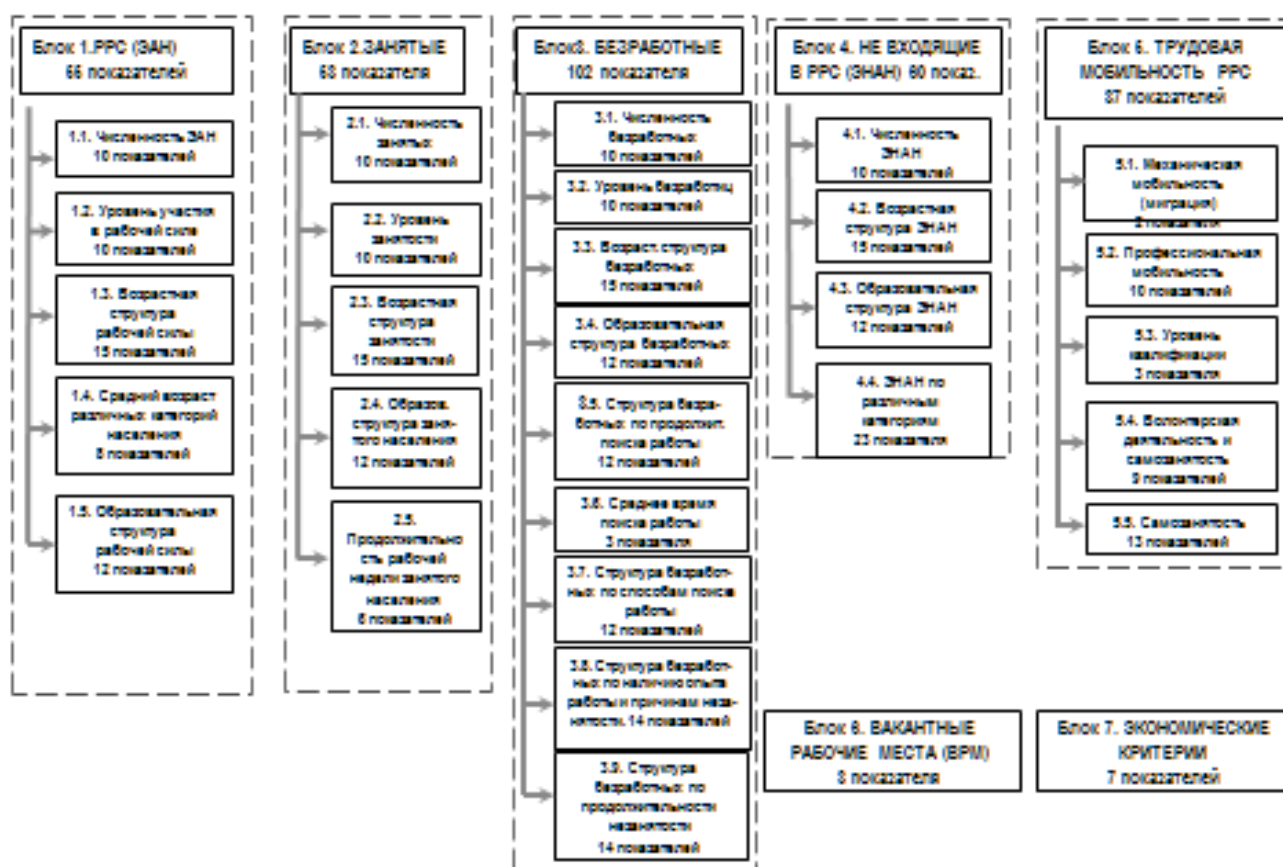
Симметричные модели описания и взаимодействия субъектов спроса и предложения на РРТ

| Рабочее место (РМ) – элемент РСРМ | Представитель ЭАН (РСР) |
|--|---|
| Х а р а к т е р и с т и к и | |
| Замещенное | Трудоустроен, замещает рабочее место |
| Вакантное | Безработный по методологии МОТ (не имеет работы, ищет работу и готов к трудоустройству, замещению РМ) |
| Т р а н с ф о р м а ц и и | |
| Ввод в действие (создание новых РМ) | Вхождение в ЭАН (РСР), первичное трудоустройство |
| <i>Механическое перемещение внутреннее</i> – через закупку соответствующих товаров и услуг в других регионах | <i>Механическое перемещение внутреннее</i> (трудовая миграция внутренняя – межрегиональная) |
| <i>Механическое перемещение внешнее</i> – через импорт (товаров и услуг) | <i>Механическое перемещение внешнее</i> (трудовая миграция внешняя – иммиграция) |
| <i>Модернизация</i> | <i>Профессиональное образование, подготовка</i> |
| Моральный износ | Старение |
| Вывод из обращения (закрытие) | Выход из ЭАН (РСР) |
| Т р а н с ф о р м а ц и о н н а я э л а с т и ч н о с т ь о п р е д е л я е т с я д л я з а д а н н о г о у р о в н я д е т а л и з а ц и и п р о ф е с с и о н а л ь н о - к в а л и ф и к а ц и о н н о й с т р у к т у р ы Р С Р – Р С Р М О б ы ч н о и с п о л ь з у е т с я у р о в е н ь « м а л а я г р у п п а » О К 3 - 1 4 – О К 0 1 0 - 2 0 1 4 (М С К 3 - 0 8) * | |
| <i>Технологическая эластичность РСРМ:</i> приведение квалификационно-образовательного статуса РМ к каноническому для выбранного уровня с помощью стандартизированных процедур некоторой технологической трансформации РСРМ: механическое перемещение (внутреннее и внешнее), модернизация | <i>Образовательная эластичность РСР:</i> приведение квалификационно-образовательного статуса соискателя к каноническому для выбранного уровня с помощью стандартизированных процедур некоторой образовательной трансформации РСР (трудовая миграция, профессиональное образование и подготовка) |

* С июня 2021 г. также актуализируется система категоризации профессионально-квалификационного уровня в соответствии с группировкой трудовых функций (см. систему кодирования трудовых функций в рамках профессиональных стандартов).

Таблица 2

Структура статистики рынка труда (субфедеральный уровень)



ствия спроса и предложения для рынков труда региональных экономических систем.

X. Разработка краткосрочных и среднесрочных балансовых прогнозных оценок.

XI. Формирование пакета «сквозных» примеров – объектов пилотного анализа.

В последнем случае в качестве примера может рассматриваться «Фармацевтический кластер»¹.

2. Экономико-математическое моделирование системы региональных рынков труда

2.1. Ключевые целевые установки моделирования. Включают в себя две следующие позиции:

– создание в эконометрическом формате информационно-аналитического обеспечения процессов государственного регулирования формирования и развития единого рынка труда Рос-

сии на основе сформированной системы РРТ субъектов Российской Федерации.

– формирование действенных механизмов обеспечения приоритетных направлений экономического развития регионов Российской Федерации профессиональными кадрами.

При этом основными концептуально-технологическими инструментами являются: в первом случае – типологическое моделирование РРТ России методами нелинейного непараметрического анализа в формате R-шкалирования [14, 15]; во втором – многокритериальные балансовые технологии представления и анализа взаимодействия спроса и предложения на РРТ [12, 16].

2.2. Информационная база проводимых типологизаций систем РРТ. Ключевыми характеристиками информационной базы являются следующие:

– используется официальная статистическая информация, представленная данными Росстата за 2009–2018 гг.;

– является системой из 177 (в полном варианте – 308) статистических показателей в рамках структуры, представленной на рис. 1 [17].

¹ На протяжении последних лет (2016–2019 гг.) фармацевтический кластер при реализации Постановления 170 от 09.03.2016 был отнесен к ПНЭР Санкт-Петербурга.

2.3. Характеристические свойства построенной типологической модели. Отметим следующие основные позиции типологической модели:

- Особое положение рынка труда «между»:
 - *экономикой* (хозяйствующие субъекты, предприятия);
 - *социальной сферой* (рабочая сила, население).
- Информационная база типологизации включает два контекстных блока статистических показателей:
 - «Экономика» (7 показателей);

– «Качество жизни» (34 показателя).

Первичное пилотное моделирование проведено для предметных областей, включающих разделы:

- *основной* – «Рынок труда»;
- *контекстный* – «Экономика».

Основной инструмент первичной типологизации:

- *метод главных компонент в корреляционном формате* (для корреляционной матрицы индикаторов типологизации). Реализуется в формате Z-оценок).

Таблица 3

Наименование граф (столбцов) таблиц 4–6

| № п/п | Код | Полное наименование |
|-------|-------|--|
| 1 | Код | Код индикатора в полном перечне индикаторов [18, с.135–207] |
| 2 | Имя | Полное наименование индикатора |
| 2 | min | Минимальное значение Z-оценки индикатора |
| 3 | max | Максимальное значение Z-оценки индикатора |
| 4 | МФН_i | Матрица факторных нагрузок (весов) для i-й компоненты ФМ; i = 1, 2, 3. Рассчитываются для Z-оценок соответствующих индикаторов |
| 5 | ДОД | Доля объясненной дисперсии для типологизируемых индикаторов ФМ |
| 6 | % Д | % Дисперсии |
| 7 | % К | % Кумулятивный |

Таблица 4

Основная факторная модель «ВС»: Институциональная безработица

| Код | Имя (наименование ФМ / индикатора) | min | max | ДОД | МФН_1 | МФН_2 | МФН_3 |
|----------|--|------|-----|-----|-------|-------|-------|
| В | Уровень безработицы | | | | ВС_1 | ВС_2 | ВС_3 |
| Инд029 | Уровень безработицы населения СРФ, % | –1,3 | 3,4 | ,83 | –,45 | * | ,78 |
| Инд030 | Доля безработных населения СРФ во всех безработных России, % | –1,3 | 6,1 | ,74 | ,50 | –,62 | ,33 |
| Инд031** | Уровень «масштабности» образованности (по всем видам образования) занятого населения СРФ | –1,8 | 7,1 | ,95 | ,95 | | |
| Инд032** | Уровень оборота трудовой миграции в структуре СРФ, в котором въезд и выезд оцениваются равнозначно | –,76 | 5,7 | ,76 | | ,80 | ,27 |
| С | Вакантные рабочие места РСРМ | | | | | | |
| Инд082 | Доля ВРМ в общем количестве рабочих мест СРФ, % | –2,0 | 7,7 | ,68 | ,349 | ,679 | –,32 |
| Инд083 | Доля ВРМ на предприятиях СРФ в общем объеме ВРМ для РФ, % | –,67 | 8,4 | ,95 | ,961 | | |
| Инд084** | Основной индикатор технологической инновационности РСРМ | –,70 | 1,7 | ,76 | ,531 | ,406 | ,56 |
| Инд085** | Дополнительный индикатор технологической инновационности РСРМ | –2,9 | 9,3 | ,78 | –,726 | ,276 | ,42 |

Примечание:

* Здесь и далее в МФН числа, абсолютные значения которых меньше 0,3, на печать не выводятся.

** Интегральный индикатор, рассчитанный методом главных компонент (см. [18]).

Таблица 5

Контекстные факторные модели группы «D»: Уровень экономического развития

| Код | Имя (наименование ФМ / индикатора) | min | max | ДОД | МФН |
|--------------|---|-------|------|------|-------------|
| ФМ D1 | Контекстная ФМ D1 «Масштабные индикаторы» [19] | | | | D1_1 |
| Инд101 | Доля добычи полезных ископаемых СРФ в общей добыче России, % | -0,32 | 7,36 | ,949 | ,974 |
| Инд105 | Доля инвестиции в основной капитал СРФ в объеме инвестиций РФ, % | -0,63 | 6,28 | ,304 | ,552 |
| Инд104 | Доля оборота розничной торговли СРФ в розничной торговле России, % | -0,61 | 8,04 | ,826 | ,909 |
| Инд100 | Доля ВРП субъекта РФ (СРФ) в ВВР России, % | -0,48 | 8,05 | ,955 | ,977 |
| Инд102 | Доля продукции обрабатывающих производств СРФ в общей продукции ОП России, % | -0,62 | 7,56 | ,849 | ,921 |
| Инд103 | Доля продукции производства и распределения электроэнергии, газа и воды в общем объеме РФ, % | -0,71 | 7,40 | ,836 | ,914 |
| Инд106 | Доля продукции сельского хозяйства СРФ в продукции с/х России, % | -0,96 | 4,95 | ,043 | ,208 |
| ФМ D2 | Контекстная ФМ D2 «Удельные индикаторы» [19] | | | | D2_1 |
| Инд107 | СРФ: Объем ВРП на одного занятого (млн руб.) | -0,53 | 9,18 | ,950 | ,975 |
| Инд108 | СРФ: Объем добычи полезных ископаемых на одного занятого (млн руб.) | -0,29 | 9,08 | ,887 | ,942 |
| Инд109 | СРФ: Объем продукции обрабатывающих производств на одного занятого (млн руб.) | -1,36 | 3,13 | ,102 | ,320 |
| Инд110 | СРФ: Объем продукции производства и распределения электроэнергии, газа и воды на одного занятого (млн руб.) | -1,22 | 6,03 | ,424 | ,651 |
| Инд111 | СРФ: Величина оборота розничной торговли на одного занятого (млн руб.) | -2,26 | 3,73 | ,176 | ,420 |
| Инд112 | СРФ: Объем инвестиций в основной капитал на одного занятого (млн руб.) | -0,41 | 11,9 | ,859 | ,927 |
| Инд113 | СРФ: Объем продукции сельского хозяйства на одного занятого (млн руб.) | -1,39 | 4,78 | ,103 | -0,321 |

Таблица 6

| Код | Суммы квадратов нагрузок извлечения | | | Полное наименование интегрального индикатора |
|--|-------------------------------------|------|------|---|
| | Итого | % Д | % К | |
| ФМ «BC» Институциональная безработица | | | | |
| BC ₁ | 3,3 | 40,8 | 40,8 | Балансовая оценка уровня институциональной безработицы СРФ: масштабность против региональной значимости |
| BC ₂ | 1,8 | 22,3 | 63,1 | Балансовая оценка уровня «технической» безработицы СРФ и факторы мобильности РСР |
| BC ₃ | 1,4 | 17,6 | 80,7 | Балансовая оценка уровня региональной безработицы и факторы мобильности РСР |
| ФМ D1 «Масштабные индикаторы» | | | | |
| D1 ₁ | 4,8 | 68,0 | 68,0 | Интегральный индикатор экономической масштабности СРФ |
| ФМ D2 «Удельные индикаторы» | | | | |
| D2 ₂ | 3,5 | 50,0 | 50,0 | Интегральный индикатор экономической эффективности СРФ |

При этом использовалась SPSS-лексика (лексика IBM Statistics SPSS) [20].

Основной результат первичной типологизации – три частные типологические модели, построенные для следующих групп индикаторов:

- Индикаторы занятости – группа «А».
- Индикаторы институциональной безработицы – группа «ВС» (см. табл. 4):
- Индикаторы безработицы – группа «В».
- Индикаторы вакантных рабочих мест РСРМ – группа «С».
- Индикаторы уровня экономического развития – группа «D» (см. табл. 5).

2.4. Основные факторные модели типологизации. Далее в табл. 6 приведены значения и структура полной объясненной дисперсии (информативности) для построенных факторных моделей.

В дополнение к табл. 6 отметим, что контекстные модели Д1 и Д2 достаточно наглядно представлены в табл. 5 и требуют уточнения двух направлений: повышение уровня их адекватности за счет использования более тонкого инструментария (например, R-технологий), а также уточнение получаемых результатов

в зоне существенности следующих индикаторов:

- Масштабных: доля продукции сельского хозяйства СРФ в продукции с/х России, %.
- Удельных:
 - объем продукции обрабатывающих производств на одного занятого;
 - объем продукции сельского хозяйства на одного занятого;
 - величина оборота розничной торговли на одного занятого.
- Матрицы факторных нагрузок (весов) (табл. 6–8).

Обратим особое внимание на балансовый характер построенных интегральных индикаторов BC_1 – BC_3 (см. табл. 4, 6), а именно укажем основные балансовые соотношения:

$$BC_1 : X_0 + (X_1 - X_2);$$

$$X_0 = 0.96 * ZИнд083 +$$

$$+ 0,95 * ZИнд031 + 0.50 * ZИнд030; \quad (1)$$

$$X_1 = 0.35 * ZИнд082;$$

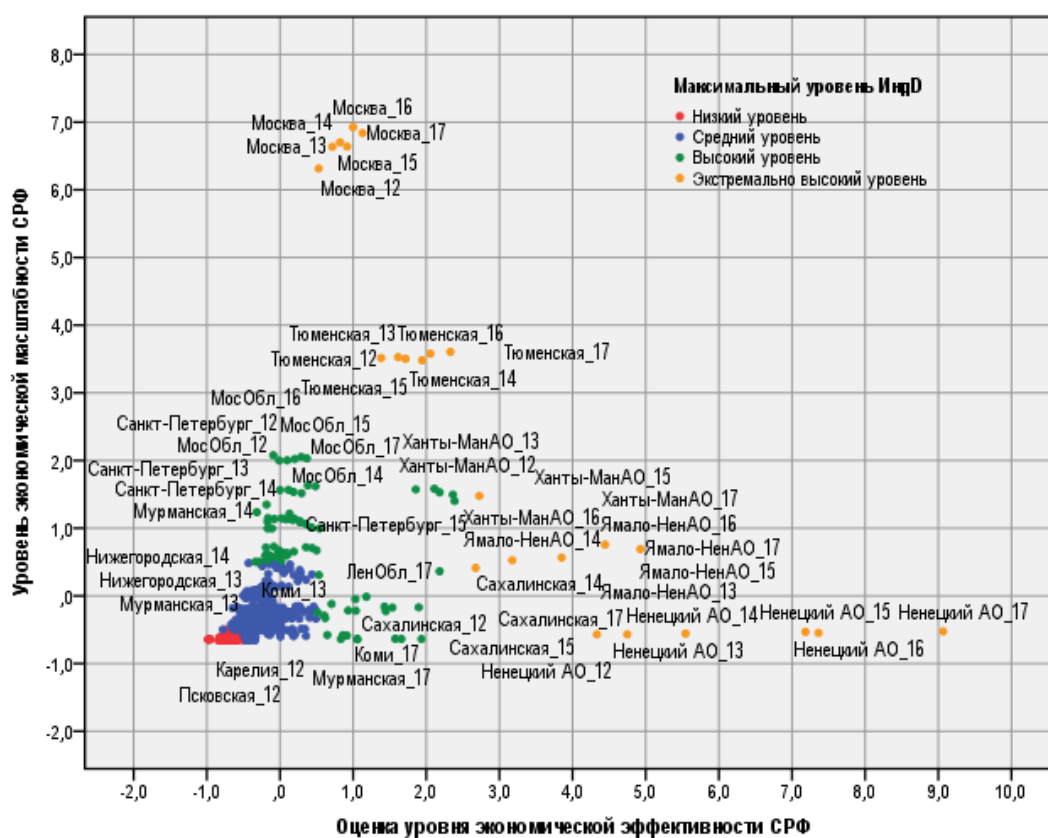


Рис. 1. Типологическая карта состояний СРФ в системе экономических индикаторов (контекстные модели «D1» и «D2»)

$$X_2 = 0.73 \cdot Z_{Инд085} + 0.45 \cdot Z_{Инд029}.$$

$$BC_2 : (Y_1 - Y_2); \quad (2)$$

$$Y_1 = 0.80 \cdot Z_{Инд032} + 0.68 \cdot Z_{Инд082};$$

$$Y_2 = 0.62 \cdot Z_{Инд030}.$$

$$BC_3 : (Z_1 - Z_2); \quad (3)$$

$$Z_1 = 0.78 \cdot Z_{Инд029} + 0.42 \cdot Z_{Инд085};$$

$$Z_2 = 0.32 \cdot Z_{Инд082}.$$

Заметим, что из равенств (1), (3) следуют тривиальные балансовые отношения между оценками численностей безработных и вакантных рабочих мест – $(X_1 - X_2)$ и $(Z_1 - Z_2)$. Разумеется, указанные связи требуют дополнительной верификации, а их уточнение – использования более тонкого цифрового инструментария (например, технологий R-шкалирования). Хотя, с точки зрения формальных критериев, построенная ФМ «BC» обладает достаточным уровнем адекватности (см. табл. 6).

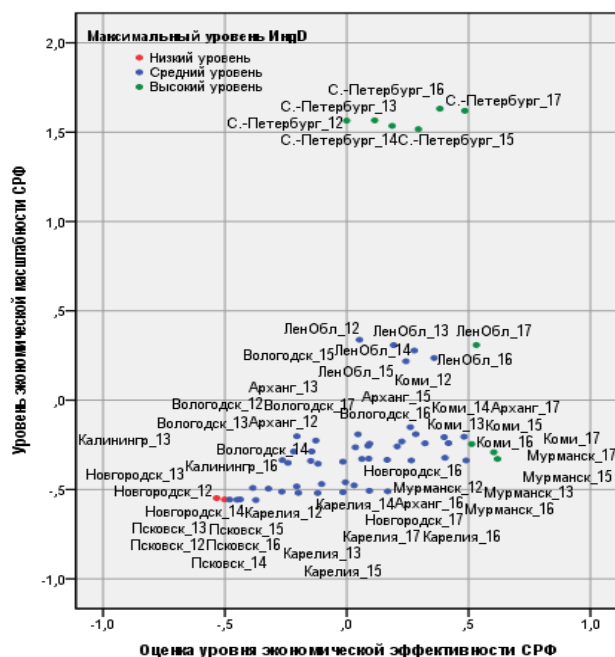


Рис. 2. Типологическая карта состояний СРФ в системе экономических индикаторов (контекстные модели «D1» и «D2»): фрагмент СЗФО

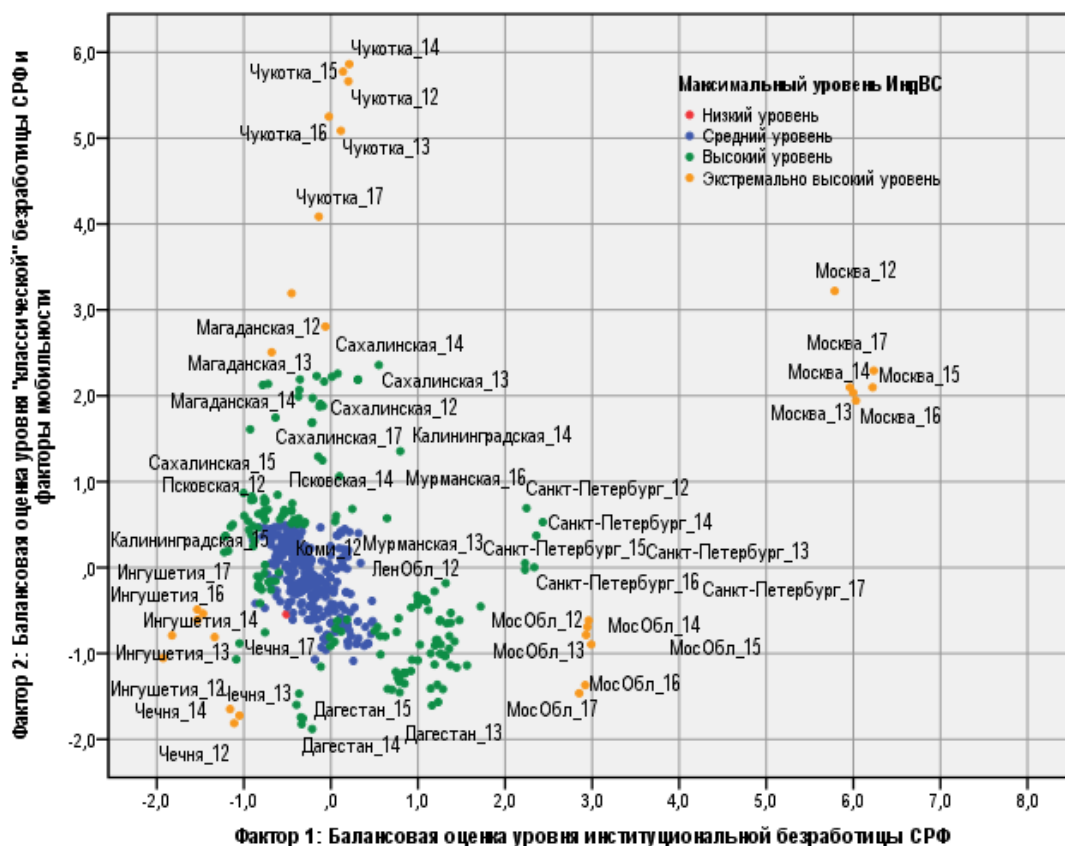


Рис. 3. Типологическая карта для двух главных факторов ФМ «BC» – структура институциональной безработицы

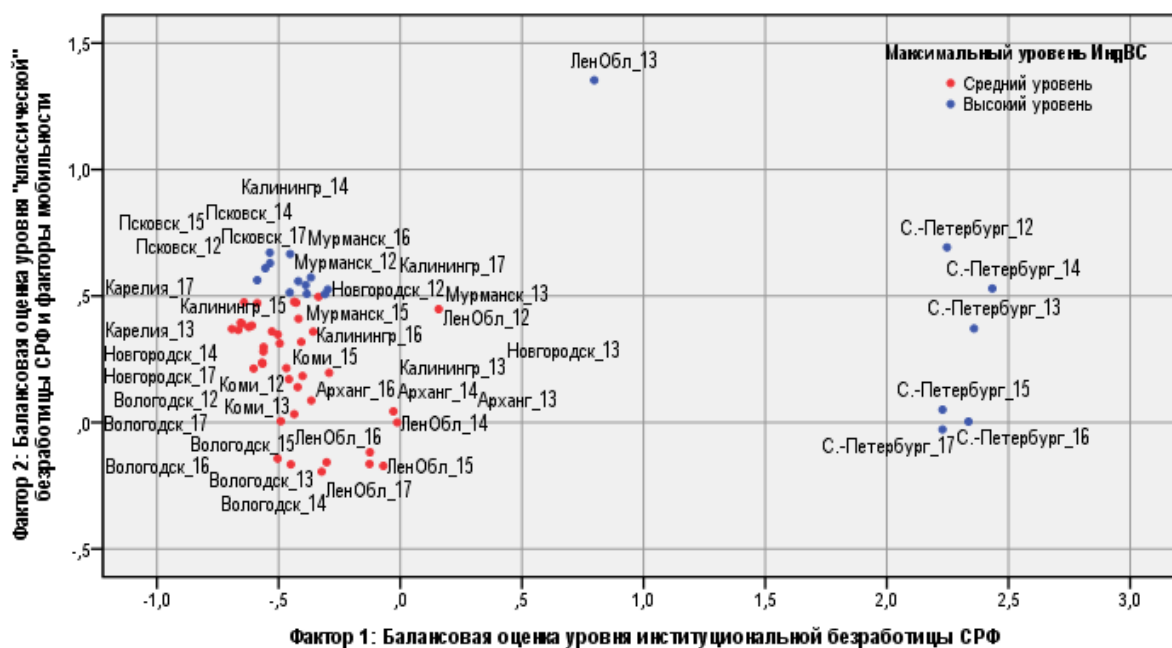


Рис. 4. Типологическая карта для двух главных факторов ФМ «ВС» – фрагмент СЗФО

3. Примеры типологического картирования результатов моделирования

На рис. 1–4 приведены примеры результатов картирования основных объектов построенных ФМ в форме типологических плоскостей, на которых изображены состояния наблюдаемых объектов – СРФ – в соответствующей системе интегральных индикаторов.

При этом следует обратить внимание на стандартизированную форму представления интегральных индикаторов: все они имеют нулевое среднее значение и единичный стандарт (среднеквадратическое отклонение от среднего значения).

ЛИТЕРАТУРА

1. Руховец Л. А., Перекрест В. Т., Курзнев В. А., Перекрест И. В. Математическое моделирование рынка труда России как пространственной экономической системы // Стратегия развития и экономическая политика. 2014. Вып. 3. С. 98–118.
2. Перекрест В. Т., Курзнев В. А., Перекрест И. В. Концептуально-аналитическое моделирование рынка труда России // Управленческое консультирование. № 4. 2015. С. 80–93.
3. Перекрест В. Т., Курзнев В. А., Перекрест И. В. Особенности формирования структуры баланса трудовых ресурсов на рынке труда // Управленческое консультирование. 2015. № 5. С. 72–80.
4. Курзнев В. А., Перекрест В. Т., Перекрест И. В., Чернейко Д. С. Технология обеспечения профессиональными кадрами развивающихся экономических систем // Управленческое консультирование. 2018. № 2. СПб.: СЗИУ РАНХиГС. С. 55–64.
5. Безработица росла одновременно с дефицитом специалистов. URL: <https://news.mail.ru/economics/45145989> (дата обращения: 14.03.2021).
6. Комментарии ГУ Банка России № 2, февраль 2021 года, 4 февраля 2021 года // Региональная экономика. URL: http://www.cbr.ru/Collection/Collection/File/31957/report_04022021.pdf (дата обращения: 14.03.2021).
7. Фальков В. Ресурсный потенциал университетов и научных организаций будет нацелен на развитие региональных экономик. Совет Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. URL: <http://council.gov.ru/events/news/124740> (дата обращения: 14.03.2021).
8. Румянцева Е. Е. Новая экономическая энциклопедия. М.: ИНФРА, 2008–2010. 829 с.
9. Безработицы виды // Национальная экономическая энциклопедия. Словарь по экономической теории. URL: <https://vocabulary.ru/termin/bezraboticyvidy.html> (дата обращения: 14.04.2021).
10. Кузнецов С. В., Курзнев В. А., Перекрест В. Т., Перекрест И. В. Потребности региональной экономики в профессиональных кадрах: вопросы цифровизации исчисления и особенности региональной безработицы // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. 2020. № 1. С. 61–68.

11. Курзенов В. А., Перекрест В. Т., Перекрест И. В. Обеспечение потребностей региональной экономики в профессиональных кадрах: информационно-аналитические модели и технологические принципы // Национальная безопасность и стратегическое планирование. 2019. № 4. С. 15–28.
12. Ефимова Л. Е., Привалов В. С., Перекрест В. Т., Перекрест И. В., Чистяков А. И. Региональный баланс рабочих мест: балансовые технологии и общие прогнозные оценки с учетом миграционных потоков: препринт науч. докл. СПб.: СЗИУ РАНХиГС, 2019. 78 с.
13. Ефимова Л. Е., Привалов В. С., Перекрест В. Т., Перекрест И. В., Чистяков А. И. Определение потребности рынка труда Санкт-Петербурга в иностранной рабочей силе: препринт науч. докл. СПб.: СЗИУ РАНХиГС, 2019. 48 с.
14. Перекрест В. Т. Эконометрическое моделирование пространственных экономических систем с помощью технологий многомерного метрического шкалирования // Мат. Третьей Междунар. конф. «Государство и бизнес. Вопросы теории и практики: моделирование, менеджмент, финансы». СПб.: СЗАГС, 2011. С. 18–38.
15. Курзенов В. А., Перекрест В. Т. Нелинейный типологический анализ и современные информационно-аналитические технологии государственного регулирования в цифровой экономике // Мат. XI Междунар. науч.-практ. конф. «Государство и бизнес. Современные проблемы экономики». СПб.: СЗИУ РАНХиГС при Президенте РФ, 2019. Т. 1. С. 28–34.
16. Перекрест И. В. Оценка потребности приоритетных направлений экономического развития Санкт-Петербурга в профессиональных кадрах с учетом внешней миграции и с использованием многокритериальных балансовых технологий // Мат. XI Междунар. науч.-практ. конф. «Государство и бизнес. Современные проблемы экономики». СПб.: СЗИУ РАНХиГС при Президенте РФ, 2019. Т. 1. С. 68–76.
17. Воронина Д. Е., Курзенов В. А., Пархоменко Л. И., Перекрест В. Т., Перекрест И. В., Фример Е. В. Методологические принципы экономико-математического моделирования рынка труда в рамках пространственной экономической системы // Междисциплинарное исследование процессов трансформации социально-экономического пространства и территориального развития регионов России / под науч. ред. д-ра экон. наук, проф., акад. РАН В. В. Окрепилова, д-ра экон. наук, проф. С. В. Кузнецова. СПб.: ИПРЭ РАН, 2021.
18. Разработка экономико-математических методов государственного регулирования для социально-ориентированных экономик на региональном уровне. Заключительный отчет о НИР / Науч. рук. В. Т. Перекрест. СПб.: ИПРЭ РАН, 2018. 291 с.
19. Перекрест В. Т., Шакирова Н. И. Эконометрическое сопоставление инновационных систем субъектов РФ методами многомерного шкалирования // Управленческое консультирование. 2011. № 3. С. 146–159.
20. Наследов А. IBM SPSS Statistics 20 и AMOS: профессиональный статистический анализ данных. СПб.: Питер, 2013. 416 с.

УДК 330.342.23:502.1

DOI: 10.31799/2411-4588-2021-1-60-68

Олег Викторович Толстогузовдоктор экономических наук
Карельский научный центр РАН
Петрозаводск, Россия

ВОЗМОЖНОСТИ ЭФФЕКТИВНОГО ОТВЕТА НА ИНДУСТРИАЛЬНЫЙ ВЫЗОВ В КОНТЕКСТЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЧЕЛОВЕКА И ПРИРОДЫ

Аннотация. Показано, что естественные рентиобразующие факторы со значительными транзакционными издержками подавляются институциональными и пространственно связанными факторами. Сформулирован закон пространственного неравенства возможностей и перспектив развития территорий. Закон приводит к когнитивному диссонансу (в методологии измерения экономического и природного капитала) и декаплингу (в практике взаимодействия центра и периферии). Чтобы начинать двигаться в сторону реального разрешения противоречия между экономикой и природой, необходимо пересмотреть в рамках новой рациональности подход, когда акцент ставится не на производственные структуры, а на воспроизводственные территориальные структуры социальных отношений (рассматриваемые в ключе геосистемы в контексте понимания коэволюции социальных систем и экосистем).

В исследовании подчеркивается необходимость учета институциональной матрицы, баланса экстрактивных и инклюзивных институтов и других пространственно связанных факторов в рамках модели взаимодействия центр – периферия.

Ключевые слова: экономическая рента, экономическое пространство, социальная геосистема, экосистема, экосистемный сервис, институт, центр-периферийные взаимодействия.

Oleg V. TolstoguzovGrand PhD in Economic Sciences
Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences
Petrozavodsk, Russia

ON THE POSSIBILITY OF AN EFFECTIVE RESPONSE TO THE INDUSTRIAL CHALLENGE IN THE CONTEXT OF HUMAN-NATURE INTERACTION

Abstract. The report shows that natural rent-generating factors with significant transaction costs are suppressed by institutional and spatially related factors. The law of spatial inequality of opportunities and prospects for the development of territories is formulated. The law leads to cognitive dissonance (in the methodology of measuring economic and natural capital) and decoupling (in the practice of interaction between the center and the periphery). In order to start moving towards a real resolution of the contradiction between economy and nature, it is necessary to revise the approach within the framework of a new rationality, when the focus is not on production structures, but on the reproductive territorial structures of social relations (considered in the key of geosystems in the context of understanding the co-evolution of social systems and ecosystems). The study emphasizes the need to take into account the institutional matrix, the balance of extractive and inclusive institutions and other spatially related factors within the framework of the center-periphery interaction model.

Keywords: economic rent, economic space, social geosystem, ecosystem, ecosystem service, institute, center-peripheral interactions.

Введение

Человечество сталкивается с одним из самых серьезных испытаний для достижения надлежащего баланса между потребностями развития и экологическими императивами. Экономические стратегии в таких секторах, как энергетика, сельское хозяйство, лесное хозяйство, и опорный каркас не стимулируют практику устойчивого развития [1]. В этом контексте важ-

ны две проблемы: продовольственная безопасность и функционирование наземных систем (согласно Европейской комиссии [2]).

В резолюции, принятой Генеральной Ассамблеей [3], концептуально осознается, что социально-экономическое развитие зависит от рационального использования природных ресурсов нашей планеты. В то же время, исследуя тенденции и сравнивая их с представлениями о будущем человечества, констатируем, что сегодня

преобладает производственный экстенсивный подход, формирующий техногенные тенденции экономического развития. Последние рассматриваются в широком спектре: от фронтальной экономики до концепции охраны окружающей среды и устойчивого развития.

Известно, что экологическая функция Кузнецца (ЭФК) показывает зависимость деградации окружающей среды от доходов: при росте доходов уровень деградации сначала растет; а затем – по мере достижения определенного значения доходов – снижается [4]. Если сравнить тенденции роста валового мирового продукта за последние пятьдесят лет, который увеличился более чем в сто раз, и последствия, измеренные в контексте устойчивого развития, то мы увидим, что до сих пор сохраняется линейная тенденция в экологической функции [5, 6], а сами результаты ЭФК имеют недостоверную статистическую основу [7].

Негативные тенденции ведут к потере экосистем [8, 9] и утрате целого комплекса экосистемных услуг [10, 11]. Несмотря на более эффективное использование ресурсов, потребление продолжает расти [12]. Объемы использования природных ресурсов в ближайшие полвека увеличатся в разы. Кроме того, сам безудержный рост также становится причиной неустойчивости развития территорий [9, 13].

Современная мировая экономика характеризуется усиливающейся пространственной неравномерностью [14, 15], растущим декаплингом между богатыми и бедными странами [12], одновременно порождая сомнения в самой возможности устойчивого экономического роста [16]. Под пространственным неравенством понимаются межрегиональные различия ряда статистических показателей (валовой региональный продукт и т. д.) [15].

Анализ статистических данных [14–19] показывает высокую корреляцию межтерриториальной дивергенции с детерминантами, имеющими рыночную основу и являющимися ключевыми в рамках модели центр-периферийных взаимодействий (ЦПВ). Следствие этого – декаплинг (разнонаправленность и разноритмичность развития) агломераций и периферии. В то же время периферийные территории имеют огромное значение как в части устойчивого развития общества, так и в части продовольственной безопасности и поддержания качества окружающей среды.

Традиционное потребление природных ресурсов при отсутствии инновационного развития неизбежно ведет к усилению диспропорций в распределении населения и деградации уда-

ленных от центра территорий [20]. В этой связи упомянем важный аспект: осознана необходимость системного подхода в реализации Целей устойчивого развития (ЦУР), требующего высоких стандартов согласованности политики [21]. Чтобы сохранить достойный уровень интегральной конкурентоспособности и привлекательности периферии для проживания, нейтрализации экологических угроз и технологического преобразования, требуется решение комплекса экономических, социальных, а главное, управленческих задач [20].

В настоящее время осознана необходимость формирования методологии измерения устойчивого развития и экономического роста в условиях секторального и пространственного неравенства. Обществу необходим более совершенный статистический «компас», чтобы сместить акцент измерения экономических явлений в сторону устойчивого развития [22]. Поэтому цель исследования состояла в том, чтобы поучаствовать в критическом дискурсе о взаимосвязи между экологическим менеджментом и экономической теорией и предложить предпосылки для разработки подхода в контексте новой рациональности.

Методология

Эффективность использования природных ресурсов определяется в контексте человеческого восприятия и изменяется в зависимости от социального контекста [23, 24]. Для учета данного контекста в фокус внимания берутся микрооснова экономики и организационные процедуры, не обусловленные исключительным исчислением максимизации дохода [25], изменяющийся институциональный порядок взаимодействий между агентами при локализации соотношения частных и общих институтов [26–29]. Поэтому предлагается следующий контур эколого-экономических представлений.

Международные документы по вопросам устойчивого развития. Важнейшей чертой устойчивого развития является справедливость в области распределения, как во времени, так и в пространстве. Данная повестка дня поставила задачу разработки единой системы отчетности с экономическими и экологическими показателями в контексте целей и показателей устойчивого развития [22]. В качестве примера методологии измерения экологии и экономического роста можно привести доклад ОЭСР [29].

Доклад Стиглица – Сена – Фитусси. Проведение точной оценки запасов капитала проблематично, когда рыночные цены обладают сильной волатильностью. Поэтому оценка устойчи-

ности является дополнением к экономической эффективности. Если объединить благополучие и устойчивость в один показатель, то возникает когнитивный диссонанс [30].

Экономическая теория. Используется экономический анализ капитализации дохода, приносимого природными ресурсами и институциональный анализ структуры цены и механизма ценообразования для объяснения роли и значения рентообразующих факторов.

Пространственная экономика и новая география. В условиях возрастающей глобализации взаимоотношения институтов и их следствия – пространственные экстерналии – становятся объектом исследования. При этом наборы экономических показателей должны отражать трансграничные и трансрегиональные экстерналии.

Рекомендации Конференции европейских статистиков для измерения устойчивого развития, подготовленные совместно ОЭСР и Статистической службой Европейского союза. Данные рекомендации полезны в методическом плане при гармонизации различных подходов и показателей в контексте целей и показателей устойчивого развития [22].

Экономика в системе «природа – человек»

Дилемма расширения экономической деятельности с одновременной стабилизацией темпов использования ресурсов и одновременным уменьшением воздействия на окружающую среду представляет собой глобальный вызов для общества [12]. Однако данный вызов недостаточно исследован как в части понимания экономической ценности природного капитала и установления надлежащих финансовых стимулов [31], так и в части продвижения знаний до уровня локальных территорий [13]. Устранение пространственных и секторальных диспропорций стимулирует исследователей искать подходящие научные основания для подготовки ответов на вызов. При этом осознается, что необходимо учитывать экономические, географические, экологические особенности разных частей пространственно-структурированной территории страны.

В процессе социально-экономических преобразований создана экономическая система, основанная на рыночных отношениях. В то же время капиталистическое производство реализуется, не меняя своей фундаментальной сущности, а лишь изменяясь в конкретно-исторических формах, обусловленных контекстами эволюционирующей природы социальных отношений.

В рамках современных отношений принято говорить о бухгалтерских и экономических издержках и прибыли. Бухгалтерский учет включает вневременные издержки израсходованных ресурсов в фактических ценах и прибыль при нулевых транзакционных издержках. Он удобен для определения налогооблагаемой базы, которая устанавливается на основе нормативных документов. При этом рыночная цена природных ресурсов определяется в рамках оценки ликвидности при условии уравнивания спроса и предложения и максимизации капитализации дохода. В то же время осознается, что использование стоимостных оценок экономического и природного капиталов является спорным из-за сильных предположений, на которых основаны их расчеты. Отсутствует ясность в отношении истинной экономической ценности и объективных финансовых стимулов [31].

Проблема заключается в том, что сама категория «стоимость» имеет разные толкования. Поэтому в ценность, предоставляемую экосистемой, включают различные категории стоимости. Согласно [32, 33] оценка ценности представляет собой сумму прямой стоимости использования природного ресурса (экономические блага), косвенной стоимости (неэкономические блага), стоимости отложенной альтернативы и иного обременения. Они связаны с различными компонентами ценности окружающей среды, воспринимаемыми в рамках многомерной структуры проблем [32–34], например, на основе учета лимитирующих факторов при использовании земель [35, 36].

Из экономической теории известно, что категория «ценность» охватывает две смежные категории стоимости: «стоимость» (в смысле меновая стоимость) и «потребительная стоимость». Сложность оценки потребительной стоимости экосистемных услуг заключается в том, что необходимо учитывать ее прямое и косвенное использование [37]. Прямое использование включает в себя экономические блага, косвенное – неэкономические, связанные с экосистемными функциями. В работе [37] предлагается способ учета потребительской стоимости в виде опционного права использования экономического и неэкономического блага как резерва для будущего.

Однако, чтобы использовать базисный актив с оговоренной ценностью, требуется не только принятие технологических мер, нацеленных на снижение процесса деградации природы, но и принятие мер институционального характера. В том числе речь идет об обеспечении исковой силой справедливых платежей за экосистем-

ные услуги, стимулировании повышения производительности сельского и лесного хозяйства и инвестиций, облегчении доступа к рынкам и иных институциональных мерах [37, 38].

В то же время подобное обеспечение обременено транзакционными издержками. Задача общества – увидеть за долговой экономикой реальную экономику с реальными проблемами природопользования. При этом необходимо выйти за рамки бухгалтерского учета как раз за счет оценки потребительной стоимости. В расчетах необходимо учесть не только текущую ликвидность, но и использовать взаимосвязь экологического и экономического агрегатов, сформированных в контексте целей и показателей устойчивого развития.

Концепция подхода в новой рациональности

Переход к измерению устойчивого природопользования на основе адекватной оценки экосистемных услуг в результате изменения экономической деятельности является темой активной дискуссии [39–42]. И сами различные подходы к оценке экосистемного сервиса также являются предметом дискуссий [21, 43–46].

В то же время поставленную задачу можно решить в рамках новой рациональности, обуславливающей эволюционно-геосистемный подход. В этом случае внимание фокусируется на мезоуровне экономических систем, а сама категория «мезоуровень» понимается как занимающая особое место в методологической дискуссии индивидуализма и холизма [26, 47–50]. Мезоэкономика признает законы самоорганизации экономики, обращает особое внимание на механизмы координации, которые реализуются в виде необходимых мезоэкономических структур: пространственных, функциональных, временных [51]. В этой связи считаем, что отдельные элементы экономической системы образуют единство, однако тип связей отличается от макро- и микроэкономических законов, определяется коэволюцией элементов мезоэкономических структур [52] и соответствует структуре отношений геосистемы, которую понимаем в том же смысле, что и в работе [53].

В конечном счете система социальных отношений опирается на определенную институциональную матрицу, в соответствии с которой происходит распределение ресурсов, капитала и иных результатов экономического процесса. Поэтому в объект анализа включаются не только экономические действия (производство, обмен, потребление, распределение), но и транзакции

и влияющие на них социальные действия. При этом транзакции требуют формирования определенной институциональной среды, определяющей экономический порядок и форматы контрактов и предусматривающей установление частного порядка в дополнение к действующему правовому порядку. В условиях несовершенной конкуренции это приобретает решающее значение и приводит к правовой инверсии в части утверждения локальной приоритетности частного порядка над общими правилами.

Для объяснения причин воспользуемся методом абстрагирования объекта анализа до предельной категории. Предполагаем, что его характеристики сводятся к одной скалярной величине – экономической ренте (пространственно-временной функции капитала). В отношении природных ресурсов рента выступает как плата за использование ресурса, когда его предложение в общем случае не зависит от величины платежа. При этом оплата его услуг целиком определяется соглашениями и институтами. В широком смысле (если добавить экономическое время) экономическая рента – это выраженный в системе имущественных и неимущественных прав потенциал движения агента в экономическом пространстве, определяемый начальным и конечным положением агента и свойствами самого экономического пространства и оцениваемый через рентную функцию, превращенную в цену производства. Причину разной эффективности транзакций видим (согласаясь с [52, 54]) в эндогенном формировании институциональных механизмов. Таким образом, неоднородность пространства ведет к образованию не просто набора отдельных частей пространства, а к внутренней организации, эволюционирующей по собственным причинам. Превращение ренты в цену производства в ходе транзакции регулируется системой имущественных отношений и институционально установленным порядком хозяйствования, основанным также на балансе экстрактивных и инклюзивных институтов.

Экстрактивные политические институты концентрируют ресурс власти в центре принятия решений и не ограничивают его в том, как и на что эта власть может употребляться. В свою очередь, центр формирует межрегиональную торговлю и конструирует экстрактивные рыночные институты, которые позволяют ему откачивать экономическую ренту из периферии, ограничивая круг бенефициаров узким кругом субъектов. Инклюзивные (распределяющие власть по экономическим субъектам) институты будут неизбежно разрушать основу таких

экономических институтов. Примеры инклюзивных институтов: соглашение о разделе продукции, лицензия с особыми условиями.

Для объяснения механизма изъятия экономической ренты применим в ее отношении понятие дифференциальности и введем согласно [19] дифференциальную экономическую ренту первого и второго рода (D_{1ij} и D_{2ij}). В этом случае структура цены P представляется следующим образом:

$$P_{ij} = \alpha_{ij} p_{ij} D_{1ij} + \beta_{ij} p_{ij} D_{2ij}, \quad (1)$$

где p_{ij} – индексы отраслевых (j) и территориальных (i) цен, α_{ij} and β_{ij} – регулирующие параметры, зависящие от морфологических свойств экономического пространства. D_1 и D_2 отличаются по условиям образования и способу распределения и присвоения в соответствии с установленным порядком хозяйствования.

Согласно известной теореме Коуза [55], если структура и эволюция экономических институтов не ставится в зависимость от транзакционных издержек и если имущественные права четко определены и транзакционные издержки равны нулю, то аллокация ресурсов и благ будет оставаться неизменной и эффективной независимо от изменений в распределении прав собственности. В этом случае региональные факторы (запас природных ресурсов) могут и должны становиться ведущими рентообразующими факторами. Тогда рента D_1 связана с запасами природных ресурсов, естественными различиями экономического потенциала территорий и с сопряженным с ним инфраструктурным каркасом. Условия ее возникновения состоят в более высоком экономическом потенциале территории и соответствующей экономической ренте. При этом она возникает не столько от природных ресурсов, сколько от наличия имущественных прав. Она (за минусом издержек) переходит в руки реального собственника в соответствии с сформировавшимся портфелем имущественных прав и действием экстрактивных и инклюзивных институтов.

В то же время на превращение ренты в цену производства влияет и вторая ее часть D_2 , которая возникает при различной производительности добавочных вложений капитала (инвестиций) и транзакциях, способствующих увеличению экономической ренты. В качестве рентообразующих факторов рассматриваются уже не природные причины, а монопольная власть и иные институциональные и пространственно-связанные причины. Величина и структура цены есть результат институционально сложив-

шегося порядка хозяйствования и транзакционных издержек. В эти издержки включаются внепроизводственные затраты, связанные с обеспечением контрактов, поддержкой иковой силы претензий и другими факторами. Все это создает дополнительные издержки для фирм со слабой рыночной властью, а также для периферийных территорий со слабым административным ресурсом. В этом заключается механика изъятия ренты D_2 , которая в результате приводит к отсутствию инвестиционного капитала и снижению ликвидности секторов периферии, завязанных на природные ресурсы.

Деятельность экономических субъектов создает новый порядок за счет инициирования нововведений, обеспечивая их распространение при помощи рынков. Тем самым стимулируется процесс модернизации экономики в целом, поскольку «технологическая сопряженность входящих в технологическую совокупность производственных процессов обуславливает синхронизацию их развития» [56, с. 194]. Это обстоятельство, связанное с появлением базисных инноваций, поддерживает эволюционный характер развития мирового хозяйства. При этом непрерывное изменение технологий еще недостаточно для остановки природной деградации. Например, цифровизация экономики не только влияет на структуру рынка и правила торговли, но и усиливает экстрактивные институты.

Таким образом, институционально продвинутый стандарт (обеспеченный национальной правовой системой) становится дополнительным регулятором результативности транзакций. Цифровая экономика управляется по законам, отличным от законов традиционной рыночной экономики. Добавленная стоимость в ее условиях формируется преимущественно как результат использования интеллектуальных, а не традиционных факторов производства [57]. Целью цифровизации является унифицирование стандартов (как технологических, так и определяющих логистику транзакций). За счет данных обстоятельств, усиливающих рыночную власть, лицензиар забирает не только D_2 , но и становится бенефициаром немалой части D_1 (чему немало способствует цифровизация ресурсных секторов экономики).

С одной стороны, D_2 как бы предполагает интенсивное ведение хозяйства, дополнительное вложение капитала. Следствие этого – рост экономики, увеличение экономической ренты, прибыли, бюджета и в конечном счете – развитие «зеленой» экономики. С другой стороны, аффилированные структуры, обладающие монопольной рыночной властью, через действие

экстрактивных рыночных институтов изымают дополнительный прирост ренты. Так действует механизм изъятия и переноса финансовых средств из одних сегментов экономики в другие, и из одних территорий – в другие.

Поэтому в результате коллективных действий агентов пространственный порядок приобретает определенную форму, образует зоны с разной структурой и упорядоченностью взаимодействий. В зависимости от морфологии экономического пространства параметр α_{ij} положителен ($\alpha_{ij} \geq 0$), а β_{ij} может быть как больше нуля, так и меньше нуля – в зависимости от пространственно-временного измерения структуры отношений геосистем.

По причине возникновения негативности синергии экономического пространства ($\beta_{ij} \leq 0$) периферийные компании и территории оказываются в условиях дискриминации и вынуждены функционировать по навязанным извне форматам.

Подобная негативная синергия экономического пространства дает нам основание сформулировать действующий в рамках модели ЦПВ закон воспроизводства пространственного неравенства: баланс институтов, концентрация экономической деятельности, институциональные укорененности являются важнейшей причиной негативной синергии экономического пространства; они обуславливают декаплинг центра и периферии. Следствием этого является разрыв между величиной ренты, получаемой центром и периферией.

Также у периферии (и отраслей с низкой ликвидностью) наступает инвестиционный голод, объясняемый следующим образом. Уровень возврата инвестиций (рентабельность) ROI традиционно рассчитывается так:

$$ROI = R - (S^L + S^T) I^{-1}, \quad (2)$$

где R – текущие доходы, S – текущие расходы, I – объем инвестиций, необходимый для производства и реализации продукции, приобретения оборудования, формирования юридической защиты и обслуживания контрактной сети.

Индекс «L» означает производственные или трансформационные издержки, индекс «T» – транзакционные издержки, связанные с обеспечением контрактной системы и поддержанием исковой силы претензий. Учитывая, что при равных дистрибьюторских и технологических решениях $R_a = R_b$, $S_a^L = S_b^L$, транзакционные издержки агента, аффилированного с крупным бенефициаром (индекс «a»), меньше, чем тран-

закционные издержки (неаффилированных) резидентов (индекс «b») $S_a^T \ll S_b^T$, получаем разную рентабельность инвестиций: $ROI_a \gg ROI_b$.

Это, во-первых, дает лучшую эффективность инвестиций $I_a < I_b$ (при равном масштабе производства), и $I_a = I_b$ (при увеличении масштаба производства). Во-вторых, поскольку распределение текущих доходов в рамках модели ЦПВ идет по схеме (1), то в результате такой пространственной экстерналии возврат инвестиций (и соответствующая ликвидность активов) в аффилированной фирме больше, чем у неаффилированной, но при этом территория теряет больше, чем при менее эффективных инвестициях. То есть пространственные экстерналии снижают ликвидность неаффилированных резидентов и потенциал развития периферии, завязанной на добычу природных ресурсов. Следствие – деградация природы.

В итоге природопользование остается в состоянии инвестиционного голода и невозможности развития капиталоемкого производства. В таких условиях меры по развитию периферийных территорий, занимающихся деятельностью с низкой доходностью, в том числе и по противодействию деградации природы, обрекают эти территории на постоянное отставание в развитии и ставят под удар сначала пространственное развитие страны и вслед за этим ее продовольственную безопасность и в целом возможность устойчивого развития. Следствиями этого являются дискриминация основной массы экономических агентов, присвоение корпорациями основной массы капитала и деградация природы.

Заключение

На основе проведенного анализа сформулирован закон пространственного неравенства в части возможностей и перспектив развития территорий. Следствием закона является когнитивный диссонанс (в методологии в измерении экономического и природного капитала) и декаплинг (в практике взаимодействия между агломерациями и периферией). В соответствии с законом (в рамках действующей либертарианской экономической и пространственной стратегии развития страны) периферийные территории обречены на отставание в социально-экономическом и пространственном развитии от центра. Речь идет о территориях, где ведущую роль в их экономической жизни играют ресурсные сектора экономики и соответствующие длинные производственные циклы.

Действующее ценообразование не способствует рациональному использованию природ-

ных ресурсов, поскольку ориентирует исключительно на короткую ликвидность. В условиях такого подхода к оценке потенциала природных ресурсов не учитываются многие аспекты их использования и, напротив, устанавливается априори заданная демаркация между миром человека и миром природы (обусловленная фундаментальным эгоизмом капиталистического способа производства).

В целях устранения недостатков при ответственном решении необходимо не только критически отнестись к системе учета, но и, осознав ответственность не только за природу, но и за жизнь граждан, снижать негативную синергию экономического пространства. Поэтому для справедливого распределения экономической ренты необходимо стимулировать развитие инклюзивных институтов. Это возможно, только если будет поставлена цель – защита национальных (и региональных) интересов в контексте национальной безопасности. Для изменения ситуации нужны институциональные новации. Актуальность их внедрения в общественную практику обозначена современными поправками в Конституцию Российской Федерации. Таким образом, эксперты в рамках того или иного когнитивного процесса задают координаты, в которых директивными органами принимаются политические решения. В том числе нормативно задается формат общения человека с природными факторами производства.

Чтобы начинать двигаться в сторону реального разрешения противоречия между экономикой и природой, необходимо пересмотреть в рамках новой рациональности подход, когда в центре внимания находятся не производственные структуры, а воспроизводственные территориальные структуры социальных отношений (рассматриваемых в ключе геосистемы в контексте понимания коэволюции социальных систем и ландшафтов (экосистем)). Таким образом, говоря о возможности эффективного ответа на индустриальный вызов в контексте взаимодействия человека и природы, нужно говорить в первую очередь не столько о технологиях, сколько об институциональных новациях.

Исследования проведены при финансовой поддержке РФФИ (грант № 192905153).

ЛИТЕРАТУРА

1. Desai B.H., Sidhu B.K. Striving for Land-Soil Sustainability: Some Legal Reflections // International Yearbook of Soil Law and Policy / Eds. H. Ginzky et al., I. Heuser, T. Qin, O. Ruppel, P. Wegerdt. Cham: Springer, 2017. P. 37–45.
2. Proposal for a Directive of the European Parliament and of the Council Establishing a Framework for the Soil Protection of Soil and Amending // European Commission. Directive 2004/35/EC, COM, 231. 2006. URL: <http://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=celex:52006PC0232> (дата обращения: 20.02.2021).
3. Резолюция Генеральной Ассамблеи от 25.09.2015 г. «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года». URL: https://unctad.org/meetings/en/SessionalDocuments/ares70d1_ru.pdf (дата обращения: 20.02.2021).
4. Kuznets S. Economic Growth and Income Inequality // American Economics Review. 1955, N 45. P. 1–28.
5. Caviglia-Harris J. L., Chambers D., Kahn J. R. Taking the “U” Out of Kuznets: A Comprehensive Analysis of the EKC and Environmental Degradation // Ecological Economics. 2009. Vol. 68 (4). P. 1149–59.
6. Harbaugh W. T, Levinson A., Wilson D. M. Reexamining the Empirical Evidence for an Environmental Kuznets Curve // The Review of Economics and Statistics. 2002. Vol. 84 (3). P. 541–51.
7. Stern D. I. The Rise and Fall of the Environmental Kuznets Curve // World Development. 2004, N 32. P. 1419–1439.
8. Barbier E. B, Hacker S. D, Kennedy C., Koch E. W. and et al. The Value of Estuarine and Coastal Ecosystem Services // Ecological Monographs. 2011. Vol. 81 (2). P. 169–193.
9. De Fries R. S., Rudel T., Uriarte M., Hansen M. Deforestation Driven by Urban Population Growth and Agricultural Trade in the Twenty-first Century // Nature Geoscience. 2010, N 3. P. 178–181.
10. Costanza R., de Groot R., Sutton P., van der Ploeg S. and et al. Changes in the Global Value of Ecosystem Services // Global Environmental Change. 2014, N 26. P. 152–158.
11. De Groot R., Wilson M. A., Boumans R. M. J. A Typology for the Classification, Description and Valuation of Ecosystem Functions, Goods and Services // Ecological Economics. 2002, N 41. P. 393–408.
12. Decoupling Natural Resource use and Environmental Impacts from Economic Growth // UNEP. URL: <https://www.unep.org/resources/report/decoupling-natural-resource-use-and-environmental-impacts-economic-growth> (дата обращения: 09.10.2020).
13. Conrad E., Cassar L. F. Decoupling Economic Growth and Environmental Degradation: Reviewing Progress to Date in the Small Island State of Malta // Sustainability. 2014, N 6. P. 6729–6750.

14. World Development Report 2009: Reshaping Economic Geography // World Bank. 2009. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/5991> (дата обращения: 09.10.2020).
15. Rolling Back Russia's Spatial Disparities. Re-assembling the Soviet Jigsaw under a Market Economy // World Bank. 2018. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/bitstream/handle/10986/29866/126805-WP-WBrollingback-PUBLIC.pdf?sequence=1&isAllowed=y> (дата обращения: 09.10.2020).
16. Daly H. E. Beyond Growth: The Economics of Sustainable Development. Boston: Beacon Press, 1996.
17. Колесников Н. Г., Толстогузов О. В. Структурные изменения экономики Северо-Запада России: пространственный аспект // Балтийский регион. 2016. Т. 8. № 2. С. 30–47.
18. Коломак Е. А. Неравномерное пространственное развитие в России: объяснения новой экономической географии // Вопросы экономики. 2013. № 2. С. 132–150.
19. Толстогузов О. В. Пространственное неравенство регионов и дифференциальная экономическая рента // Фундаментальные исследования. 2018. № 10. С. 112–116.
20. Кузнецов С. В., Горин Е. А., Имзалиева М. Р. Социальный потенциал инновационной экономики: региональный аспект // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. 2020. № 2–3 (61–62). С. 24–32.
21. Ehlers K. Chances and Challenges in Using the Sustainable Development Goals as a New Instrument for Global Action Against Soil Degradation // International Yearbook of Soil Law and Policy / Eds. Ginzky H., Heuser I., Qin T., Ruppel O., Wegerdt P. Cham: Springer, 2016. P. 73–84.
22. Recommendations of the Conference of European Statisticians for Measuring Sustainable Development // United Nations. New York and Geneva: Organization for Economic Cooperation and Development and the Statistical Service of the European Union – Eurostat, 2014.
23. Hauck J., Görg C., Varjopuro R. and et al. Benefits and Limitations of the Ecosystem Services Concept in Environmental Policy and Decision Making: Some Stakeholder Perspectives // Environmental Science & Policy. 2013, N 25. P. 13–21.
24. Spangenberg J. H., Görg C., Truong D. T., Tekken V. and et al. Provision of Ecosystem Services is Determined by Human Agency, Not Ecosystem Functions. Four case studies // International Journal of Biodiversity Science, Ecosystem Services & Management. 2014, N 1. P. 40–53.
25. Hassink R., Isaksen A., Trippel M. Towards a Comprehensive Understanding of New Regional Industrial Path Developmen // Regional Studies. 2019. Vol. 53 (11). P. 1636–1645.
26. Dopfer K., Foster J., Potts J. Micro–meso–macro // Journal of Evolutionary Economics. 2004. Vol. 14 (3). P. 263–279.
27. Dopfer K. The Origins of Meso Economics. Schumpeter's Legacy and Beyond // Journal of Evolutionary Economics. 2012. Vol. 22 (1). P. 133–160.
28. Menard C. Meso-institutions: the Variety of Regulatory Arrangements in the Water Sector // Utilities Policy. 2017, N 49. P. 6–19.
29. Indicators to Measure Decoupling of Environmental Pressure from Economic Growth // OECD. URL: [http://www.oecd.org/officialdocuments/publicdisplaydocumentpdf/?cote=sg/sd\(2002\)1/final&doclanguage=en](http://www.oecd.org/officialdocuments/publicdisplaydocumentpdf/?cote=sg/sd(2002)1/final&doclanguage=en) (дата обращения: 09.10.2020).
30. Stiglitz J., Sen A., Fitoussi J. P. Report by the Commission on the Measurement of Economic Performance and Social Progress. 2009. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/documents/8131721/8131772/Stiglitz-Sen-Fitoussi-Commission-report.pdf> (дата обращения: 09.10.2020).
31. Quillérou E., Thomas R. Costs of Land Degradation and Benefits of Land Restoration: a Review of Valuation Methods and Suggested Frameworks for Inclusion into Policy-making // CAB Review. 2012, N 7 (060). P. 1–12.
32. Perman R., Ma Y., McGilvray J., Common M. Natural Resource and Environmental Economics. Harlow: Pearson Education, 2003.
33. Tietenberg N. H., Lewis L. Environmental and Natural Resource Economics. New York: Pearson Education, 2018.
34. Plottu E., Plottu B. The Concept of Total Economic Value of Environment: A Reconsideration within a Hierarchical Rationality // Ecological Economics. 2007. Vol. 61 (1). P. 52–61.
35. Von Braun J., Gerber N., Mirzabaev A., Nkonya E. The Economics of Land Degradation // SSRN Electronic Journal. 2013.
36. Nkonya E., Mirzabaev A., von Braun J. (eds) Economic of Land Degradation and Improvement – A Global Assessment for Sustainable Development. Cham: Springer, 2016.
37. Remoundou K., Koundouri P., Kontogianni A. and et al. Valuation of Natural Marine Ecosystems: an Economic Perspective // Environmental Science and Policy. 2009. Vol. 12(7). P. 1040–51.
38. Vu Q. M., Le Q. B., Frossard E., Vlek P. L. G. Socio-economic and Biophysical Determinants of Land Degradation in Vietnam: An Integrated Causal Analysis at the National Level // Land Use Policy. 2014, N 36. P. 605–617.
39. Bouma J., Montanarella L. Facing Policy Challenges with Inter- and Transdisciplinary Soil Research

- Focused on the UN Sustainable Development Goals // *Soil*. 2016, N 2. P. 135–145.
40. **Keesstra S. D., Bouma J., Wallinga J., Tittonell P. and et al.** The Significance of Soils and Soil Science Towards Realization of the United Nations Sustainable Development Goals // *Soil*. 2016, N 2. P. 111–128.
41. **Paustian K., Lehmann J., Ogle S., Reay D. and et al.** Climate-smart soils // *Nature*. 2016, N 532. P. 49–57.
42. **Vogel H.-J., Bartke S., Daedlow K., Helming K. and et al.** Sustainable Soil Management // *Soil*. 2018, N 4. P. 83–92.
43. **Costanza R., de Groot R., Sutton P., van der Ploeg S. and et al.** Changes in the Global Value of Ecosystem Services // *Global Environmental Change*. 2014, N 26. P. 152–158.
44. **Robinson D., Fraser I., Dominati E., Davíðsdóttir B. and et al.** On the Value of Soil Resources in the Context of Natural Capital and Ecosystem Service Delivery // *Soil Science Society of America Journal*. 2014, N 78. P. 685–700.
45. **Chan K. M. A., Satterfield T., Goldstein J.** Rethinking Ecosystem Services to Better Address and Navigate Cultural Values // *Ecological Economics*. 2012, N 74. P. 8–18.
46. **Setten G., Stenseke M., Moen J.** Ecosystem Services and Landscape Management: Three Challenges and One Plea // *International Journal Biodiversity Science, Ecosystem Service & Management*. 2012, N 8. P. 305–312.
47. **Кирдина С. Г.** Методологический институционализм как новый принцип анализа сложных социальных систем на мезоуровне // *TERRA ECONOMICUS*. 2016. Т. 14. № 1. С. 98–108.
48. **Кирдина-Чэндлер С. Г., Маевский В. И.** Методологические вопросы анализа мезоуровня в экономике // *Журнал институциональных исследований*. 2017. № 9 (3). С. 6–23.
49. **Шаститко А. Е.** Мезоинституты: умножение сущностей или развитие программы экономических исследований? // *Вопросы экономики*. 2019. № 5. С. 5–25.
50. **Артур У. Б.** Теория сложности в экономической науке: иные основы экономического мышления // *TERRA ECONOMICUS*. 2015. Т. 13. № 2. С. 15–37.
51. **Кирдина-Чэндлер С. Г., Маевский В. И.** Эволюция гетеродоксальной мезоэкономики // *TERRA ECONOMICUS*. 2020. Т. 18. № 3. С. 30–52.
52. **Elsner W.** Why Meso? On «Aggregation» and «Emergence», and Why and How the Meso Level is Essential in Social Economics // *Forum for Social Economics*. 2007. Vol. 36 (1). P. 1–16.
53. **Сочава Б. В.** Введение в учение о геосистемах. Новосибирск: Наука, 1978. 319 с.
54. **Cerina F., Mureddu F.** Agglomeration and Growth with Endogenous Expenditure Shares // *Journal of Regional Science*. 2012. Vol. 52, N 2. P. 324–360.
55. **Elsner W.** The Process and a Simple Logic of ‘Meso’. Emergence and the Coevolution of Institutions and Group Size // *Journal of Evolutionary Economics*. 2010. Vol. 20 (3). P. 445–477.
56. **Коуз Р.** Фирма, рынок и право. М.: Новое издательство, 2007.
57. **Глазьев С.** Экономика будущего. Есть ли у России шанс? М.: Книжный мир, 2018. 640 с.
58. **Окрепилов В. В., Гагулина Н. Л.** Эффективность экономики регионов России в условиях цифровизации // *Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития*. 2020. № 2–3 (61–62). С. 14–23.

УДК 338.242.2

DOI: 10.31799/2411-4588-2021-1-69-74

Галина Юрьевна Пешкова*

доктор экономических наук, доцент

Анна Юрьевна Самарина*

аспирант

*Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения

Санкт-Петербург, Россия

ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ ТЕХНОЛОГИЙ BUSINESS INTELLIGENCE (BI) В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ

Аннотация. Статья посвящена определению перспектив использования систем Business Intelligence в системе управления и их влиянию на эффективность принимаемых решений. Рассматриваются такие понятия, как информационные технологии, менеджмент, Business Intelligence, вендоры, дашборды, бизнес-аналитика. Цифровая трансформация проявляется во всех сферах деятельности общества. Происходит активное освоение информационных технологий менеджментом – одним из ключевых элементов ведения бизнеса. Руководители разных уровней рассматривают данные и процессы их поиска, обработки, хранения, анализа и использования как один из самых важных аспектов управленческой деятельности. Государственное управление также осваивает и использует новые информационные технологии, в том числе системы Business Intelligence. Санкт-Петербург является одним из лидеров в данной области. Северная столица в этом отношении может служить примером для других регионов Северо-Западного региона и России в целом.

Ключевые слова: цифровизация, информационные технологии, Business Intelligence (BI-системы), аналитика, данные, информационно-аналитическая система, управление.

Galina Yu. Peshkova*

Grand PhD in Economic Sciences, Associate Professor

Anna Yu. Samarina*

PhD Student

*St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation

St. Petersburg, Russia

PROSPECTS OF BUSINESS INTELLIGENCE TECHNOLOGIES USE IN SAINT-PETERSBURG

Abstract. The present article concentrates on revealing prospects of Business Intelligence systems use for efficient management. Terms studied include information technologies, management, Business Intelligence, vendor, dashboard, business analytics. Digital transformation influences all the spheres and management is no exception. Data and related processes are considered to be one of the most significant aspects of doing business. Public administration is also exploring prospects of information technologies in general and Business Intelligence systems in particular. Saint-Petersburg is one of the pioneers regarding this and can serve as a fine example for the rest Northwest Region and Russia on the whole.

Keywords: digitalization, information technologies, Business Intelligence systems, analytics, data, information and analytical system, management.

Глоссарий

Естественный язык – язык, используемый для общения людей (в отличие от формальных языков и других типов знаковых систем, также называемых языками в семиотике) и не созданный целенаправленно (в отличие от искусственных языков).

ETL (от англ. Extract, Transform, Load – «извлечение, преобразование, загрузка») – один из основных процессов в управлении хранилищами данных, который включает в себя извлечение данных из внешних источников, их трансформацию и очистку (чтобы они соответствовали потребностям бизнес-модели), а также их загрузку в хранилище данных.

Вендор – физическое или юридическое лицо, которое производит и (или) поставляет товары под собственным брендом.

Дашборд – инструмент визуализации и анализа данных, использующий инфографику.

Фрэймворк – каркас приложения, который состоит из набора библиотек.

Виджет – элемент графического интерфейса пользователя, имеющий стандартный внешний вид и выполняющий стандартные действия.

Введение

Современное управление различными структурами, будь то предприятие или государство, обязательно включает в себя обработку больших массивов данных. Согласно прогнозам International Data Corporation, уже в 2022 г. объем этого рынка достигнет значения 13,6 млрд долл. Работа с данными все чаще подразумевает использование искусственного интеллекта (ИИ), средств обработки естественного языка и устной речи.

В июле 2020 г. Президент Российской Федерации В. В. Путин утвердил указ, обозначающий национальные цели до 2030 г., в котором впервые одним из приоритетов было достижение цифровой зрелости в социальной сфере и ключевых отраслях экономики.

Данная проблема является актуальной как для всего мира, так и для России. По данным Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 70% примеров цифровой трансформации являются неудачными. Основными причинами такого положения служат низкая культура организации процессов (62%) и отсутствие продуманных целей (38%).

Рассмотрим такую важную сферу, как здравоохранение, которая может служить положительным примером внедрения информационных технологий. С 2018 г. российские власти активно финансируют реновацию инфраструктуры, обучение персонала и развитие информационных систем медицинских учреждений. По сведениям на апрель 2021 г., функционирует 44 новых электронных сервиса, которыми воспользовались 3 млн человек в 2020 г. и более чем 1 млн – в 2021 г. Важно отметить, что конечной целью цифровизации является не дистанцирование врача от пациента, как может показаться обывателю, а, напротив, их сближение, облегчение взаимодействия за счет исключения из цепочки излишних рутинных процессов.

Транспортная отрасль также активно осваивает цифровые технологии. В частности, большинство прогнозов на 5–10 лет относительно

развития Санкт-Петербурга содержат описание беспилотного транспорта (прежде всего в сфере грузоперевозок, морской логистики и коммунального хозяйства), а также попыток решения экологических проблем (к примеру, использование альтернативных видов топлива). Кроме того, продолжится широкое распространение системы онлайн-платежей и биометрии. Наконец, создание единого мультимедийного пространства для всех перевозчиков типа MaaS (от англ. Mobility-as-a-Service – «мобильность как услуга») позволит упорядочить транспортные процессы и окажет положительное воздействие на транспортную психологию населения [1].

Информацию часто называют «второй нефтью», имея в виду, что это особый вид имущества, грамотное управление и распоряжение которым является залогом успеха в современном мире. Упорядоченность, правильное хранение, использование, реализация и обезличивание данных свидетельствуют о высоком уровне цифровой зрелости субъекта экономических отношений.

Технологии Business Intelligence как инструмент работы с данными

Business Intelligence, или BI-системы, – набор инструментов и технологий для сбора, анализа и обработки информации. Примерами могут служить составление единой статистики продаж на основе данных нескольких каналов приема заявок или сопоставление эффективности нескольких площадок рекламного агентства.

С помощью BI-систем исходные данные, поступающие из разных источников, преобразуются в удобную для восприятия и анализа информацию. Такие системы (Microsoft Power BI, Tableau, Qlik) могут применяться в любой отрасли экономики и в любой сфере деятельности, причем как на уровне компании, так и на уровне подразделений или даже конкретных продуктов.

В общем случае принцип действия BI-системы выглядит несложно: к системе подключают источники данных, информация направляется в единое хранилище и обрабатывается, а затем демонстрируется в виде отчетов. Источниками данных при этом могут быть самые разные системы: облачные (Oracle Cloud, Google BigQuery, Microsoft Azure и другие веб-подключения), файловые (Excel, XML, PDF и иные табличные файлы) и реляционные (SQL Server, MySQL, Oracle).

BI-системы, простые в использовании, на самом деле представляют собой сложные процессы

обработки данных и формирования расширенной аналитики. Как правило, BI-решения включают в себя:

- инструменты интеграции и очистки данных (ETL), извлекающие информацию из внешних систем-источников, трансформирующие ее, очищающие и загружающие в единое хранилище;

- аналитическое хранилище данных (информационную базу, структурирующую и анализирующую данные);

- средства Data Mining – инструменты для обработки и анализа данных, позволяющие выявить тренды с использованием различных методов (статистических, прогнозирования, семантического анализа);

- инструменты визуализации данных (отчеты для пользователей, выстраиваемые по определенному формату или аналитические: при их создании пользователи самостоятельно устанавливают перечень отображаемых показателей, сортируют данные и выстраивают фильтры).

BI-системы служат для поддержки принятия как операционных, так и стратегических решений. Применяемые технологии позволяют анализировать значительные объемы информации, так называемые «большие данные» (Big Data), что способствует повышению производительности труда. При этом отметим, что внимание пользователя сосредоточивается лишь на ключевых факторах аналитики, дающих возможность смоделировать варианты последующих действий.

Далее перечислены основные задачи, решаемые посредством BI-систем:

- получение информации из разнородных источников, ее структурирование и хранение в единой системе;

- формирование и подтверждение или опровержение гипотез с помощью анализа больших данных;

- моделирование возможных решений и последующая оценка их влияния на итоговые показатели деятельности;

- составление оперативной и стратегической, текущей и итоговой отчетности, в том числе выявление случаев отклонения показателей от установленных норм;

- хранение и систематизация информации с целью последующей ее передачи новым сотрудникам, что крайне важно для стабильного роста качества производимой работы.

Вкратце концепцию технологии Business Intelligence можно сформулировать так: предоставление бизнесу возможности принимать обо-

снованные решения на основе результатов комплексной аналитики [2].

Цифровая эпоха диктует бизнесу свои условия: успех невозможен без комплексного внедрения современных средств аналитики. Они, в свою очередь, используют многие достижения сферы информационных технологий, среди которых выделяются искусственный интеллект, машинное обучение и работа с естественным языком.

Участники этого рынка и аналитики проводят множество исследований. Например, компания Tibco Software в 2019 г. провела опрос более 600 топ-менеджеров. Основной темой стали инвестиции в средства BI. Среди наиболее значимых итогов опроса отметим отсутствие явных предпочтений в выборе направлений для инвестирования. Самыми популярными ответами стали персонализация клиентского обслуживания, аналитика реального времени и поддержка принятия решений, визуализация данных и информационные панели, оптимизация ценообразования и мерчендайзинга, контроль производительности маркетинговых кампаний, оптимизация управления запасами и рационализация кадрового управления. Каждое из этих направлений получило от 7,8% до 5,2% голосов опрошенных.

Примечательно, что средства BI и аналитики активно применяются инновационными компаниями (около 20% респондентов уже используют облачные сервисы, средства аналитики и BI). А на вопрос о планируемых в ближайшие годы к внедрению технологиях ответы распределились следующим образом: интернет вещей – 16%, искусственный интеллект и машинное обучение – 11%, системы с открытым кодом – 8%, блокчейн – 6% [3].

BI-системы предоставляют пользователям ряд преимуществ, среди которых можно выделить следующие:

- возможность анализа больших объемов данных (измеряемых терабайтами) в реальном времени;

- реализация поиска на естественном языке;

- получение пользователями ответов на вопросы с любой (из разумных) степенью детализации [4].

В настоящее время наблюдается значительный рост спроса на BI-системы. Это обусловлено активной цифровизацией, ростом объема данных и необходимостью их оперативно и качественно обрабатывать [5].

Что касается использования BI-систем в России, то в нашей стране соответствующий сегмент рынка IT-решений почти не развит, счита-

ет Андрей Смеречук (OCS Distribution). России только предстоит освоение BI-систем [6].

Можно выделить следующие тенденции современного этапа развития информационных технологий в России:

- заказчики создают и развивают собственные центры компетенций вместо покупки готового решения;

- задачи становятся кросс-функциональными, а решения – более комплексными;

- одним из важных трендов становится предсказательная аналитика;

- учащаются случаи объединения нескольких вендоров для создания одного продукта (к примеру, построение хранилища и аналитических моделей на базе Microsoft Azure и использование дополнительных инструментов ad-hoc-анализа на базе Tableau);

- важной задачей становится обеспечение совместимости нескольких российских IT-продуктов [6];

- распространение удаленной занятости повлияло на популярность применения BI-инструментов на мобильных устройствах;

- все большее количество пользователей предпочитают арендовать платформы для решения конкретных задач, а не приобретать лицензию;

- бизнес-процессы, в том числе в производственном секторе, претерпевают кардинальные изменения (активно используются искусственный интеллект, машинное обучение и интернет вещей);

- все чаще используются так называемые гибкие методологии, чтобы по ходу выполнения проекта его можно было адаптировать к изменяющимся условиям [4].

Цели национального развития, одной из которых является достижение цифровой зрелости, необходимо адаптировать для Санкт-Петербурга с учетом особенностей города. Об этом, в частности, заявил вице-губернатор Санкт-Петербурга Станислав Казарин на одной из масштабных стратегических сессий по вопросам цифровой трансформации. В настоящее время в Северной столице многие отрасли находятся на переходном этапе: развиваются электронные сервисы, применяются новые технологии, но эти процессы не проходят гладко.

Использование BI-систем в Санкт-Петербурге

Одним из самых впечатляющих примеров успешного использования информационных технологий в Санкт-Петербурге можно считать вне-

дрение информационно-аналитической платформы (BI-системы) – интегрированной системы информационно-аналитического обеспечения (ИС ИАО). Эта система была разработана в 2002 г. по инициативе губернатора Санкт-Петербурга и используется органами исполнительной власти по сегодняшний день. Разработчик ИС ИАО, Санкт-Петербургский информационно-аналитический центр, непрерывно расширяет спектр инструментов для обеспечения эффективной работы всех сфер жизни современного города, которым является Санкт-Петербург.

2019 г. ознаменовал новый этап развития информационно-аналитической платформы Санкт-Петербурга – в этом году в систему была внедрена Цифровая панель управления городом (ЦПУ), с помощью которой основная информация о городе подается губернатору и руководителям комитетов в визуально удобной форме. Входные данные аккумулируются в режиме реального времени, и эта информация включает в себя сведения о выполнении национальных и региональных проектов, анализ состояния и прогноз динамики различных сфер жизнедеятельности города и его районов, а также показатели хода предвыборной кампании (в период выборов).

Значимым достоинством ЦПУ можно считать наличие конструктора информационных панелей, дающего возможность оперативно готовить дашборды (к примеру, для предстоящего совещания). Сведения представляются в виде набора фреймворков с отображением информации из внешних информационных систем или интерактивных виджетов с текстом, изображениями, графиками, картами, видеоматериалами, презентациями и лентами событий. С 2020 г. в рассматриваемой системе применяются нейросети и другие методы машинного обучения с целью выявления неочевидных закономерностей и в конечном счете сведения количества и значимости совершаемых ошибок к минимуму и, напротив, максимизации эффективности принимаемых решений [7].

Функционал информационной системы довольно разнообразен. Выделим лишь самые основные задачи, решаемые с ее помощью:

- сбор и хранение информации, описывающей различные сферы социально-экономического развития города;

- обеспечение исполнительных органов государственной власти статистическими данными в режиме удаленного доступа в любое время;

- мониторинг и анализ основных социально-экономических процессов развития города (в том числе в муниципальном разрезе);

- анализ социально-экономического развития Санкт-Петербурга и сравнение его показателей с другими субъектами Российской Федерации;

- прогнозирование социально-экономического развития города для решения задач стратегического планирования;

- исследование тенденций в общественном мнении населения (в том числе в отдельных районах);

- автоматизированный расчет показателей эффективности деятельности исполнительных органов государственной власти регионального и муниципального масштабов;

- поддержка управленческих решений членов Правительства Санкт-Петербурга и руководителей исполнительных органов власти с помощью обеспечения их информационно-аналитическими материалами, включая оценку возможных последствий принятия решений [8].

Цифровая трансформация обеспечивает многозадачность подобных информационных систем: это не только хранилище данных (например, о регионе и других субъектах Российской Федерации) с элементами интерактивной визуализации, но и платформа для комплексного анализа и прогнозирования, обработки результатов социологических опросов и мониторинга социальных сетей. Так, в Петербурге составляется ежегодный прогноз численности населения на 20 лет (в каждом районе и в городе в целом). Эти значения дают возможность оценить ожидаемую численность различных групп населения (детей, трудоспособных горожан, пенсионеров), что в свою очередь позволяет спланировать бюджет и разработать план будущего размещения объектов соответствующей инфраструктуры (детских садов, школ, поликлиник и т. д.).

Цепочка взаимосвязанных задач, аналогичная описанной, может быть применима практически к любой сфере жизни города. Прогнозы на кратко- и среднесрочную перспективу составляются применительно к таким разным областям, как уровень жизни населения, потребительский рынок, уровень цен на жизненно важные продукты, состояние рынка труда, уровень преступности и др. Важно, что для определения надежности прогнозов производится регулярная сверка с фактическими данными, и погрешность моделей ИС ИАО обычно не превышает 5% [7].

Заключение

Несомненно, данные априори имеют ценность, однако гораздо важнее их грамотное применение, позволяющее увеличить прибыль

и (или) снизить издержки. В настоящее время цифровизация, ускоренная пандемией коронавируса, проявляется, в частности, в том, что компании в различных сферах деятельности определили реализацию стратегии цифровой трансформации как одну из своих главных целей.

Отметим, что крайне динамично развивается такое направление информационных технологий, как анализ данных. Этот процесс, однако, требует масштабных инвестиций, и ИТ-системы не исключение. Мотивирующим фактором является то, что, согласно большинству прогнозов, отдачу от этих вложений можно будет увидеть в обозримом будущем.

С одной стороны, в текущий момент времени сложно построить точный прогноз относительно того, как будут выглядеть здравоохранение, транспорт и остальные отрасли экономики через десять лет. С другой стороны, неоспоримо то, что именно сегодня закладывается база завтрашнего прогресса. Это подводит нас к важной мысли: цифровизация – не цель, а средство, инструмент, позволяющий сделать мощный рывок вперед в развитии всех сфер жизни, в том числе за счет повышения эффективности процессов управления.

ИТ-системы становятся обязательным инструментом в арсенале крупных компаний практически любой отрасли экономики. Они превращают накопленные сведения в полезную для принятия эффективных управленческих решений информацию и, соответственно, позволяют качественно измерять показатели, точно и оперативно влиять на их значения и в итоге достигать желаемых целей [7].

На примере Санкт-Петербурга очевидно, что ИТ-система (а именно ей, по сути, является петербургская ИС ИАО) выступает не только в качестве аналитического центра и инструмента поддержки принятия решений, но и как средство бизнес-анализа. Применение такой системы способствует совершенствованию процессов планирования, прогнозирования, бюджетирования, а также ускоряет получение необходимой для принятия эффективных решений информации.

На основе изучения опыта Санкт-Петербурга можно сформулировать некоторые принципы и рекомендации по использованию ИТ-систем:

- необходимо определиться с областью применения инновационных технологий, чтобы она оказалась полезной в конкретном случае;

- важно, чтобы использование систем поддерживалось руководством компании или структуры государственного и (или) муниципального управления;

– к выбору инструментов следует подходить ответственно и внедрять лишь нужные;

– необходимо подготовить платформу, обеспечивающую обзор всего горизонта используемых данных;

– важно обеспечить качественное взаимодействие отдельных групп технических специалистов.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Евграфова Т.** Данные – вторая нефть: как достичь цифровой зрелости // Деловой Петербург. 2021. № 62.
2. **Азаренко Н.** Business Intelligence: что такое BI-система и зачем она нужна бизнесу. URL: <https://www.unisender.com/ru/support/about/glossary/business-intelligence/> (дата обращения: 01.05.2021).
3. **Тырленко А.** Аналитика и BI в 2020: тенденции, которые нельзя игнорировать. URL: https://www.cnews.ru/reviews/analitika_30_2019/articles/analitika_i_bi_v_2020m_tendentsiikotorye (дата обращения: 02.05.2021).
4. **Курышев Е.** Перспективы рынка BI-решений в России (III часть) / Тренды на рынке ИТ. URL: <https://www.it-world.ru/it-news/reviews/168060.html> (дата обращения: 05.05.2021).
5. **Курышев Е.** Перспективы рынка BI-решений в России (I часть) / Тренды на рынке ИТ. URL: <https://www.it-world.ru/it-news/reviews/156762.html> (дата обращения: 05.05.2021).
6. **Курышев Е.** Перспективы рынка BI-решений в России (II часть) / Тренды на рынке ИТ. URL: <https://www.it-world.ru/it-news/reviews/157579.html> (дата обращения: 05.05.2021).
7. **Евграфова Т.** Город в цифрах: без чего невозможно эффективное управление? / Деловой Петербург. 2021. № 58.
8. Интегрированная система информационно-аналитического обеспечения. URL: https://iac.spb.ru/proekty-i-sistemy/detail.php?ELEMENT_ID=101 (дата обращения: 10.05.2021).

УДК 001.3

DOI: 10.31799/2411-4588-2021-1-75-80

Александра Михайловна Воротынская*

кандидат экономических наук, доцент

Екатерина Андреевна Поздеева*

кандидат экономических наук, доцент

*Санкт-Петербургский государственный экономический университет

Санкт-Петербург, Россия

УПРАВЛЕНИЕ НАУЧНЫМ ПОТЕНЦИАЛОМ В СОВРЕМЕННОЙ ЭКОНОМИКЕ ЗНАНИЙ

Аннотация. Управление научным потенциалом является одной из составных частей экономики знаний на уровне предприятий, регионов и национальной экономики. В настоящее время существует проблема оценки качества научных материалов, вызванная в том числе низкой практико-ориентированностью многих исследований. С целью повышения качества научных знаний предлагается внедрить проектный подход, реализуемый в рамках триады «наука – государство – бизнес». В статье приводятся детерминанты проектного подхода в управлении научным потенциалом. Данный подход основывается на том, что инновационно ориентированные компании выступают заказчиками для исследовательской деятельности, выполняемой университетами и институтами.

Ключевые слова: научный потенциал, экономика знаний, проектный подход, наукометрические показатели, библиометрия, инновации.

Aleksandra M. Vorotynskaya*

PhD in Economic Sciences, Associate Professor

Ekaterina A. Pozdeeva*

PhD in Economic Sciences, Associate Professor

*St. Petersburg State University of Economics

St. Petersburg, Russia

MANAGING SCIENTIFIC POTENTIAL IN THE MODERN KNOWLEDGE ECONOMY

Abstract. The management of scientific potential is one of the components of the knowledge economy at the level of enterprises, regions and the national economy. Currently, there is a problem of assessing the quality of scientific materials, caused, among other things, by the low practice-oriented nature of many studies. In order to improve the quality of scientific knowledge, it is proposed to introduce a project approach implemented within the framework of the triad «science-state-business». The article presents the determinants of the project approach in the management of scientific potential. This approach is based on the fact that innovation-oriented companies act as customers for research activities carried out by universities and institutes.

Keywords: scientific potential, knowledge economy, project approach, scientometric indicators, bibliometry, innovations.

В современном мире все более актуализируется такое направление, как экономика знаний, в рамках которого теории и практики рассматривают инновационную деятельность как основу экономического развития на микроуровне (уровне предприятия), на мезоуровне (уровне региона) и на макроуровне (уровне государства). В свою очередь инновационная деятельность подразумевает управление научным потенциалом, осуществляемое в различных формах. Инновационно ориентированные компании, функционирование которых бази-

руется на научных разработках, имеют более высокую конкурентоспособность в длительной перспективе. На региональном уровне наличие влиятельных научно-исследовательских организаций различного профиля дает возможность привлекать и удерживать высококвалифицированные кадры и привлекать инвестиции. На федеральном уровне развитая наука позволяет стране достигать выигрышных позиций в рамках мировой экономики в создании глобальных цепочек добавленной стоимости (ГЦДС).

С одной стороны, можно говорить о научном потенциале компаний, когда исследовательская деятельность ложится в основу разработки новых товаров и услуг или модернизации уже имеющих, исходя из запросов рынка. В этой плоскости наука подчиняется рыночным механизмам, когда эффективность научной деятельности оценивается, прежде всего, с точки зрения роста конкурентоспособности фирмы. Управление научным потенциалом в этой ситуации соотносится с бизнес-стратегией, главной целью которой является максимизация прибыли в интересах собственников компании.

С другой стороны, научный потенциал присутствует образовательным и научным организациям. В этом случае управление научным потенциалом не может базироваться лишь на коммерциализации результатов, достигнутых исследователями, а оценивается другими критериями. Эти критерии особенно сложны при рассмотрении не прикладных, а фундаментальных исследований, результаты которых могут иметь ценность для будущих поколений.

Существуют и различные смешанные варианты управления потенциалом. Например, ученые, занимающиеся исследованиями в рамках корпорации, могут обнародовать свои результаты, тем самым внося вклад в науку в целом. В той же мере и университетская и академическая наука не отрицает возможность коммерческого применения полученных результатов.

Управление научным потенциалом следует рассматривать с точки зрения управления знаниями, которое включает в себя три задачи [1]:

– приобретение знаний – необходимость использовать накопленные человечеством глобальные знания в стратегическом развитии организации и решении текущих задач, а также генерировать новые знания, в том числе в процессе выполнения НИОКР;

– усвоение знаний – необходимость создавать возможности проходить обучение с использованием всех возможных форм, начиная с формализованного обучения в образовательных организациях, заканчивая самообучением;

– передача знаний – необходимость осуществлять диффузию знаний с использованием информационно-коммуникационных технологий.

Д. А. Калмыкова и Н. В. Соколова, придерживаясь более сложной структуризации управления научным потенциалом, рассматривают жизненный цикл знаний, состоящий из следующих стадий [2]:

1. Поиск и идентификация.
2. Присвоение и приобретение.
3. Создание и генерация.

4. Адаптация.
5. Кодификация и структурирование.
6. Фильтрация.
7. Интеграция и расширение.
8. Распространение.
9. Распределение и защита.
10. Поддержка доступа.
11. Оценка и аудит.
12. Применение.
13. Капитализация.
14. Хранение.
15. Утилизация.

В рамках данной работы рассматривается проблема приобретения знаний (создания и генерации), в рамках которой анализируется необходимость управления научным потенциалом.

Проблематика управления научным потенциалом напрямую связана с оценкой вклада исследователей, который может быть оценен различным образом. Существует отдельная научная дисциплина – наукометрия, изучающая способы оценки труда ученых. Наибольшее распространение имеют библиометрические показатели, основанные на оценке числа публикаций, сделанных автором, индексе Хирша и т. д. Взяв за основу данные показатели, можно построить рейтинги, в рамках которых проводится ранжирование научных работников. Несмотря на широкое распространение библиометрических показателей, существуют и известные сложности. Во-первых, научный результат имеет множество граней, которые часто трудно оценить количественно. Несложно привести примеры великих ученых прошлого, количество публикаций которых невелико. Во-вторых, существует возможность для злоупотреблений, когда автор может повышать различными способами свои показатели.

Существуют различные системы рейтингов, которые позволяют приблизиться к решению описанных выше проблем, в частности, метод порогового агрегирования, разработанный Ф. Т. Алескеровым, Е. С. Катаевой, В. В. Писляковым, В. И. Якубой [3]. Как отмечается в статье «Оценка вклада научных работников методом порогового агрегирования», написанной указанными авторами, «основной характеристикой предложенной процедуры является ее некомпенсационный характер, который заключается в невозможности компенсации низкого значения одного из используемых критериев высокими значениями по другим критериям. Благодаря указанному свойству сокращается возможность искусственного улучшения научным работником своего места в рейтинге путем

увеличения одного из используемых в ранжировании индексов [3]».

Данные тезисы видятся значимыми с точки зрения управления научным потенциалом в рамках современной экономики знаний, поскольку экономика знаний характеризуется накоплением как нужной, так и ненужной информации. Видится актуальной задача выявления качественной информации среди некачественной, которая количественно преобладает над качественной. Оценка научного потенциала того или иного автора, выполненная на высоком уровне, позволит выявить тех научных сотрудников, чей научный потенциал выше, чем у других, при этом не допустить манипуляций, нацеленных на искусственное, необоснованное завышение рейтинга. Соответственно, научные результаты автора с адекватно рассчитанным рейтингом заслуживают большего внимания, нежели труды тех исследователей, которые не попали на вершину рейтинга.

Ф. Т. Алескеровым, Е. С. Катаевой, В. В. Писляковым, В. И. Якубой предлагается использовать следующие наукометрические показатели [3]:

1. Общее число статей и общее число ссылок.
2. Индекс Хирша.
3. Показатель значимости публикаций.
4. Индекс качества опубликованных работ.
5. Функция учета ссылок.

Данная система показателей качества научных публикаций является не единственной из предложенных иностранными и российскими учеными, однако выделяется наличием математических формул, которые могут быть практически применены. Но у данного набора показателей, как и у наукометрии в целом, существует серьезный изъян, который заключается в невозможности оценить степень апробации практического результата, полученного автором публикации, и значимость его для инновационной экономики. Проблема оценки апробации и практического результата крайне сложна, однако двигаться по этому направлению необходимо. Реализация такой оценки может быть осуществлена в ходе проектной организации научно-исследовательской деятельности, которая будет рассмотрена далее.

В рамках развития экономики знаний на уровне национальной экономики видится необходимым создание модели, которая могла бы объединять усилия различных субъектов, в приобретении, усвоении и передаче знаний. Как уже было отмечено ранее, управлением научным потенциалом занимаются университеты и научные институты, а также компании, при-

чем эта деятельность в России в большинстве случаев слабо синхронизирована. Наука внутри корпораций имеет недостаточный «выход» в публичное пространство, поскольку бизнес-структуры часто заинтересованы в сохранении коммерческой тайны и не стремятся делиться результатами НИОКР, реализация которых создала новые товары. Однако даже те результаты научной деятельности, которые не имеют ценности с точки зрения деловых интересов, зачастую не обнаружатся, поскольку отсутствует инфраструктура, которая вовлекала бы бизнес-субъекты в формирование научного потенциала на региональном и федеральном уровне.

В свою очередь научные и образовательные организации, в которых накоплен более значительный научный потенциал, не имеют возможности взаимодействовать с компаниями, в результате чего фундаментальные и прикладные исследования не доходят до стадии практической реализации, поскольку возможностей для внедрения результатов исследований у институтов и университетов обычно нет.

Обе рассматриваемые ситуации обуславливают необходимость подключения государственных институтов, которые могли бы соединить усилия коммерческих и научно-образовательных структур в развитии экономики знаний. Видится необходимым формирование модели взаимодействия триады «наука – бизнес – государство».

Под субъектом «наука» подразумевается весь спектр государственных и частных высших учебных заведений, занимающихся, кроме образовательной, еще и научной деятельностью, а также государственных и частных научно-исследовательских институтов.

Под субъектом «бизнес» понимаются инновационно ориентированные компании, которые заинтересованы в производстве товаров и реализации услуг на основе последних достижений науки, как имеющие собственные возможности для проведения НИОКР, так и заинтересованные в использовании научного потенциала субъекта триады «наука».

Под субъектом «государство» подразумеваются органы законодательной и исполнительной власти, ответственные за развитие науки и повышение научного потенциала страны. В России государство играет первостепенную роль в финансировании науки, что является также неотъемлемой функцией субъекта «государство» в рассматриваемой триаде.

Видится интересной, с точки зрения использования опыта, система управления научным потенциалом в Соединенных Штатах Америки.

Если в российской нормативно-правовой документации исследования делятся на фундаментальные и прикладные, то в США есть три типа исследований: фундаментальные, прикладные и разработки. Структура финансирования американской науки представлена в таблице.

Фундаментальная наука в США является прерогативой университетов и колледжей, в то время как прикладные исследования финансируются, главным образом, посредством корпоративного бизнеса. Третий тип разработки также является сферой, где основным инвестором выступает частный сектор. Американская система финансирования науки имеет иные корни, нежели российская, поэтому вряд ли ее можно рассматривать как эталон, однако отдельные ее элементы, в частности, выделение отдельного типа исследований «разработки», финансируемого частными компаниями, может быть полезно в построение российской системы управления научным потенциалом на федеральном уровне.

Следует отметить, что по показателю соотношения объема внутренних затрат на исследования и разработки (ВЗИР) к объему ВВП Россия занимает 34-е место в мировом рейтинге (1,1%), располагаясь между Ирландией (1,18%) и Грецией (1,01%) и значительно уступая лидерам (Израиль – 4,25%, Республика Корея – 4,23%, Швейцария – 3,37%, Швеция – 3,25 %, Япония – 3,14%) [5]. Алармисты используют данную статистику для обоснования отсталости российской науки от лидирующих государств. Тем не менее возможны и иные варианты расчета ВЗИР – несмотря на то, что в мировой практике принято считать данный показатель в относительном выражении, в абсолютном выражении по объему финансирования наша страна входит в первую десятку государств.

Одним из первичных механизмов участия государства в триаде «наука – бизнес – государство» является законодательство, предусматривающее

льготы для корпораций, финансирующих НИР, НИОКР и образовательный процесс [6]:

- государственные цены на сырье и материалы;
- снижение налога на прибыль;
- снижение таможенных пошлин на наукоемкую продукцию;
- предоставление возможности работать в государственных лабораториях;
- безвозмездная аренда государственной собственности и земли, используемой при проведении НИР;
- долевое финансирование НИР и НИОКР по стратегическим направлениям и т. п.

Различные исследования показывают, что в России, несмотря на заметную роль бизнеса в научной деятельности, ключевая роль в формировании научного потенциала отводится университетам и институтам. Бизнес-субъекты фактически не способны заниматься фундаментальной наукой, не имея для этого кадровых и финансовых ресурсов. Приоритет фундаментальной науки в формировании научного потенциала требует привлечения средств федерального бюджета, поскольку в России традиционно роль государственного финансирования в развитии фундаментальной науки является главенствующей. Между тем важным видится стимулирование проектно-ориентированных инструментов в рамках вузов и научно-исследовательских институтов, что подразумевает в том числе внебюджетное финансирование НИР и НИОКР со стороны бизнес-структур, заинтересованных в получении коммерческого эффекта от инновационной деятельности.

Данная практика требует всестороннего стимулирования. Научно-исследовательские организации должны вырабатывать *проектный подход в управлении научным потенциалом*, который подразумевает дополнение фундаментальных исследований прикладными, носящими проектный характер.

Доля участия институциональных секторов исследований и разработок США в объеме выполненных работ, % [4]

| Секторы исследований и разработок | Фундаментальные исследования | Прикладные исследования | Разработки |
|---|------------------------------|-------------------------|------------|
| Университеты и колледжи | 53,4 | 16,7 | 0,8 |
| Федеральный сектор | 8,6 | 11,2 | 6,9 |
| Финансируемые федеральным правительством центры исследований и разработок | 7,7 | 6,5 | 1,9 |
| Корпоративный бизнес | 19,5 | 57,6 | 89,5 |
| Некоммерческие организации | 10,8 | 8,0 | 0,9 |

Можно выделить следующие детерминанты проектного подхода в управлении научным потенциалом:

– *Наличие заказчика.* В рамках триады «наука – бизнес – государство» заказчиком может выступать как компания, так и государственная структура. Приоритетным является привлечение внебюджетных средств путем удовлетворения запросов бизнес-субъектов на формирование научного фундамента инновационной деятельности.

– *Наличие сроков выполнения исследования.* Проектная работа, в отличие от фундаментальных исследований, конечна – она имеет срок окончания работ, который должен быть соблюден исполнителем.

– *Наличие процедуры приемки результата.* Проектная деятельность подразумевает определенные параметры, которые должны быть соблюдены при предъявлении результата исследования. Исполнитель обязуется следовать этим параметрам, нарушение которых может повлечь неприятие результатов проекта со штрафными санкциями или лишением части финансирования.

– *Практико-ориентированность,* которая подразумевает, что проект должен иметь прак-

тическую реализацию, а не только научный результат.

– *Нормирование затрат на проект.* Финансирование проекта осуществляется на основе предварительной оценки временных, материальных и иных затрат на реализацию, исходя из которых определяется необходимый объем финансирования.

Реализация проектного подхода в триаде «наука – бизнес – государство» представлена на рисунке. При этом следует понимать, что проектный подход должен не противопоставляться фундаментальной науке, а базироваться на ее достижениях. Более того, отсутствие практико-ориентированности научной деятельности, равно как и акцент на достижениях наукометрических показателей без практического внедрения результатов исследования не могут являться свидетельством низкого научного потенциала. Проектный подход не противоречит фундаментальной науке, а лишь дополняет ее. В свою очередь финансовые ресурсы, которые может приобретать научно-исследовательская организация в рамках проектного подхода, она может направлять и на фундаментальные исследования. Особая роль в данном случае принадлежит органам государственной власти, которые долж-



Реализация проектного подхода в управлении научным потенциалом в триаде «наука – бизнес – государство»

ны путем регулирующих мер достигать финансирования как фундаментальной науки, так и прикладной науки, не носящей проектный характер. Государство должно выступать регулятором, который обязан ставить барьеры на пути негативных последствий коммерциализации науки, не допуская использования в этой сфере исключительно рыночных механизмов, основанных на принципах максимизации прибыли.

В современной России проектный подход в управлении научным потенциалом активно используется в разработках в рамках деятельности государственной корпорации «Ростех», которая занимается производством продукции военно-промышленного комплекса. Заказы «Ростех» по научно-исследовательским и опытно-конструкторским разработкам включают в себя все детерминанты проектного подхода. Успешный опыт проектной деятельности в рамках данной государственной компании обусловлен спецификой оборонного заказа, когда организации-исполнители находятся в прямом подчинении у корпорации, что способствует синхронизации деятельности производственных и научно-исследовательских компонент. Практическая деятельность этой государственной корпорации может служить образцом реализации триады «наука – бизнес – государство» на базовом этапе. В последствии этот опыт может быть экстраполирован на другие сферы деятельности, хотя и требует дальнейшего развития, поскольку гражданские компании, университеты, научно-исследовательские институты не находятся в прямом подчинении у единого центра, к тому же имеют разные стратегические приоритеты (компании заинтересованы в максимизации прибыли, а не в абстрактной науке).

Таким образом, управление научным потенциалом в рамках системы экономики знаний должно основываться на применении проектного подхода, который должен активно внедряться в прикладных исследованиях, либо же быть выделен в отдельный тип исследований (как это происходит в США). В проектном подходе взаимоотношения строятся на принципах «заказчик-исполнитель», когда бизнес формирует необходимые параметры исследования, а университет или институт, занимающийся реализацией

проекта, выполняет эти требования. При этом государство выполняет роль регулятора и соинвестора. Регуляторная роль государства обусловлена тем, что большинство научно-образовательных организаций в России являются государственными и подчинены Министерству образования и науки, которое может выступать координатором проектной работы, а также соинвестором, готовым профинансировать проекты, имеющие стратегическую важность для развития экономики страны, на принципах долевого финансирования. Внедрение проектного подхода потребует модернизации наукометрии и оценки результативности ученых, внедрения дополнительных показателей, которые отражали бы качество проведенной научно-исследовательской работы, исходя из выполнения запросов, формируемых государством и корпорациями.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Бочаров И. М.** Управление знаниями в цифровой экономике: теоретико-методологические аспекты: монография. М.: Дашков и К, 2019. 96 с.
2. **Калмыкова Д. А.** Управление знаниями в вузе: учеб. пособие. Самара: СамГУ, 2020.
3. **Алескеров Ф. Т., Катаева Е. С., Писляков В. В., Якуба В. И.** Оценка вклада научных работников методом порогового агрегирования // Наукометрия и экспертиза в управлении наукой: сб. ст. М.: ИПУ РАН, 2013. 572 с.
4. Управление высшим образованием и наукой: опыт, проблемы, перспективы: монография / под общ. ред. Р. М. Нижегородцева, С. Д. Резника. М.: ИНФРА-М, 2015.
5. **Дмитришина Е. В., Усков Д. А., Михайлова А. А., Федорова Е. С.** Оценка возможностей достижения плановых значений внутренних затрат на исследования и разработки в России // Управление наукой и наукометрия. 2020. Т. 15. № 1.
6. **Гуляев П. В., Егоров Н. Е., Николаев М. В.** Проектно-ориентированное управление наукой и образованием в рамках партнерских взаимоотношений «университет – государство – бизнес» // Международный журнал экспериментального образования. 2011. № 1 (11).

УДК 332.1

DOI: 10.31799/2411-4588-2021-1-81-88

Тамара Витальевна Ускова

доктор экономических наук, профессор

Вологодский научный центр РАН

Вологда, Россия

ПРОСТРАНСТВЕННЫЕ АСПЕКТЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА

Аннотация. Обеспечение устойчивого развития является одним из самых актуальных вопросов, волнующих мировое сообщество. Эта проблема была озвучена во второй половине XX века и не решена до настоящего времени. Основной замысел представленной статьи состоит в рассмотрении пространственного фактора устойчивого развития. Показано, что в Российской Федерации высокий уровень социально-экономической дифференциации территорий. Особую остроту приобрела проблема усиления поляризации между центром и периферией, между городом и селом. Сельские территории существенно отстают по уровню и качеству жизни населения, темпам социально-экономического развития. Усугубляются тенденции вымирания деревни и, как следствие, возникает разреженность экономического пространства, снижается устойчивость национальной системы расселения и развития страны в целом. Нарастание социально-экономических проблем на селе требует усилить государственное регулирование пространственного развития территорий.

Ключевые слова: устойчивое развитие, связанность пространства, дифференциации территорий, социально-экономическое развитие, сельские территории, государственное регулирование.

Tamara V. Uskova

Grand PhD in Economic Sciences, Professor

Vologda Research Center of the RAS

Vologda, Russia

SPATIAL ASPECTS OF THE REGION'S SUSTAINABLE DEVELOPMENT

Abstract. One of the most relevant issues causing concern of the world community is the ensurance of sustainable development. The problem was raised in the second half of the 20th century and has not been solved up to the present yet. The main idea of the article is to consider the spatial factor of sustainable development. The author shows that there is a high level of territories' socio-economic differentiation in the Russian Federation. The problem of increasing polarization both between the center and periphery, and between the town and countryside has become particularly urgent. Rural areas are significantly lagging behind in terms of the population's level and quality of life, and the rates of socio-economic development. The trends of rural extinction are intensifying and, as a result, there emerge the sparsity of economic space, and the decrease in stability of the national settlement system and development of countries as a whole. The increase of socio-economic problems in rural areas requires strengthening of the state regulation concerning the territories' spatial development.

Keywords: sustainable development, space connectivity, differentiation of territories, socio-economic development, rural areas, state regulation.

Введение

Проблема устойчивого развития волнует мировое сообщество уже не одно десятилетие. Ее теоретические основы были заложены отечественным ученым В. И. Вернадским. Система научных взглядов ученого [1, 2], по сути дела, предвосхитила осознание глобальных проблем широкой общественностью. С конца 1980-х гг. теория и практика устойчивого развития находятся в центре внимания

ученых и политиков как в России, так и за рубежом.

Первоначально понятие «устойчивое развитие» носило преимущественно экологический окрас [3, 4]. Однако современное толкование устойчивого развития существенно расширяет его сущность и спектр решаемых задач [5, 6, 7 и др.]. В общем виде устойчивое развитие следует понимать как развитие, основанное на гармонизации социальной, экономической и экологической подсистем, направленное на поиск

путей удовлетворения потребностей настоящего и будущих поколений. Перечень задач включает в себя ускорение экономического роста и изменение его качества; удовлетворение основных потребностей населения; устойчивый рост численности населения; сохранение и укрепление ресурсной базы территорий и др. [8].

Система взглядов на устойчивое развитие России отражена в Концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию¹. В документе подчеркивается, что устойчивое развитие страны возможно только в случае устойчивого развития всех входящих в ее состав территорий. Это возможно на основе формирования эффективной пространственной структуры экономики при соблюдении баланса интересов всех субъектов Российской Федерации и учете местных особенностей.

Пространственный фактор устойчивости российских территорий

Устойчивость социально-экономического развития территорий зависит от большого числа факторов и условий как глобальных, так и внутренних, присущих каждой стране и даже каждой отдельно взятой территории. Среди внутренних факторов, определяющих устойчивость социально-экономического развития, одним из важнейших является *пространственный фактор* – *однородность, связанность пространства* [9, 10]. Вместе с тем экономическое пространство современной России является разреженным. Этот вывод позволяет сделать такой фактор, как высокий уровень социально-экономической дифференциации территорий. Причем имеет место как межрегиональная, так и внутрирегиональная дифференциация.

Особую остроту приобрела проблема усиления поляризации между центром и периферией, между городом и селом. За годы постсоветских реформ российской село стало существенно отставать от города по уровню и качеству жизни населения, наличию и состоянию инженерной и социальной инфраструктуры, темпам социально-экономического развития. Поставленная еще в советский период задача стирания различий между городом и деревней не решена.

Среди наиболее острых проблем сельских территорий современной России можно назвать следующие. Во-первых, высокий уровень диф-

ференциации территорий. Сельские территории, расположенные в благоприятных климатических условиях или вблизи городов (городских агломераций), то есть имеющие выход на крупный рынок сбыта, показывают прирост экономических показателей. Муниципалитеты, находящиеся на периферии, особенно в неблагоприятной природно-климатической зоне, вынуждены сворачивать экономическую деятельность.

Например, в Вологодской области в более выгодном географическом положении находятся такие районы, как Вологодский, Грязовецкий, Сокольский, Череповецкий, Шекснинский, Тотемский и Великоустюгский. Преимущественно в этих районах сосредоточен и производственный потенциал. Эти районы демонстрируют наилучшую динамику основных показателей, именно здесь сконцентрировано сельхозпроизводство и инвестиции в основной капитал. В 2000 г. указанные районы производили 63% продукции животноводства области, в 2018 г. – уже 72%. Аналогичная картина и в сфере растениеводства. В 2000 г. шесть районов производили 53% всей продукции растениеводства Вологодской области. В 2018 г. их доля увеличилась до 63%².

Приведенные данные позволяют заключить, что сельскохозяйственное производство в остальных районах области постепенно сворачивается. Если учесть тот факт, что промышленное производство области представлено в основном в городах Череповец и Вологда (в районах производится около 9% промышленной продукции), то вполне логичным становится вывод о том, что экономическое развитие территорий области имеет фрагментарный характер. Экономическая деятельность в периферийных районах практически остановлена.

Во-вторых, ресурсная база сельской экономики постепенно сжимается. Этот процесс начался в 1990-х гг. и не преодолен до сих пор. Практически на всей территории страны значительная часть сельскохозяйственных земель не обрабатывается. В ряде субъектов Российской Федерации по целевому назначению не используется до 50% сельскохозяйственных земель. В регионах Европейского Севера в период 1990–2017 гг. посевные площади под всеми сельскохозяйственными культурами сократились на 55–75% (рис. 1).

В Вологодской области общая площадь сельскохозяйственных угодий составляет чуть бо-

¹ О концепции перехода Российской Федерации к устойчивому развитию: Указ Президента РФ от 1 апреля 1996 г. № 440 // Российская газета. 1996.

² Муниципальные районы и городские округа Вологодской области. Социально-экономические показатели. Стат. сб. 2000–2018. Вологда: Вологдастат, 2019.

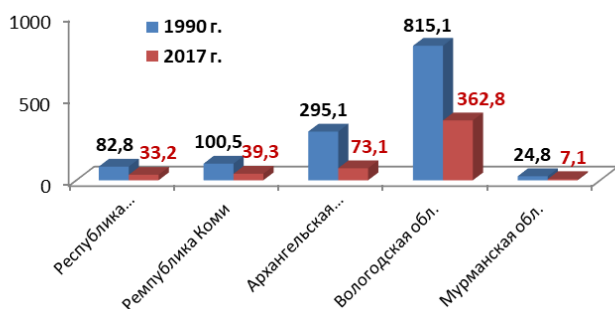


Рис. 1. Посевная площадь сельскохозяйственных культур во всех хозяйствах субъектов Европейского Севера РФ, тыс. га (по данным Росстата)

более одного миллиона гектара. Однако используется только половина. При этом происходит сокращение посевных площадей под всеми видами культур. Только с 2000 по 2018 г. посевные площади области сократились на 48%. Еще более удручающая картина в животноводстве. В 2018 г. поголовье крупного рогатого скота составило только 52,3% от уровня 2000 г., коров – 51,2%, свиней – на 27,5%, коз и овец – на 21%. За этот период ухудшилось и материально-техническое оснащение сельхозпроизводства. Число единиц сельскохозяйственной техники в регионе снизилось на 70–75%¹.

Эта проблема характерна для значительной части субъектов Российской Федерации. Например, в Вологодской области за период с 2000 г. объем производства сельхозпродукции в регионе сократился более чем на треть. Негативные тенденции в сельскохозяйственном производстве характерны практически для всех муниципальных районов Вологодской области. За весь трансформационный период сельскохозяйственное производство в области снизилось более чем вдвое. Еще более значительное сокращение физического объема производства продукции сельского хозяйства зафиксировано в Республике Карелии (на 74%), Архангельской и Мурманской областях (на 77 и 88% соответственно).

Не переломлены тенденции по выбытию из оборота посевных площадей и поголовья скота и птицы. Так, во всех категориях хозяйств Вологодской области количество посевных площадей снизилось по сравнению с 2000 г. почти на 47%, поголовье крупного рогатого скота – на 48%. Не теряет остроты проблема устаревания

материально-технической базы и нехватки у ряда хозяйств техники и оборудования [11].

В-третьих, низкий уровень жизни на селе, прежде всего уровень заработной платы. Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата в сельском хозяйстве составила только 60% от средней по стране. Соотношение среднемесячной номинальной начисленной заработной платы в сельском хозяйстве и величины прожиточного минимума крайне мало, а в ряде районов не достигает даже двух прожиточных минимумов.

В-четвертых, исторически сложившийся низкий уровень обеспеченности сел объектами социальной и инженерной инфраструктуры, высокий уровень ее физического и морального износа. В 2018 г. в российском селе удельный вес общей площади, оборудованной водопроводом, составлял чуть выше 60%, водоотведением – 50%, отоплением – 69%, ваннами (душем) – 38%, горячим водоснабжением – 38% (рис. 2).

В периферийных регионах ситуация значительно хуже. Так, по итогам 2017 г. в Вологодской области водопроводом было оборудовано только 33% общей площади сельского жилищного фонда, водоотведением (канализацией) – чуть более 20%, отоплением – 28%, горячим водоснабжением – 14%. Аналогичная ситуация наблюдается и в других северных регионах [12].

Крайне низкий уровень коммунального благоустройства населенных пунктов является острой проблемой для большинства сельских территорий. Так, в 2018 г. лишь треть сельского жилищного фонда России было оборудовано всеми видами благоустройства. Наиболее остро эта проблема проявляется в субъектах Федерации, расположенных на периферии. Так, если в Северо-Западном федеральном округе в це-

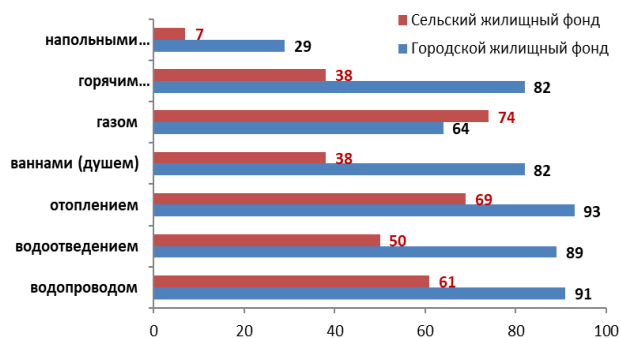


Рис. 2. Благоустройство жилищного фонда РФ (на конец 2018 г., %) (по данным Федеральной службы государственной статистики)

¹ Муниципальные районы и городские округа Вологодской области. Социально-экономические показатели. Стат. сб. 2000–2018. Вологда: Вологдастат, 2019.

Таблица 1

Доля площади жилищного фонда в сельских населенных пунктах, обеспеченного всеми видами благоустройства, в общей площади жилищного фонда субъекта Российской Федерации (процент, значение показателя за год)

| Территория | 2016 г. | 2017 г. | 2018 г. | 2018 г. к 2016 г., +/- п.п. |
|-----------------------------------|-------------|-------------|-------------|-----------------------------|
| Российская Федерация | 31,5 | 32,6 | 34,2 | 2,7 |
| Северо-Западный федеральный округ | 24,9 | 27,5 | 27,9 | 3,0 |
| Мурманская обл. | 82,9 | 82,1 | 79,8 | -3,1 |
| Калининградская обл. | 62,1 | 63,5 | 65,8 | 3,7 |
| Ленинградская обл. | 45,0 | 51,3 | 52,2 | 7,2 |
| Псковская обл. | 14,8 | 15,3 | 16,1 | 1,3 |
| Вологодская обл. | 13,2 | 13,3 | 13,4 | 0,2 |
| Новгородская обл. | 9,1 | 9,0 | 9,1 | 0,0 |
| Архангельская обл. (без АО) | 6,6 | 6,4 | 6,6 | 0,0 |
| Архангельская обл. | 6,5 | 6,3 | 6,5 | 0,0 |
| Республика Коми | 6,3 | 6,1 | 5,9 | -0,4 |
| Республика Карелия | 4,2 | 4,7 | 4,7 | 0,5 |
| Ненецкий АО | 2,9 | 3,7 | 3,7 | 0,8 |

Примечание: составлено по данным Единой межведомственной информационно-статистической системы (ЕМИСС).

лом около 28% площади сельского жилищного фонда обеспечено всеми видами благоустройства, то в республиках Карелии и Коми, в Архангельской области – менее 7%, а в Ненецком автономном округе этот показатель не достигает и 4%. При этом существенного улучшения благоустройства жилищного фонда не наблюдается (табл. 1).

В реформационный период практически прекратилось строительство на селе объектов социально-культурного назначения, а возведенные в советский период не ремонтировались и постепенно закрывались. Так, под предлогом оптимизации, в муниципальных районах Вологодской области (а это в большей части на селе) за период с 2000 по 2017 гг. число дошкольных образовательных организаций сократилось с 518 до 224 единиц, то есть на 57%. Число больничных организаций в сельской местности снизилось на 70%, фельдшерско-акушерских пунктов – на 26% (с 696 до 518 единиц), больничных коек – на 58% (с 5781 до 2455 коек), общедоступных (публичных) библиотек – на треть (с 685 до 450 единиц), учреждений культурно-досугового типа – почти на четверть (с 789 до 453 единиц). Лишь в последние годы этому вопросу стало уделяться больше внимания.

Кроме того, жилищный фонд сельской местности довольно быстро ветшает. Такой вывод

позволяет сделать динамика доли ветхого жилищного фонда в его общем объеме. Например, в Вологодской области этот показатель увеличился с 1,9% в 2000 г. до 2,6% в 2017 г., а ряде районов – в разы. В результате в ряде районов области (Белозерском, Вашкинском, Вожегодском, Грязовецком, Междуреченском и Сокольском) более 10% жилищного фонда является ветхим.

В-пятых, в сельской местности остается высоким уровень безработицы. В большей части сельских населенных пунктов этот показатель доходит до 30% и более, что в разы выше ее официального уровня. Данные социологического опроса, проведенного ВолНИЦ РАН в 2017 г. в сельских территориях СЗФО, показали, что отсутствие работы – одна из острейших проблем села; так ответили 67,9% опрошенных [13].

Приведенные значения позволяют сделать вывод о низком качестве жизни на селе. Сельские территории становятся не привлекательными для экономически активного населения, особенно молодежи, и, как результат, численность сельского населения сокращается быстрыми темпами. Только за период рыночных реформ число сельских жителей в Российской Федерации сократилось на 1,6 млн человек (с 38,9 – на 01.01.1992 до 37,3 – на 01.01.2019).

Негативные тенденции несколько сгладило присоединение Республики Крым, в результа-

те чего в 2014 г. число сельских жителей в России увеличилось более чем на 900 тыс. человек. Однако, если проанализировать демографические процессы на конкретных территориях, то острота проблемы становится более очевидной. Так, например, в Вологодской области численность населения имеет устойчивый негативный тренд. Особенно быстро снижается число сельских жителей. Если с 1990 по 2018 гг. численность сельских жителей области сократилась на 14,6 тыс. человек, то только за 2018 г. – на 5,1 тыс. человек (на 1,6%). При этом имела место как естественная, так и миграционная убыль (–3080 и –2007 человек соответственно) (рис. 3).

Заметим, что Вологодская область не является исключением из правил. Аналогично скла-

дывается ситуация и в большинстве субъектов Российской Федерации. В 2010–2018 гг. из десяти субъектов Федерации, входивших в состав Северо-Западного федерального округа, только в двух (Ленинградская и Калининградская области) зафиксирован прирост населения. Причем в городах – административных центрах в эти годы отмечался прирост численности населения. Следовательно, сокращение происходило преимущественно за счет снижения численности сельских жителей (табл. 2).

Стремительно сокращается число сельских населенных пунктов, значительную долю которых составляют маленькие деревни: более чем в половине всех сельских населенных пунктов (54% или около 82,8 тыс. населенных пунктов) проживают от 1 до 100 человек. Только в 5%

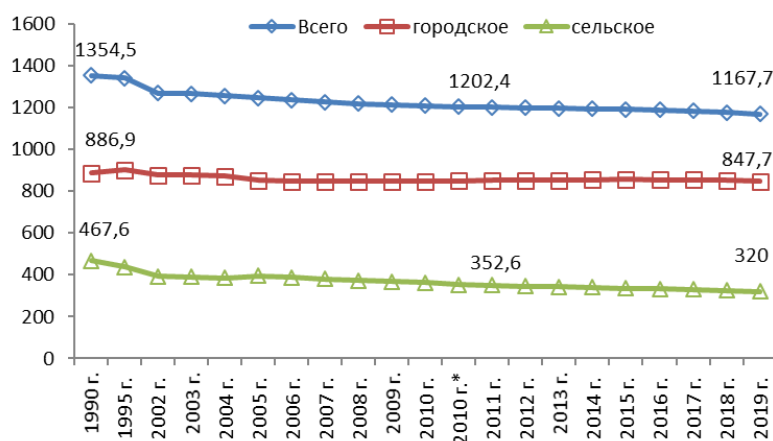


Рис. 3. Численность постоянного населения Вологодской области (на 1 января, тыс. человек)
Примечание: 2010 г.* – данные по переписи на 14 октября (по данным [14, с. 13])

Таблица 2

Численность населения в субъектах Федерации, входящих в состав СЗФО РФ в 2000 и 2018 гг., тыс. человек

| Территория | 2010 г. (по переписи на 14 октября) | 2018 г. (на начало года) | Темп роста (снижения), % |
|-------------------------|--|-----------------------------|-----------------------------|
| Ленинградская область | 1717 | 1814 | 105,6 |
| Калининградская область | 942 | 995 | 105,6 |
| Вологодская область | 1202 | 1177 | 97,9 |
| Республика Карелия | 644 | 623 | 96,7 |
| Новгородская область | 634 | 607 | 95,7 |
| Мурманская область | 795 | 754 | 94,8 |
| Псковская область | 673 | 637 | 94,7 |
| Архангельская область | 1228 | 1155 | 94,1 |
| Республика Коми | 901 | 841 | 93,3 |

Примечание: составлено по данным [14, с. 93].

сельских населенных пунктов (около 7,8 тыс.) численность населения превышает 1000 человек.

Проблема вымирания российской деревни является одной из острых социально-экономических проблем современной России. Как результат, возникает разреженность экономического пространства России, снижается устойчивость национальной системы расселения и, как следствие, национальной безопасности страны. Нарастание социально-экономических проблем на селе требует усилить государственное регулирование территориального развития с целью улучшения качества и повышения уровня жизни сельского населения.

Государственное регулирование территориального развития

В настоящее время решение вопросов местного значения государство возложило на местное самоуправление. Однако этот институт власти не способен решить большую часть проблем сельских территорий. Одна из главных причин – отсутствие финансовых возможностей. Большинство сельских муниципальных образований являются дотационными (в Вологодской области – все сельские поселения). По мнению 68% опрошенных глав сельских поселений, обеспеченность муниципалитетов¹ собственными доходами низкая и крайне низкая. Поэтому неудивительно, что руководители сельских муниципалитетов, отвечая на вопрос о том, от кого же зависит социально-экономическое развитие возглавляемых ими муниципалитетов, указывают на органы государственной власти. В 2019 г. так ответили более 72% респондентов.

Президент России В. В. Путин неоднократно указывал на необходимость комплексного решения проблем территорий, в частности, в 2018 г. в Послании Федеральному Собранию поставил задачу «развернуть масштабную программу пространственного развития России, включая развитие городов и других населенных пунктов...»². При этом отмечалось, что развитие

¹ Данные мониторинга реформирования местного самоуправления, проводимого ВолНИЦ РАН с 2007 г. в форме анкетного опроса глав муниципальных образований Вологодской области. В нем ежегодно принимают участие около 170–200 руководителей районов, городских округов, городских и сельских поселений.

² Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 1 марта 2018 г. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_291976 (дата обращения: 15.05.2021).

территорий должно быть связано с комплексным решением проблем в сфере здравоохранения, образования, экологии, транспорта.

Безусловно, органами власти разных уровней предпринимаются усилия по исправлению ситуации и выводу территорий на траекторию устойчивого развития. В 2014 г. принят закон о Стратегическом планировании в Российской Федерации. В настоящее время приняты и реализуются Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2030 года, Стратегия социально-экономического развития Российской Федерации до 2020 года, Стратегия пространственного развития Российской Федерации, стратегии отдельных регионов и сфер деятельности.

С 2019 г. реализуется Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г.³. Целью пространственного развития страны является обеспечение устойчивого и сбалансированного пространственного развития, направленного на сокращение межрегиональных различий в уровне и качестве жизни населения, ускорение темпов экономического роста и технологического развития, а также на обеспечение национальной безопасности страны. В числе приоритетов пространственного развития провозглашено опережающее развитие территорий с низким уровнем социально-экономического развития, обладающих собственным потенциалом экономического роста, а также территорий с низкой плотностью населения и прогнозируемым наращиванием экономического потенциала. Однако следует признать, что общее направление государственной политики ведет к дальнейшей концентрации финансов, рабочих мест и, как следствие, населения в столице и других крупных городах. Проблемы села остались за рамками стратегического документа.

Внедрение стратегического планирования на поселенческом уровне становится все более актуальным. Долгосрочное видение своего будущего – залог устойчивого развития поселения. Кроме того, наличие стратегии поселения – своеобразный сигнал для инвесторов, свидетельство того, что у села есть будущее, следовательно, в его развитие можно инвестировать. Положительный опыт стратегического плани-

³ Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года (утверждена распоряжением Правительства РФ от 13 февраля 2019 г. № 207-р). URL: <http://static.government.ru/media/files/UVA1qUtT08o60RktoOX122JjAe7irNxc.pdf> (дата обращения: 15.05.2021).

рования сельских поселений в России имеется. Так, вполне успешно реализуются стратегии развития сельского поселения Сметанино (Верховажский район Вологодской области), Каенлинское (Нижекамский район, Республика Татарстан), Казацкий сельский совет (Елецкий район Липецкой области), Никольское (Новоусманский район Воронежской области) и ряд других¹. В этом вопросе органам местного самоуправления не следует ждать помощи государства. Необходимо изучить положительный опыт, имеющиеся методики стратегического планирования [15, 16, 17] и организовать местных жителей на определение будущего своего села.

Главным инструментом, призванным обеспечить достижение целей устойчивого развития, являются все же государственные программы [18]. В настоящее время в Российской Федерации реализуется более сорока государственных программ. С 2014 по 2017 гг. в России реализовывалась федеральная целевая программа «Устойчивое развитие сельских территорий на 2014–2017 гг. и на период до 2020 г.». В 2019 г. принята новая государственная программа Российской Федерации «Комплексное развитие сельских территорий», ориентированная на период 2020–2025 гг. (утверждена Постановлением Правительства Российской Федерации от 31 мая 2019 г. № 696)². Программой предусматривается охват широкого спектра вопросов развития сельских территорий и нацелена на:

- сохранение доли сельского населения в общей численности населения Российской Федерации на уровне не менее 25,3%;
- достижение соотношения среднемесячных располагаемых ресурсов сельского и городского домохозяйств до 80%;
- повышение доли общей площади благоустроенных жилых помещений в сельских населенных пунктах до 50%.

На реализацию программы предполагается выделить 2288,0 млрд руб. Из них средства федерального бюджета составят 1061,1 млрд руб. (или 46,4%), бюджетные ассигнования консолидированных бюджетов субъектов Российской Федерации – 174,0 млрд руб. (7,6%), средства из внебюджетных источников – 1052,9 млрд руб. (46,0%).

На региональном уровне также весьма активно используется программно-целевой метод

управления. Например, с целью государственной поддержки села и его экономики реализуется государственная программа «Развитие агропромышленного комплекса и потребительского рынка Вологодской области на 2013–2020 годы»³. Эти средства направляются не только на ввод в действие производственных комплексов и реконструкцию имеющихся, но и позволяют решать социальные проблемы села. Кроме того, грантовую поддержку получают проекты, подготовленные по инициативе граждан, проживающих в сельской местности. За счет средств грантов были созданы и обустроены зоны отдыха, спортивные и детские игровые площадки; восстановлены природные ландшафты, историко-культурные памятники. Часть средств направлена на поддержку национальных культурных традиций, народных промыслов и ремесел. Опыт Вологодской области нашел поддержку на федеральном уровне.

Еще одним инструментом решения проблем и перехода на модель устойчивого развития является проектный подход. В частности, в Национальных проектах нашли отражение практически все цели устойчивого развития.

Этот инструмент широко используется и региональными органами государственной власти и местным самоуправлением для решения проблем территорий. Так, в Вологодской области с 2015 г. реализуется проект «Народный бюджет». Суть его состоит в том, что муниципальным образованиям на реализацию общественно значимых проектов на конкурсной основе предоставляются субсидии из областного бюджета. Если в 2015 г. на эти цели было выделено 7,6 млн руб., то в 2019 г. – уже 88,7 млн руб.

В целях максимально полного включения в оборот неиспользуемых земель сельскохозяйственного назначения с апреля 2019 г. в Вологодской области реализуется проект «Вологодский гектар»⁴, созданный по примеру федерального проекта «Дальневосточный гектар». Проект

³ Государственная программа «Развитие агропромышленного комплекса и потребительского рынка Вологодской области на 2013–2020 годы». URL: <https://agro.gov35.ru/images/stories/1222utv.pdf> (дата обращения: 15.05.2021).

⁴ Закон Вологодской области «Об особенностях предоставления в собственность гражданам земельных участков из фонда перераспределения земель сельскохозяйственного назначения на территории Вологодской области», № 4476-ОЗ от 28 декабря 2018 года. URL: <https://dio.gov35.ru/upload/iblock/1b6/%D0%97%D0%B0%D0%BA%D0%BE%D0%BD%20%D0%BE%D1%82%2028.12.2019%204476-%D0%9E%D0%97.pdf> (дата обращения: 15.05.2021).

¹ Форум стратегов 2019. URL: <https://forumstrategov.ru/rus/358.html> (дата обращения: 15.05.2021).

² См. Портал госпрограмм РФ. URL: <https://programs.gov.ru/Portal> (дата обращения: 15.05.2021).

вызвал большой интерес у россиян, желающих заниматься сельскохозяйственным производством. Участниками программы стали жители не только Вологодской области, но и других российских регионов, в том числе Ленинградской, Московской, Мурманской, Новосибирской, Ростовской, Ярославской областей, Республики Татарстан, Алтайского и Краснодарского краев, городов Москвы и Санкт-Петербурга¹.

В распоряжении органов власти имеются и другие инструменты, способствующие устойчивому развитию территорий. Главная задача – научиться эффективно их использовать. Однако для коренного изменения ситуации и повышения устойчивости развития социально-экономической системы требуется существенная корректировка проводимой государственной социально-экономической политики. В целях повышения бюджетной обеспеченности территорий следует реализовать комплекс мер по изменению межбюджетных отношений, повышению финансовой самостоятельности регионов и муниципалитетов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вернадский В. И. Научная мысль как планетарное явление. М.: Наука, 1991. 270 с.
2. Вернадский В. И. Философские мысли натуралиста. М., 1988. 520 с.
3. World Conservation Strategy. IUCN / UNEP / WWF. Gland, Switzerland. 1980. P. 123.
4. Ващекин Н. П., Лось В. А., Урсул А. Д. Цивилизация и Россия на пути к устойчивому развитию: проблемы и перспективы. М.: МГУК, 1999. 356 с.
5. Лузин Г. П., Селин В. С., Истомина А. В., Козьменко С. Ю. и др. Устойчивость и экономическая безопасность в регионах: тенденции, критерии, механизмы регулирования. Апатиты, 1999. 174 с.
6. Новая парадигма развития России (Комплексные исследования проблем устойчивого развития) / под ред. В. А. Коптюга, В. М. Матросова, В. К. Левашова. 2-е изд. М.: Academia, 2000. 460 с.
7. Попков В. В. Устойчивое экономическое развитие в условиях глобализации и экономики знаний: концептуальные основы теории и практики управления. М.: Экономика, 2007. 295 с.
8. Ускова Т. В. Управление устойчивым развитием региона. Вологда: Ин-т социально-экономического развития территорий РАН, 2009. 355 с.
9. Ускова Т. В., Ворошилов Н. В. Комплексное развитие сельских территорий – задача государственной важности // Проблемы развития территории. 2019. № 6 (104). С. 7–20.
10. Ворошилов Н. В., Ускова Т. В. К вопросу о реализации государственной программы Российской Федерации «Комплексное развитие сельских территорий» // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2019. № 4 (66). С. 4–18.
11. Ускова Т. В. Проблемы и перспективы социально-экономического развития сельских территорий // Вопросы территориального развития. 2018. № 2 (42).
12. Иванов В. А. Особенности и направления развития села и экономики сельской территории северного региона // Проблемы развития территории. 2019. № 4 (102). С. 55–71.
13. Ускова Т. В., Калачикова О. Н., Леонидова Г. В., Ворошилов Н. В. и др. Постсоветские трансформации и перспективы развития сельских территорий: монография / под общ. ред. А. А. Шабуневой. Вологда: ВолНЦ РАН, 2021. 334 с.
14. Демографический ежегодник Вологодской области. 2018: стат. сб. Вологда: Вологдастат, 2019.
15. Шулёпов Е. Б., Задумкин К. А. Как написать и реализовать стратегию сельского. Вологда: ВолНЦ РАН, 2018. 48 с.
16. Гагарина Г., Чайникова Л., Архипова Л. Роль анализа устойчивого развития регионов России в стратегическом планировании // Федерализм. 2019. № 4. С. 5–21.
17. Ильин В. А., Гордеев А. В., Ускова Т. В., Сыгчев М. Ф., Гулин К. А. и др. Экономика сельского района: состояние и перспективы. Вологда: ВНКЦ ЦЭМИ РАН, 2007. 270 с.
18. Иванов В. А. Роль государства в развитии сельских территорий и экономики села Севера // Проблемы развития территории. 2019. № 6 (104). С. 21–39.

¹ В Вологодской области расширят программу «Вологодский гектар». URL: <https://tass.ru/v-strane/7802355> (дата обращения: 15.05.2021).

УДК 332.1:331.522(476)

DOI: 10.31799/2411-4588-2021-1-89-95

Анастасия Григорьевна Боброва

кандидат экономических наук, доцент

Институт экономики НАН

Минск, Республика Беларусь

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ТЕРРИТОРИЙ С НАПРЯЖЕННОЙ СИТУАЦИЕЙ НА РЫНКЕ ТРУДА В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ (НА ПРИМЕРЕ МИНСКОЙ ОБЛАСТИ)

Аннотация. В статье представлен анализ показателей развития районов с напряженной ситуацией на рынке труда в Республике Беларусь. Рассмотрены вакансии и резюме по этим районам, размещенные в Общереспубликанском банке вакансий, на порталах *Praca.by* и *rabota.by*. Выявлены основные несоответствия спроса и предложения на рынке труда как одно из препятствий социально-экономического развития в регионах.

Ключевые слова: рынок труда, вакансии, резюме.

Anastasiya G. Bobrova

PhD in Economic Sciences, Associate Professor

Institute of Economics of the National Academy of Sciences of Belarus

Minsk, Belarus

SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF TERRITORIES WITH A TIGHT LABOUR MARKET SITUATION IN THE REPUBLIC OF BELARUS (CASE STUDY OF MINSK REGION)

Abstract. The article presents an analysis of the development indicators of the districts with a tight labor market situation in the Republic of Belarus. It considers the vacancies and resumes in these districts placed in the All-Republican bank of vacancies, *Praca.by* and *rabota.by* portals. The main mismatches between supply and demand at the labor market as one of the obstacles to socio-economic development in the regions have been revealed.

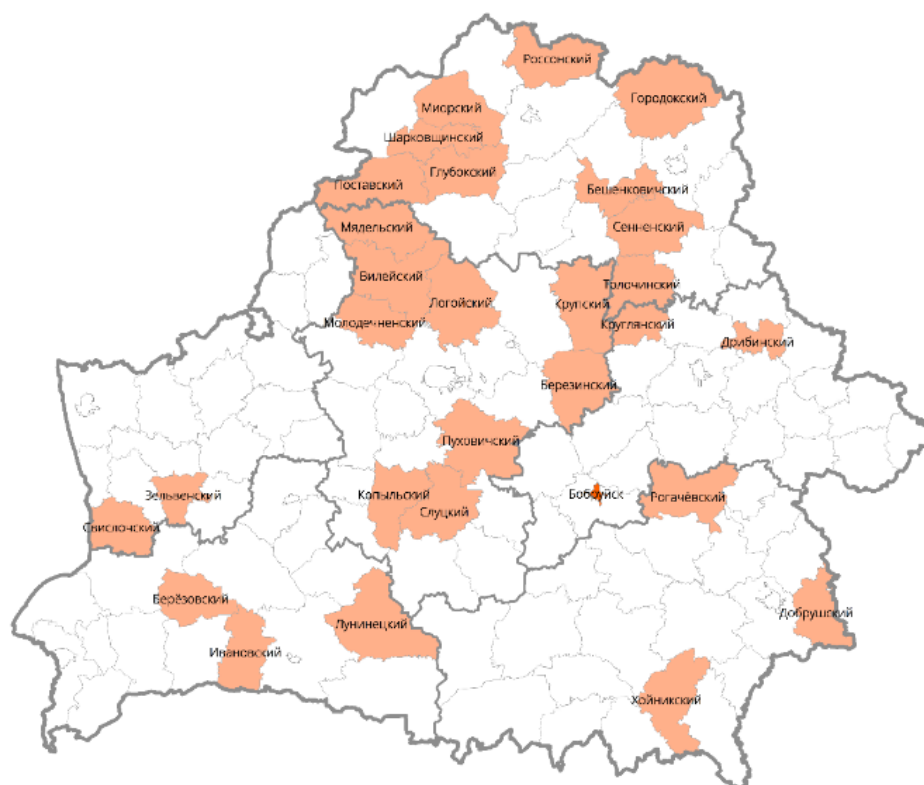
Keywords: labour market, job vacancies, CVs.

С 2018 г. правительство в развитие Декрета Президента Республики Беларусь от 25 января 2018 г. № 1 «Об изменении Декрета Президента Республики Беларусь» публикует перечень территорий с напряженной ситуацией на рынке труда. В 2018 г. в этот список попали 48 городов и районов, в 2019 г. – 53 региона, в 2020 г. – 29. Некоторые территории кочуют из списка в список уже 3 года подряд. Например, в Брестской области к регионам-«рецидивистам» относятся Ивановский и Лунинецкий районы, в Витебской – Бешенковичский, Городокский, Миорский, Поставский, Сенненский, Толочинский и Шарковщинский районы, в Гомельской – Хойникский район, в Гродненской – Свислочский район, в Минской – Вилейский, Молодечненский и Слуцкий районы, в Могилевской – Бобруйск.

В соответствии с постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 27 декабря 2019 г. № 921 «О задачах социально-экономического развития Республики Беларусь на 2020 год» в перечень 2020 г. входят 28 районов во всех областях и город Бобруйск (см. рисунок).

Всего в Беларуси 10 городов областного подчинения и 118 районов. Значит, в перечень «напряженных» попал каждый пятый регион страны. Наибольшее представительство в перечне в 2020 г. у районов Витебской и Минской областей – по 9 от каждой.

В соответствии с Положением о порядке отнесения территорий к территориям с напряженной ситуацией на рынке труда, утвержденным постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 22 февраля 2018 г. № 142, ситуация



Условные обозначения

Территории с напряженной ситуацией на рынке труда

— районы

— города областного подчинения

Территории с напряженной ситуацией на рынке труда в 2020 г.

в каждом районе и городе оценивается по нескольким параметрам:

- уровень зарегистрированной безработицы (отношение численности безработных, зарегистрированных в органах по труду, занятости и социальной защите, к численности экономически активного населения);

- доля безработных, ищущих работу 12 и более месяцев, в общей численности безработных;

- доля работников организаций, которые работали в режиме вынужденной неполной занятости, в среднемесячной численности работников;

- доля работников организаций, находившихся в целодневном (целосменном) простое, в среднемесячной численности работников;

- коэффициент напряженности на рынке труда (отношение численности безработных к количеству вакансий);

- коэффициент замещения рабочей силы (отношение числа принятых работников к числу уволенных);

- темпы роста численности занятых в экономике (отношение численности занятых в экономике в отчетном периоде к численности занятых в соответствующем периоде прошлого года).

Один из главных показателей, отражающих напряженность на рынке труда, – это динамика занятости. Для неблагоприятных территорий характерно довольно быстрое сокращение количества работников. Падение числа занятых связано с разными факторами. Самыми важными являются старение населения, увеличение доли пенсионеров и отток рабочей силы в Минск и за границу.

Одним из факторов, влияющих на занятость, является и изменения налогового законодательства. В частности, с 2021 г. повышены ставки земельного налога, что может привести к росту арендных платежей для представителей малого и среднего бизнеса, которые арендуют помещения в торговых центрах. Дальнейшее увеличение издержек для них за счет повышения арендных платежей может привести к их закрытию

и, следовательно, к увольнению работников, сокращению рабочих мест.

С целью разработки предложений по обеспечению занятости населения на территориях с напряженной ситуацией на рынке труда был проведен анализ показателей развития районов в области труда и стоимости рабочей силы. Рассмотрены вакансии и резюме по этим районам во всех областях, размещенные в Общереспубликанском банке вакансий, на порталах Praca.by и rabota.by.

Общереспубликанский банк вакансий – это автоматизированная информационная система, разработанная специально для Министерства труда и социальной защиты Республики Беларусь, которое является ее заказчиком и пользователем. Общереспубликанский банк вакансий предназначен для организации информационного взаимодействия:

- граждан Республики Беларусь, заинтересованных в поиске места работы;
- специалистов органов по труду, занятости и социальной защите;
- специалистов Министерства труда и социальной защиты.

Данная система позволяет производить поиск интересующих вакансий, а также размещать резюме.

Портал Praca.by – это современный инструмент для соискателей и работодателей, позволяющий быстро найти работу или же заполнить существующие вакансии. На сайте содержится постоянно обновляемая база вакантных рабочих мест и резюме. Для работодателей на сайте содержится обширная база резюме всех категорий специалистов. На сайте реализованы инструменты расширенного поиска и сортировки данных.

Портал rabota.by, по сути, такой же сервис, как и Praca.by, где собраны актуальные вакансии по всей Беларуси: в Минске, Гомеле, Могилеве, Витебске, Бресте и Гродно, а также размещены регулярно обновляемые резюме. Особенности данного портала являются:

- функционирование на платной основе для работодателей. В «бесплатном режиме» отражается около 35% размещенных соискателями вакансий;
- поиск резюме и вакансий доступен только в пределах конкретных населенных пунктов;
- практически полное отсутствие вакансий небольших организаций: для них плата за размещение вакансии и поиска работника – дополнительная нецелесообразная статья расходов;
- для одного соискателя доступна опция создания нескольких резюме;

– для работодателя и соискателя есть возможность не указывать размер заработной платы. Кроме того, указанный работодателем размер заработной платы не приведен к единой форме: некоторые работодатели указывают размер заработной платы до вычета налогов, некоторые – после, примечательны случаи, когда размер оплаты труда указан в определенном интервале, верхние и нижние границы которого отличаются в несколько раз;

– допускается частичное заполнение профилей соискателей и работодателей.

Портал rabota.by как аккумулятор вакансий из регионов практически не развит.

Общереспубликанский банк вакансий содержит информацию о вакансиях и резюме по районам во всех областях, в том числе отнесенных к территориям с напряженной ситуацией на рынке труда, в то время как на порталах Praca.by и rabota.by размещены сведения о вакансиях и резюме по городам (административным центрам) этих районов. Из-за отсутствия единства в представлении информации анализ проводился в рамках каждой из названных платформ.

Исходя из данных автоматизированной информационной системы «Общереспубликанский банк вакансий» можно отметить, что наибольшее число безработных граждан в общем числе зарегистрированных безработных по районам, отнесенным к территориям с напряженной ситуацией на рынке труда в 2018–2020 гг., приходится на Борисовский, Солигорский и Молодечненский районы Минской области. Вместе с тем количество вакансий в этих районах является достаточным для лиц, нуждающихся в трудоустройстве. Число вакансий в Борисовском районе превышает численность безработных в 4,4 раза, в Солигорском районе – в 7,4 раза, в Молодечненском районе – в 5,7 раз. Наибольшее число вакансий в общем числе по выбранным районам приходится на Любанский район – 23%. Как следствие, коэффициент напряженности на рынке труда по выбранным районам является крайне низким и составляет от 0 до 0,2.

Среди размещенных вакансий по требованию к уровню образования преобладают вакансии со средним образованием – 37%, затем следуют вакансии со средним специальным образованием – 25,6%, вакансий с высшим образованием – 15,9%. В районах с наибольшим числом зарегистрированных безработных граждан преобладают вакансии со средним образованием: Борисовский район – 59%, Солигорский район – 55,1%. В Любанском районе (лидере по числу вакансий) преобладают вакансии со средним специальным образованием.

На данном портале размещено малое количество резюме. Вместе с тем, анализируя данные резюме, важно отметить, что почти половина приходится на людей с высшим образованием – 48,6%. Возраст соискателей, подавших резюме, находится в диапазоне от 29 до 53 лет, стаж работы от 5 до 30 лет. К тому же будущие работники в резюме часто отмечают отсутствие вредных привычек, высокую стрессоустойчивость, коммуникабельность, ответственность, владение языками (английский, белорусский), наличие водительских прав.

Анализ размещенных резюме показал, что соискатели чаще всего ищут работу:

- спортсмена-инструктора с заработной платой от 10 000 рублей;
- руководителя с заработной платой от 3000 рублей;
- мастера с заработной платой от 2000 рублей;
- начальника отдела с заработной платой от 2000 рублей;
- логистика с заработной платой от 2000 рублей;
- менеджера с заработной платой от 2000 рублей;
- специалиста с заработной платой от 2000 рублей.

Наниматели, объявляя о вакансиях, хотели бы видеть у себя работников с высшим образованием (большинство указанных вакансий), с опытом работы и свободно владеющих языками (китайским или английским).

Анализ вакансий и резюме, размещенных на портале Prasa.by, показал, что из общего числа вакансий (263) по административным центрам районов Минской области, отнесенным к территориям с напряженной ситуацией на рынке труда в 2018–2020 гг., наибольшее число вакансий в городах Борисове – 61 (23,2% от общего числа вакансий) и Молодечно – 51 (19,4%). Борисов и Молодечно являются административными центрами районов с большим по сравнению с другими выбранными районами коэффициентом напряженности на рынке труда – 0,226 и 0,176 соответственно. Вместе с тем для этих же городов, а также для города Солигорска характерно и наибольшее число резюме: в Борисове 5314 резюме (30,3% от общего числа резюме), в Молодечно – 3761 (21,5%), в Солигорске – 1675 (9,6%).

Наниматель в поиске работников при размещении вакансии на портале Prasa.by в основном не предъявляет требований к образованию, предлагает зарплату в размере от 250 до 2600 рублей и хотел бы видеть работника, за-

нятого у него полный рабочий день. Например, в городах Березино, Воложине, Дзержинске, Крупки, Мяделе, Несвиже и Столбцы нет вакансий с неполной ставкой. Наниматель также не предъявляет требований к полу работника, что объясняется соблюдением конституционного принципа равноправия женщины и мужчины «в труде и продвижении по службе (работе)», а также недопущением дискриминации в сфере трудовых отношений (ст. 14 Трудового кодекса Республики Беларусь).

При этом, исходя из резюме, размещенных на портале Prasa.by (всего 17 519), среднестатистический потенциальный работник административного центра районов Минской области, отнесенных к территориям с напряженной ситуацией на рынке труда в 2018–2020 гг., – это мужчина со средним или средним специальным образованием, желающий работать на полную ставку. При этом в административных центрах Борисовского, Молодечненского и Солигорского районов Минской области, в которых наибольшая численность безработных, зарегистрированных в органах по труду, занятости и социальной защите (231, 109 и 125 человек соответственно), количество резюме женщин превышает количество резюме мужчин.

Среди всех проанализированных резюме по административным центрам выбранных районов наибольшая часть – от будущих работников со средним или средним специальным образованием, желающих получать от 100 до 7000 рублей. Минимальный размер заработной платы 100 рублей содержится в резюме тех, кто ищет работу на неполный день, такие есть фактически в каждом городе. Максимальный размер заработной платы отмечен в резюме в городах Солигорске (6000 руб.), Молодечно (6000 руб.), Борисове (7000 руб.) и Несвиже (4000 руб.). При этом (за исключением Солигорска) Молодечно, Борисов и Несвиж являются административными центрами районов, в которых номинальная начисленная среднемесячная заработная плата за январь – ноябрь 2020 г. была соответственно 84,0; 85,1 и 89% к областному уровню.

Из общего числа вакансий (263) по административным центрам районов Минской области, отнесенным к территориям с напряженной ситуацией на рынке труда в 2018–2020 гг., размещенных на портале Prasa.by, наибольшее число вакансий:

- водителя и водителя-международника (38 вакансий, или 14,45%);
- кассира и кассира-контролера (27 вакансий, или 10,27%);

- инженера (инженера по качеству, по охране труда, инженера-конструктора, инженера-механика и проч.) (20 вакансий, или 7,60%);
- продавца и продавца-консультанта (19 вакансий, или 7,22%);
- заведующего отделом в торговой сети «Доброном» (14 вакансий, или 5,32%);
- грузчика (10 вакансий, или 3,80%);
- бухгалтера, в том числе главного, мастера (каждой по 9 вакансий, или 3,42%);
- повара и слесаря (каждой по 8 вакансий, или 3,04%).

На портале Prasa.by есть и вакансии, которые встречаются только один раз – бармен, боец скота, вальщик леса, маляр, маркетолог, пожарный, программист.

При этом основными требованиями нанимателей к работнику являются желание работать и зарабатывать, ответственность, порядочность, коммуникабельность, аккуратность, пунктуальность, наличие организаторских навыков – данные требования содержатся почти в каждом объявлении о вакансии. Для некоторых нанимателей также важен опыт работы, как правило от 1 года, уверенное владение ПК, культурное общение, улыбка, права категории СЕ, равнодушное отношение к алкоголю, отсутствие судимости. Реже наниматели в качестве требований к будущему работнику называют готовность к командировкам, наличие автомобиля, санитарной справки и действующей визы. Но в любом случае, предъявляя определенные требования, наниматели в большинстве своем ищут работников на полную занятость и работу на территории нанимателя.

Анализ резюме, размещенных на портале Prasa.by (всего 17519), по административным центрам районов Минской области, отнесенным к территориям с напряженной ситуацией на рынке труда в 2018–2020 гг., показал, что соискатели чаще всего ищут работу:

- продавца и продавца-консультанта (3229 резюме, или 18,43%);
- менеджера по продажам (1908 резюме, или 10,89%);
- водителя (1848 резюме, или 10,55%);
- менеджера по работе с клиентами (1232 резюме, или 7,03%);
- бухгалтера (1101 резюме, или 6,28%);
- администратора (657 резюме, или 3,75%);
- инженера (583 резюме, или 3,33%);
- курьера (217 резюме, или 1,24%).

Потенциальные работники имеют преимущественно образование выше среднего специального, владеют английским (25,37%), немецким (4,82%), польским (1,77%), французским

(1,23%) языками, имеют опыт работы, готовы работать на полную ставку, на территории нанимателя.

На портале rabota.by на 18 января 2021 г. было размещено 1227 вакансий и 123 610 резюме, на 1 вакансию приходится более 100 резюме. Портал дает возможность регистрировать более одного резюме, однако это не является главной причиной такой значительной разницы между представленным количеством резюме и вакансий: на 123 610 резюме приходится 108 204 соискателя. Это свидетельствует о достаточно напряженной ситуации на данном портале, при этом необходимо отметить несоответствие предлагаемых работодателями вакансий квалификационным требованиям соискателей рабочих мест. Так, из общего количества вакансий 47% предлагаются в сфере продаж, 15,6% – рабочий персонал, 14% – производство.

Считаем нужным отметить, что полное заполнение формы «резюме» и «вакансия» не обязательно. Многие соискатели не указывают свой возраст, пол, образование.

Только 78% работодателей указывают предполагаемый размер оплаты труда, некоторые работодатели указывают размер заработной платы до вычета налогов.

9,5% от общего числа вакансий предлагают частичную занятость, однако при этом порядка 20% от общего числа соискателей предпочитают работать неполный рабочий день. В количественном соотношении количество резюме соискателей на данный вид занятости превосходит количество вакансий более чем в 100 раз.

Из общего числа вакансий по административным центрам районов Минской области, отнесенным к территориям с напряженной ситуацией на рынке труда в 2018–2020 гг., наибольшее число вакансий в городах Борисове 235 (25,1% от общего числа вакансий), Молодечно 215 (23,3%) и Солигорске – 162 (17,5%). Вместе с тем для этих же городов характерно и наибольшее число резюме: в г. Борисове 28,3% от общего числа резюме, в г. Молодечно – 20,9%, в г. Солигорске – 13,9%. По численности населения самым крупным является г. Борисов, после него г. Солигорск, г. Молодечно находится на третьем месте по численности населения.

Самое большое несоответствие количества вакансий и резюме в г. Копыле (636 резюме на 1 вакансию), г. Клецке (более 325 резюме на 1 вакансию), г. Мяделе (более 170 резюме на 1 вакансию), г. Березино (более 170 резюме на 1 вакансию) и г. Несвиже (151 резюме на 1 вакансию). При этом по официальной статистике в Копыльском районе коэффициент напряженности

на рынке труда равен 0,052 (13-е место среди районов с напряженной ситуацией на рынке труда), в Клецком районе – 0,164 (4-е место среди районов с напряженной ситуацией на рынке труда), в Мядельском районе – 0,205 (2-е место среди районов с напряженной ситуацией на рынке труда), в Березинском районе – 0,047 (14-е место среди районов с напряженной ситуацией на рынке труда).

Как и на портале Prasa.by, в административных центрах Борисовского, Молодечненского и Солигорского районов Минской области количество резюме женщин превышает количество резюме мужчин.

Анализ вакансий на портале rabota.by показал, что наиболее часто работодатели ищут сотрудников в следующих сферах:

- продажи (520);
- производство (233);
- транспорт (144);
- бухгалтерский учет (130).

В сумме вакансии в данных сферах составили 90,7% от общего количества. Если сравнить с размещенными на портале резюме, то топ-5 размещено в сферах:

- начало карьеры, студенты (15479);
- продажи (8421);
- транспорт, логистика (4637);
- производство и сельское хозяйство (4160);
- бухгалтерский учет (3609).

В процентном соотношении данные резюме составляют 29,3% от общего количества. Необходимо отметить, что 12,5% от общего количества резюме размещены соискателями, которые только начинают свою трудовую деятельность.

Анализ показал, что работодатели не нуждаются в работниках высокой квалификации и длительным опытом работы. Так, в 46% от общего количества вакансий опыт работы не требуется, а в 44% требуемый опыт работы составляет 1–3 года. Характеризуя соискателей, можно сказать, что самой многочисленной категорией являются квалифицированные работники с опытом работы более 6 лет (22%), 36,8% соискателей имеют высшее образование, это свидетельствует о несоответствии предложения и спроса на рынке труда.

К наиболее распространенным компетенциям, которые соискатели указали в своих резюме, можно отнести: уверенное пользование ПК (отметили 5,96% соискателей), работа в команде (отметили 3,92% соискателей), водительское удостоверение категории В (отметили 2,63% соискателей), грамотная речь (отметили 2,47% соискателей), организаторские навыки (отметили 2,32% соискателей), управление персо-

налом (отметили 1,76% соискателей). Английским языком владеют на том или ином уровне 19,2% соискателей. При этом к наиболее часто упоминающимся работодателями компетенциям относятся: активные продажи, уверенное пользование ПК, ведение переговоров, работа в команде, владение английским языком, то есть компетенции, которые необходимы в сфере продаж (37% вакансий размещено в сфере продаж). В то же время соискателями указываются компетенции, которые свойственны специалистам и управленческому персоналу.

В соответствии с частью четвертой ст. 10 Закона Республики Беларусь от 15 июня 2006 г. № 125-З «О занятости населения Республики Беларусь» безработным гарантируется:

- бесплатное переобучение и получение востребованной профессии;
- выплата пособия по безработице, стипендии в период обучения, оказание материальной помощи;
- оказание содействия в переселении в связи с переездом в другую местность на новое место жительства и работы;
- бесплатный медицинский осмотр при приеме на работу и направлении на обучение;
- возможность участия в оплачиваемых общественных работах;
- выдача субсидий на открытие своего дела;
- содействие в приобретении опыта практической работы и другие гарантии.

Однако одна из причин экономической пассивности безработных заключается в менталитете и традициях, а также в завышенных требованиях потенциальных работников в части размера желаемой заработной платы. В целом одним из критериев оценки напряженности на рынке труда является несоответствие спроса и предложения на рабочие места по уровню образования и заработной платы.

В качестве одной из мер по стимулированию соотношения спроса и предложения на рынке труда, баланса вакансий и резюме может быть создание региональных порталов по поиску вакансий и размещению резюме, предназначенных как для тех, кто ищет работу, так и для работодателей. Кроме того, возможна организация и функционирование сайтов для отдельных категорий работников, например, лиц пенсионного возраста.

Сегодня трудоустройство людей старшего поколения и пенсионеров – непростой вопрос. Рынок труда предлагает людям старшего поколения не очень популярные и часто низкооплачиваемые должности: охранник (сторож), вахтер, гардеробщик, уборщица, дворник, кассир-кон-

тролер в театре, кондуктор. В более выгодном положении учителя, медработники, представители некоторых строительных специальностей (например, сметчики), соцработники, сотрудники коммунальных служб, почтовые работники. Их охотно берут на работу в любом возрасте. Но в большинстве случаев работодатели если и принимают пенсионеров, то предлагают заработную плату ниже, чем у других сотрудников.

Для решения проблем в сфере трудоустройства лиц пенсионного возраста, а следовательно, для решения вопросов дисбаланса работающего населения и пенсионеров необходимо созда-

ние таких рабочих мест, которые будут обеспечивать пожилым людям комфортные условия труда, способствовать развитию их навыков, а также передаче этих навыков молодому поколению. При условиях дисбаланса работающего населения и пенсионеров и незаинтересованности молодого поколения в устройстве на работу официально трудоустроить названные категории представляется реальным.

Необходима постоянная работа соответствующих онлайн-сервисов с актуальным обновлением вакансий, где пожилые люди смогут найти дополнительную занятость на несколько часов в день, несколько дней в неделю.

УДК 332.14

DOI: 10.31799/2411-4588-2021-1-96-101

Марина Владимировна Свириденко*

кандидат экономических наук, доцент

Анна Николаевна Леонтьева*

кандидат экономических наук, доцент

*Институт проблем региональной экономики РАН

Санкт-Петербург, Россия

МУНИЦИПАЛЬНАЯ ПРОЕКЦИЯ НАЦИОНАЛЬНЫХ ЦЕЛЕЙ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. В статье представлена роль муниципальных образований в достижении национальных целей развития Российской Федерации и проблемы взаимодействия в данном контексте между региональными и федеральными органами власти и органами местного самоуправления. В качестве важнейшего условия успешной реализации национальных приоритетов развития авторы выделяют кадровое обеспечение муниципального звена управления.

Ключевые слова: муниципальные образования, национальные проекты, национальные цели, развитие, стратегическое планирование.

Marina V. Sviridenko*

PhD Sc. Economic, Associate Professor

Anna N. Leontieva*

PhD Sc. Economic, Associate Professor

*Institute for Regional Economy Studies Russian Academy of Sciences

St. Petersburg, Russia

MUNICIPAL PROJECTION OF THE NATIONAL DEVELOPMENT GOALS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. The article presents the role of municipalities in achieving the national development goals of the Russian Federation and the problems of interaction in this context between regional and federal authorities and local self-government bodies. The authors single out the personnel support of the municipal management level as the most important condition for the successful implementation of national development priorities.

Keywords: municipalities, national projects, national goals, development, strategic planning.

В условиях острого дефицита ресурсов разного порядка – финансовых, временных, человеческих – выстраивание эффективной системы публичной власти как целостной системы, подчиненной единой логике развития, является обязательным условием достижения национальных целей развития Российской Федерации до 2030 г. и успешной реализации национальных проектов как стержневой основы современного социально-экономического развития – как на региональном, так и на муниципальном уровне. Результативная работа на местах предполагает не только активное вовлечение органов местного самоуправления в реализацию уже утвержденных федеральных и региональных проектов, но и обеспечение продуктивного сотрудничества

на этапе планирования и разработки документов стратегического планирования.

В настоящее время Российская Федерация определяет свое развитие на перспективу 10 лет и более и планирует в стратегических документах свои цели, задачи, целевые показатели и приоритеты развития по различным направлениям социально-экономического развития и отраслям деятельности.

Местное самоуправление активно включено в процессы стратегического планирования, протекающие на федеральном и региональном уровнях, по целому ряду обстоятельств:

– муниципальные образования различного уровня являются первичным звеном административно-территориального деления страны

и представляют собой значимое звено муниципального устройства, имеющего определенные и четко очерченные административные границы в пределах региона;

– муниципалитеты, являясь частью социально-экономического пространства страны и ее регионов, концентрируют на своей территории экономические и социальные ресурсы, способствующие формированию производственных отношений;

– органы местного самоуправления по своей конституционной природе и поставленным задачам являются наиболее приближенными к населению уровнями публичной власти, решающими важнейшие насущные проблемы, присущие местному сообществу;

– и последнее наиболее важное обстоятельство состоит в том, что, к сожалению, социально-экономическое развитие подавляющего большинства муниципальных образований страны невозможно без участия в федеральных и региональных программах и инфраструктурных проектах развития.

В стране в последнее десятилетие сложилась и действует система стратегического планирования страны, ее регионов и муниципалитетов. Ее основу составляет целый ряд принятых и действующих федеральных стратегических и концептуальных документов, которые в том числе напрямую касаются вопросов муниципального управления. Прежде всего, это Основы государственной политики регионального развития на период до 2025 г., Стратегия экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 г., Стратегия экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 г.¹

Однако одним из ключевых нововведений последних лет в системе государственного управления стали приоритетные национальные проекты. В настоящее время приоритетные национальные проекты занимают особое место в системе национального прогнозирования и программирования. В соответствии с Указом Президента Российской Федерации № 204 от 07.05.2018 [1] они тесно переплетаются со стратегическими направлениями и государственными программами. На рис. 1 приведены возмож-

ности участия муниципальных образований в системе национальных и федеральных проектов в Российской Федерации по направлению «Человеческий капитал», подобные возможности у муниципальных образований существуют также по направлениям «Комфортная среда для жизни» и «Экономический рост».

Приоритетные национальные проекты достаточно органично были встроены в систему государственного и муниципального управления, а ответственность за реализацию возложена не только на федеральные, но и на региональные и муниципальные органы власти.

На заседании Совета при Президенте Российской Федерации по развитию местного самоуправления, состоявшемся 30 января 2020 г., Президент Российской Федерации В. В. Путин отметил, что «успешная реализация национальных проектов невозможна без активного участия в этой работе муниципальных органов власти. Наша общая задача – обеспечить эффективность местного самоуправления, устранить разрывы, несогласованность между регионами и муниципалитетами» [2].

Стоит отметить, что в настоящее время органы местного самоуправления участвуют в реализации мероприятий региональных проектов по следующим направлениям: демография, здравоохранение, образование, жилье и городская среда, экология, безопасные и качественные автомобильные дороги, цифровая экономика, культура, малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы, производительность труда и поддержка занятости.

Организационно-правовыми механизмами, обеспечивающими участие органов местного самоуправления в реализации национальных проектов, применяемыми на территории Российской Федерации, являются:

– включение в паспорта региональных проектов результатов, достижение которых относится к вопросам местного значения муниципальных образований, а также представителей органов местного самоуправления;

– отражение в паспортах региональных проектов финансового обеспечения достижения результатов региональных проектов;

– участие органов местного самоуправления в органах управления проектной деятельностью субъектов Российской Федерации;

– заключение соглашений о достижении результатов и целевых показателей региональных проектов и соглашений о предоставлении субсидий из бюджета субъекта Российской Федерации в бюджет муниципального образования;

¹ Основы государственной политики регионального развития на период до 2025 г. (утверждены Указом Президента РФ от 16 января 2017 г. № 13). Стратегия экономической безопасности РФ на период до 2030 г. (утверждена Указом Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208); Стратегия экологической безопасности РФ на период до 2025 г. (утверждена Указом Президента РФ от 19 апреля 2017 г. № 176).

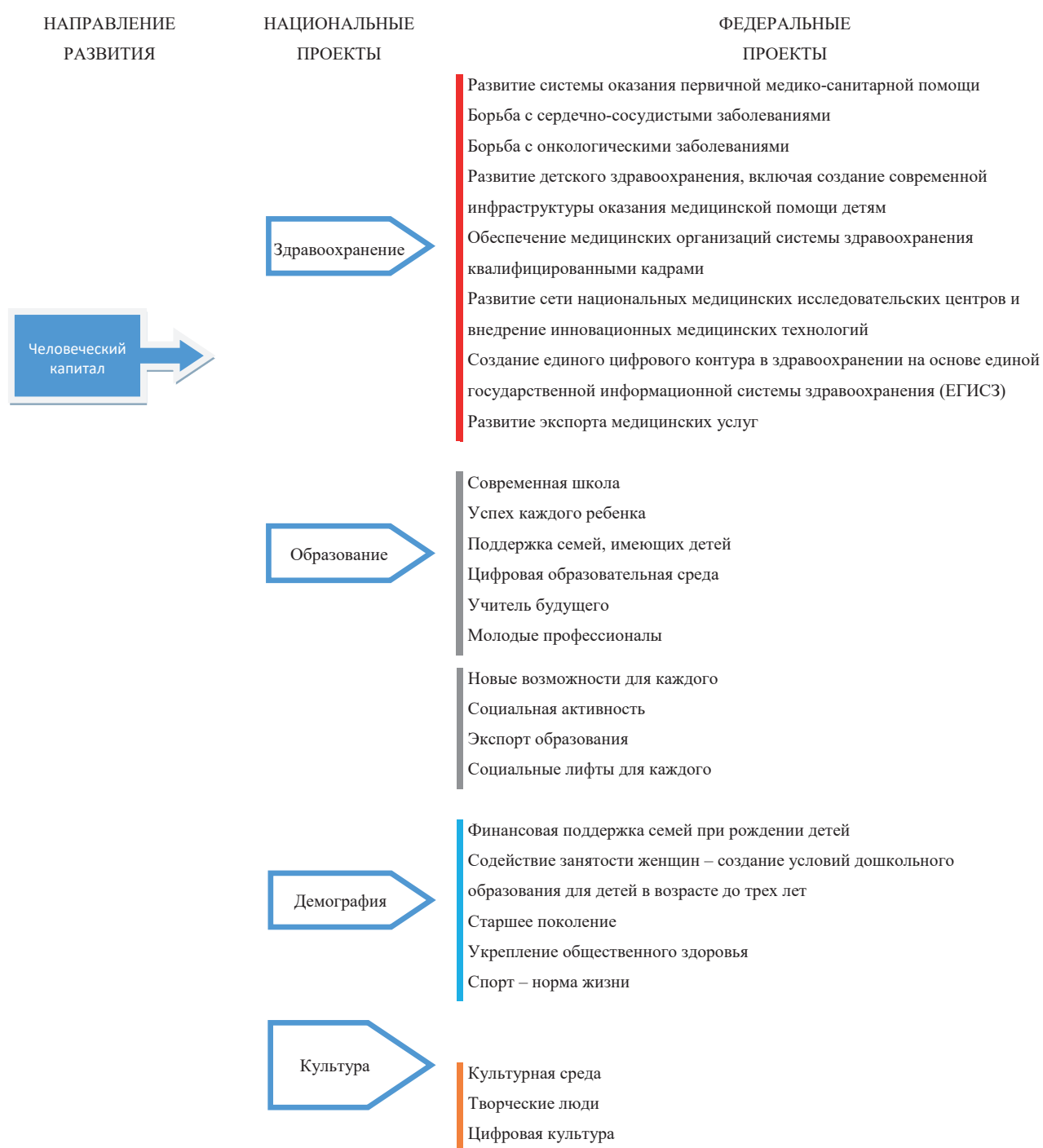


Рис. 1. Пример участия муниципальных образований в системе национальных проектов в Российской Федерации по направлению «Человеческий капитал» (по Указу Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»)

– региональные и муниципальные центры компетенций и ресурсные центры, создаваемые в том числе для поиска и отбора успешных практик и управленческих решений для тиражирования на территориях муниципальных образований, развития компетенций для регио-

нальных и муниципальных управленческих команд, включая разработку соответствующих образовательных модулей для подготовки команд, направленных на успешную реализацию региональных проектов и муниципальных программ;

– создание муниципальных проектных офисов и проектных комитетов;

– муниципальные программы, планы мероприятий и рабочие планы «дорожные карты» администраций муниципальных образований по достижению результатов региональных проектов;

– реализация программ подготовки, переподготовки и повышения квалификации муниципальных служащих по направлениям участия муниципальных образований в реализации мероприятий в рамках региональных проектов.

Значимую роль в реализации органами местного самоуправления мероприятий в рамках региональных проектов играет участие жителей как в определении приоритетных проектов для их реализации на территории конкретного муниципального образования, так и личное участие в реализации проектов и осуществлении общественного контроля.

В то же время некоторые исследователи [3, 4] считают, глубина решаемых проблем, сложность реализации отдельных проектов ставят под угрозу использование данного инструмента государственного управления. Добавим, что существенные сложности возникают у муниципальных органов управления при достижении целей национальных проектов. Среди ключевых проблем, с которыми сталкиваются регионы и муниципальные образования, выполняя поставленные задачи органов федеральной власти, – низкая квалификация кадров сельских поселений и существенное удорожание реализуемых проектов на территории. Отдельная проблема для большинства регионов и муниципальных образований – это дальнейшее содержание социальных и инфраструктурных объектов, которые строятся по национальным проектам, что требует постоянного обновления бюджетов всех уровней.

Муниципальное сообщество крайне разнообразно: муниципальные районы, прилегающие к крупнейшим агломерациям, и их проблемные зоны существенно отличаются от таковых, расположенных на значительном расстоянии от крупных городов. Сельские поселения испытывают трудности с закреплением и привлечением жителей, а городские поселения с интенсивным жилищным строительством сталкиваются с возрастающей нехваткой объектов социальной инфраструктуры. Однако ряд проблем являются общими, среди которых следует выделить ограниченность бюджетных возможностей для осуществления не только переданных государственных полномочий, но и решения вопросов

местного значения, коммуникацию с системой органов государственной власти и дефицит высококвалифицированных кадров.

Все перечисленные вопросы увязаны между собой и требуют системного решения. В материалах Общероссийского Конгресса муниципальных образований отмечено, что «в условиях хронического отсутствия финансовых ресурсов для решения вопросов местного значения отдельные государственные полномочия, передаваемые без должного финансового обеспечения, создают дополнительные препятствия для эффективной работы муниципальных образований» [5]. Этот вопрос является предметом коммуникации с государственными органами власти, осложненной зависимостью муниципальных образований от региональных и федеральных межбюджетных трансфертов. В условиях отсутствия собственного бюджета развития (а в случае с депрессивными муниципальными образованиями – наличия ресурсов, достаточных лишь для обеспечения деятельности муниципальных администраций) взаимодействие осуществляется фактически одноканально, для сохранения де-факто, а не де-юре независимости местного самоуправления необходим пересмотр системы распределения налогов между уровнями бюджетов Российской Федерации. Эти изменения являются прерогативой федеральных управляющих органов, и данный вопрос, как системообразующий для развития местного самоуправления, активно дебатировался уже длительное время. Положительным сигналом, свидетельствующим о понимании необходимости преобразований в сфере местного самоуправления, является Поручение Президента Российской Федерации Правительству Российской Федерации представить проект основ государственной политики Российской Федерации в области развития местного самоуправления до 2030 г. до 1 октября 2021 г.

Таким образом, системные противоречия ожидают своего решения в рамках разработки концептуальных, а в дальнейшем и стратегических документов национального уровня. В настоящее время есть возможность усилить и совершенствовать один из каркасных и в то же время наиболее уязвимых элементов системы местного самоуправления – кадровое обеспечение. Центростремительный вектор миграции человеческого капитала является вызовом для всех территорий, нарастающим по мере удаленности от экономических центров. Конкуренция данной формы занятости с предпринимательским сектором или государственной службой не позволяет привлекать к работе в муниципаль-

ных администрациях и муниципальных учреждениях высококвалифицированные кадры в масштабах, необходимых для качественной трансформации системы управления муниципальным развитием. Успешная реализация будущих нововведений предполагает устранение или снижение остроты проблемы кадрового дефицита в муниципальном секторе.

«В сельской местности, где бюджетный сектор является ресурсобразующим и зачастую единственным возможным местом работы, остро стоит проблема в образовании и обладании необходимыми компетенциями управленцев, что особенно актуально с учетом нарастающих темпов цифровизации. Это явление объясняется комплексом причин, среди которых наиболее существенные: неоправданно низкий уровень заработной платы в органах местного самоуправления при большом объеме должностных обязанностей, а также высокий уровень административной и уголовной ответственности за неисполнение или ненадлежащее исполнение должностных обязанностей» [5].

В целом за последнее десятилетие в Северо-Западном федеральном округе наблюдается сокращение численности работников органов местного самоуправления, что преимущественно обусловлено процессом оптимизации территориальной организации местного самоуправления. При этом численность работников органов исполнительной власти субъектов СЗФО РФ остается стабильной (рис. 2).

Если вопрос материального стимулирования и повышения конкурентоспособности муниципальной службы по критерию заработной платы в настоящее время прорабатывается, то вопрос формирования у муниципальных служащих проактивного подхода, стремления к повышению квалификации лежит в плоскости личной мотивации. Даже при условии выделения средств для обучения и повышения квалификации (что требует дополнительного анализа и корректировки для устранения элемента формальности подобных программ) без заинтересованности исполнителей в результате, личной вовлеченности и осознания значимости своей функции эффективность работы не будет обеспечена на том уровне, который необходим для успешного формирования системы публичной власти. Успешная реализация национальных проектов во многом обусловлена деятельным участием, мотивацией исполнителей из числа государственных и муниципальных служащих к достижению результатов, а не избеганию неудач. Значимость нематериального компонента также обусловлена сменой поколений в органах управления всех уровней: на смену кадрам, профессиональное становление которых пришлось на 1990–2010 гг. приходят специалисты, родившиеся в новом веке, и их ценности в меньшей степени предполагают разделение заработка и увлечения.

С. В. Недвижай и М. Х. Узденова [6] провели опрос, согласно которому уже сейчас главным мотивом при работе в органах местного само-

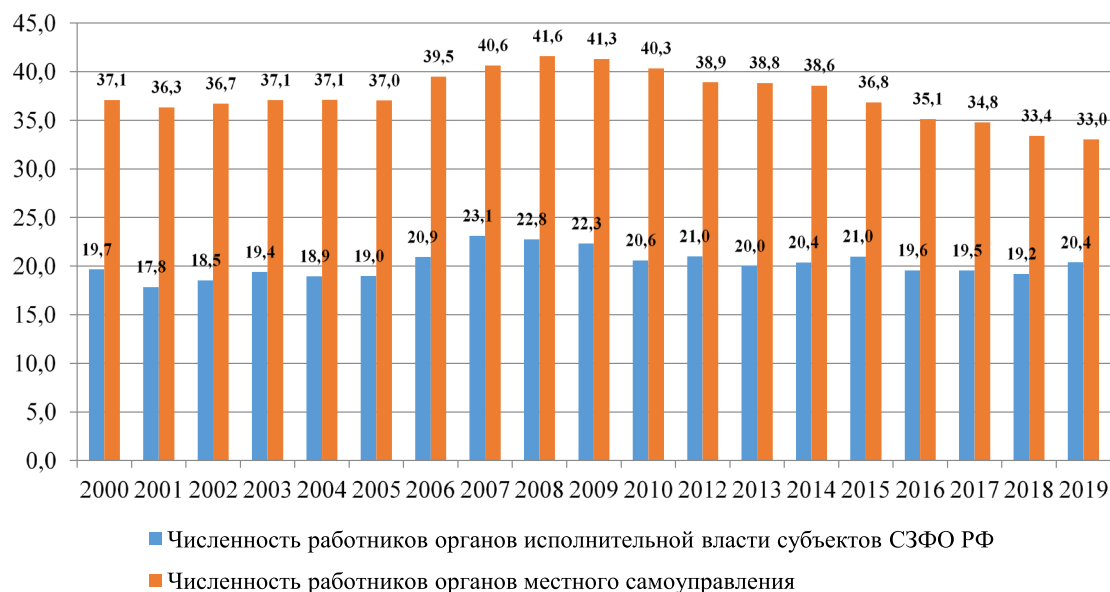


Рис. 2. Численность работников органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления в Северо-Западном федеральном округе Российской Федерации (по данным Федеральной службы государственной статистики)

управления является возможность реализовать себя (32 %), а следующим по значимости является фактор «интересной работы» (16 %).

Актуальность указанной проблемы в полной мере осознается на федеральном уровне, что подтверждает разработка Министерством труда и социальной защиты Российской Федерации Методики по нематериальной мотивации государственных гражданских служащих Российской Федерации [7], согласно которой «эффективность государственного регулирования в значительной степени зависит от стабильности функционирования государственных институтов. Достижения в деятельности государственных органов являются прямым следствием результатов интеллектуального труда государственных гражданских служащих, в связи с чем формирование профессионального кадрового состава входит в число первоочередных задач совершенствования государственного управления. Сохранение в государственном органе высокопрофессиональных кадров требует внедрения технологий, стимулирующих гражданских служащих к долгосрочной деятельности, ориентированной на достижение конкретных результатов».

Методика содержит описание конкретных мер по созданию системы нематериального стимулирования, среди которых создание комфортных организационно-технических и психофизиологических условий, обеспечение должностного роста и профессионального развития, а также повышение сложности и ответственности выполняемых гражданским служащим задач. Важнейшим аспектом Методики являются практические инструменты по диагностике системы нематериальной мотивации в государственном органе власти.

Все представленные положения могут быть применены и для муниципальных служащих, однако специфика работы и характер трудовых отношений муниципальных служащих требуют адаптации Методики к кадрам органов местного самоуправления. Дополнительной проработки требует вопрос о нематериальном стимулировании деятельности муниципальных служащих в сельской местности, поскольку условия труда принципиально отличаются от таковых в структуре федеральных и региональных органов власти.

С учетом всего изложенного следует заключить, что достижение национальных целей развития Российской Федерации в соответствии с заданными параметрами возможно при условии всестороннего изучения потребностей и возможностей органов местного самоуправления как полноправных участников федеральных и региональных проектов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года». URL: <https://base.garant.ru> (дата обращения: 15.04.2021).
2. Заседание Совета при Президенте РФ по развитию местного самоуправления. URL: <http://prezident.org/tekst/stenogramma-zasedanie-sovetaporo-razvitiyu-mestnogo-samoupravlenija-30-01-2020.html> (дата обращения: 15.04.2021).
3. Свириденко М. В., Леонтьева А. Н. Реализация национальных проектов на муниципальном уровне: социально-экономические и кадровые аспекты // Актуальные проблемы труда и развития человеческого потенциала: сб. науч. трудов / под ред. В. И. Сигова, С. В. Кузнецова. СПб., 2020. С. 142–148.
4. Костарева Л. В. Реализация приоритетных национальных проектов в Российской Федерации: проблемы и перспективы // Общество, экономика, управление. 2018. Т. 3. № 1. С. 37–44.
5. Доклад Всероссийской ассоциации развития местного самоуправления «О состоянии местного самоуправления в Российской Федерации в 2019 году, перспективах его развития и предложения по совершенствованию организации местного самоуправления». URL: <http://okmo.news/event.php?43> (дата обращения: 15.04.2021).
6. Недвижай С. В., Узденова М. Х. Управление мотивацией муниципальных служащих // Бюллетень науки и практики. 2016. № 4 (5). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/upravlenie-motivatsiey-munitsipalnyh-sluzhaschih> (дата обращения: 15.04.2021).
7. Нематериальная мотивация государственных гражданских служащих Российской Федерации. URL: <https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/gossluzhba/16/16> (дата обращения: 15.04.2021).

УДК 332.146

DOI: 10.31799/2411-4588-2021-1-102-109

Марианна Владимировна Мирославская

кандидат экономических наук, доцент

Балтийский государственный технический университет «ВОЕНМЕХ» им. Д. Ф. Устинова

Санкт-Петербург, Россия

**ФАКТОРЫ РЕАЛИЗАЦИИ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ
ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ**

Аннотация. В настоящее время импортозамещение рассматривается как одно из приоритетных направлений развития экономики страны, актуальность которого возникла в ответ на введенные санкции западных стран, предполагающее снижение доли импорта продукции, услуг, технологий, развитие производственной базы в наиболее важных отраслях и в конечном итоге повышение уровня экономической безопасности страны. Несмотря на то, что санкции накладывают серьезные ограничения на деятельность ведущих российских компаний, в текущих условиях вкуче с продолжающейся эпидемией коронавируса именно они являются серьезным стимулом для реализации политики импортозамещения.

Данные Росстата показывают, что для сельского хозяйства регионов политика импортозамещения привела к позитивным последствиям. Однако особое значение для проведения политики импортозамещения имеет результативность государственной политики в области цифровизации и внедрение инновационных технологий искусственного интеллекта.

Определены положительные эффекты от процесса цифровизации на уровне региона, влияющие на реализацию политики импортозамещения: повышение качества жизни населения региона; рост производительности труда за счет ускорения всех бизнес-процессов и сокращения времени на коммуникации в регионе; появление новых форм бизнеса и новых бизнес-моделей для повышения прибыльности и конкурентоспособности; повышение прозрачности хозяйственных операций и обеспечение возможности их мониторинга; обеспечение доступности и продвижения товаров и услуг на региональные рынки.

Ключевые слова: импортозамещение, экономика региона, региональная политика, инновационное развитие, санкционные ограничения, цифровизация.

Marianna V. Miroslavskaya

PhD Sc. Economic, Associate Professor

Baltic State Technical University «VOENMEH» named after D. F. Ustinov

St. Petersburg, Russia

**PRINCIPLES FOR ASSESSING THE INNOVATIVE POTENTIAL
OF THE RUSSIAN REGIONS**

Abstract. Currently, import substitution is considered as one of the priority directions of the country's economic development, the relevance of which arose in response to the imposed sanctions of Western countries, which implies a decrease in the share of imports of products, services, technologies, the development of an industrial base in the most important industries and, ultimately, an increase in the level of economic security of the country. Despite the fact that the sanctions impose serious restrictions on the activities of leading Russian companies, in the current conditions, coupled with the ongoing coronavirus epidemic, they are a serious incentive for the implementation of the import substitution policy.

Rosstat data show that the import substitution policy has led to positive consequences for the agriculture of the regions. However, the effectiveness of the state policy in the field of digitalization and the introduction of innovative artificial intelligence technologies are of particular importance for the implementation of the import substitution policy. The following positive effects from the digitalization process at the regional level, influencing the implementation of the import substitution policy, are highlighted: improving the quality of life of the region's population; growth of labor productivity by speeding up all business processes and reducing communication time in the region; the emergence of new forms of business and new business models to increase profitability and competitiveness; increasing the transparency of business transactions and ensuring the possibility of their monitoring; ensuring the availability and promotion of goods and services to regional markets.

Keywords: import substitution, regional economy, regional policy, innovative development, sanctions restrictions, digitalization.

Введение

Санкционные ограничения ряда западных стран привели к рассмотрению импортоза-

щения как одного из приоритетных направлений развития экономики страны, был объявлен курс на импортозамещение, предполагающий обеспечение экономической безопасности стра-

Таблица 1

Производство основных видов импортозамещающих пищевых продуктов в Российской Федерации, тыс. т [1]

| Пищевой продукт | 2018 г. | 2019 г. | Январь – декабрь 2020 г. | Январь – декабрь 2020 г. в % к январю – декабрю 2019 г. | Январь – март 2021 г. | Январь – март 2021 г. в % к январю – марту 2020 г. |
|---|---------|---------|--------------------------|---|-----------------------|--|
| Мясо крупного рогатого скота (говядина и телятина) парное, остывшее или охлажденное, в том числе для детского питания | 227 | 242 | 248 | 102,2 | 60,3 | 107,0 |
| Мясо крупного рогатого скота (говядина и телятина) замороженное, в том числе для детского питания | 71,4 | 66,6 | 78,8 | 118,3 | 17,9 | 101,0 |
| Свинина парная, остывшая или охлажденная, в том числе для детского питания | 2415 | 2491 | 2788 | 111,9 | 659 | 101,5 |
| Свинина замороженная, в том числе для детского питания | 254 | 323 | 346 | 107,2 | 86,0 | 94,1 |
| Мясо и субпродукты пищевые домашней птицы | 4877 | 4840 | 4768 | 98,5 | 1124 | 94,0 |
| Изделия колбасные, включая изделия колбасные для детского питания | 2282 | 2282 | 2361 | 103,5 | 552 | 103,9 |
| Рыба морская живая, не являющаяся продукцией рыбоводства | 154 | 127 | 154 | 120,7 | 26,1 | 74,3 |
| Рыба морская свежая или охлажденная, не являющаяся продукцией рыбоводства | 847 | 827 | 815 | 98,5 | 226 | 91,0 |
| Рыба мороженая | 3056 | 2989 | 2996 | 100,2 | 685 | 84,5 |
| Филе рыбное мороженое | 155 | 163 | 174 | 106,6 | 69,3 | 113,3 |
| Овощи (кроме картофеля) и грибы замороженные | 55,9 | 83,7 | 100 | 119,8 | 28,7 | 130,9 |
| Овощи (кроме картофеля) и грибы, консервированные для кратковременного хранения | 37,1 | 32,6 | 31,8 | 97,4 | 8,5 | 114,1 |
| Фрукты, ягоды и орехи, свежие или предварительно подвергнутые тепловой обработке, замороженные | 16,8 | 22,2 | 24,7 | 111,0 | 5,0 | 103,1 |
| Молоко жидкое обработанное, включая молоко для детского питания | 5457 | 5425 | 5514 | 101,6 | 1417 | 101,6 |
| Сливки | 150 | 163 | 188 | 115,1 | 58,7 | 127,0 |
| Творог | 501 | 469 | 491 | 104,8 | 126 | 99,6 |
| Масло сливочное | 267 | 269 | 282 | 104,7 | 65,4 | 98,9 |
| Сыры | 467 | 540 | 566 | 104,8 | 133 | 98,9 |
| Продукты молочные сгущенные, млн усл. банок | 806 | 717 | 717 | 100,0 | 158 | 94,6 |
| Продукты кисломолочные (кроме творога и продуктов из творога) | 2819 | 2793 | 2751 | 98,5 | 675 | 95,2 |

ны, снижение доли импорта продукции, услуг, технологий, развитие производственной базы в наиболее важных отраслях. Россия также ограничила импорт ряда продовольственных товаров из стран, введших санкции. Политика импортозамещения успешно проводится в пищевой промышленности, об этом свидетельствуют данные Росстата [1].

К сожалению, 2020 г. стал сложным для сельского хозяйства, в том числе для сельского хозяйства Северо-Западного региона: по картофелю и овощам наблюдалось снижение сборов, исключение составила Мурманская область, однако в абсолютных величинах вклад данной области в показатели СЗФО не высок, доля валовых сборов сельскохозяйственных культур Мурманской области 2020 г. составляет приблизительно 0,5% (табл. 2).

По мнению ряда экспертов, другие отрасли для реализации политики импортозамещения нуждаются в интенсификации цифровизационных процессов. Президент России В. В. Путин неоднократно заявлял о необходимости осуществления цифровой трансформации всей России в целом. В рамках международной конференции, проходившей в формате видеоконференции Artificial Intelligence Journey 2020, в дискуссии «Искусственный интеллект – главная технология XXI века» глава государства уточ-

нил, что цифровую трансформацию России следует провести в ближайшие 10 лет, повсеместно внедряя технологии искусственного интеллекта, анализа больших данных [2].

Особое значение в обеспечении результативности государственной политики в области цифровизации и внедрение инновационных технологий искусственного интеллекта имеет региональный аспект. В [3] указано, что устойчивое развитие основано на постоянных инновациях, в повышении качества по всем трем его составляющим: экономический рост, социальное развитие и защита окружающей среды. Возможности экономического роста и регионального развития, достижение социального благосостояния населения региона в значительной мере определяются развитием и накоплением инновационного потенциала региона, повышением отдачи от него [4].

В этой связи актуальность приобретают исследования в области создания условий для интенсификации научного поиска в области оценки и реализации инновационного потенциала региона, формирование которого напрямую зависит и от уровня научно-технологического развития региона, и от финансового обеспечения развития региона, и от состояния его человеческих ресурсов [5], а развитие методологии анализа состояния и оценки инновационного по-

Таблица 2 [1]

Валовые сборы сельскохозяйственных культур в хозяйствах всех категорий Северо-Западного федерального округа, тыс. т

| Субъект | Картофель | | | Овощи | | | Фрукты и ягоды | | |
|--|---------------|--------------|-----------------------|--------------|--------------|-----------------------|----------------|--------------|-----------------------|
| | 2019 г. | 2020 г. | 2020 г. в % к 2019 г. | 2019 г. | 2020 г. | 2020 г. в % к 2019 г. | 2019 г. | 2020 г. | 2020 г. в % к 2019 г. |
| Северо-Западный федеральный округ | 1015,1 | 918,2 | 90,4 | 525,7 | 513,6 | 97,7 | 148,1 | 144,8 | 97,8 |
| Республика Карелия | 33,0 | 31,7 | 96,3 | 8,6 | 8,5 | 99,4 | 3,5 | 4,3 | 123,0 |
| Республика Коми | 42,0 | 58,5 | 139,2 | 14,6 | 27,5 | 188,6 | 4,1 | 5,5 | 135,7 |
| Архангельская область | 81,0 | 79,8 | 98,5 | 25,6 | 26,2 | 102,3 | 7,3 | 7,5 | 102,8 |
| в том числе Ненецкий автономный округ | 0,7 | 0,7 | 101,9 | 0,1 | 0,1 | 101,5 | 0,0 | 0,0 | 85,5 |
| Архангельская область (без автономного округа) | 80,3 | 79,1 | 98,4 | 25,5 | 26,1 | 102,3 | 7,3 | 7,5 | 102,8 |
| Вологодская область | 190,8 | 136,6 | 71,6 | 52,2 | 52,4 | 100,4 | 10,2 | 10,6 | 104,4 |
| Калининградская область | 137,2 | 122,6 | 89,4 | 76,0 | 66,1 | 87,1 | 42,1 | 37,0 | 87,9 |
| Ленинградская область | 204,8 | 187,1 | 91,4 | 199,8 | 182,7 | 91,5 | 54,4 | 53,2 | 97,8 |
| Мурманская область | 4,8 | 5,8 | 121,9 | 0,5 | 0,7 | 133,3 | 0,4 | 0,7 | 188,4 |
| Новгородская область | 184,9 | 180,9 | 97,8 | 114,7 | 114,4 | 99,8 | 14,9 | 14,4 | 96,5 |
| Псковская область | 136,7 | 115,1 | 84,3 | 33,9 | 35,1 | 103,5 | 11,3 | 11,6 | 102,9 |

тенциала федеральных округов и входящих в их состав регионов – чрезвычайно актуальная задача [6].

В современном мире, особенно в реалиях пандемии коронавируса SARS-CoV-2, цифровизация всех сфер, и в том числе экономики, является неотъемлемой частью жизни и развития общества. Вопросы использования цифровых технологий в России, влияния экономических санкций на цифровую трансформацию регионов являются актуальными и подлежащими исследованию. Необходимо найти пути и перспективы развития цифровых технологий как одного из инструментов реализации политики импортозамещения.

Цифровизация сегодня является одной из основных концепций экономической деятельности в разных сферах жизни и производства регионов. На основании базовых принципов проведения анализа состояния и оценки потенциала развития федерального округа, изложенных в [7], предлагаются следующие основные принципы проведения анализа инновационного потенциала региона: развитие инновационного потенциала региона означает и экстенсивный рост его показателей, и их качественное совершенствование; ориентация на улучшение качества жизни населения; постоянная ориентация на достижение стратегических целей. Под таким качественным совершенствованием понимается цифровизация и внедрение инновационных технологий искусственного интеллекта.

Цифровизация более сложный процесс с технической точки зрения, но концептуально он является продолжением развития идей информатизации. Многие принципы, методы и различные инструменты анализа и управления процессами схожи. Цифровизация является логичным продолжением идей информатизации как на уровне отдельного человека, так и на государственном уровне. Процесс цифровизации на уровне региона и государства в целом неизбежен, и этому есть много причин: глобализация экономики, появление новых инструментов получения и распространения информации, общий технический прогресс, развитие и доступность мобильных устройств и интернет-технологий, цифровизация рабочих мест. Данные Росстата убедительно доказывают рост количества высокопроизводительных рабочих мест во внебюджетном секторе экономики [1].

Рост количества высокопроизводительных рабочих мест во внебюджетном секторе экономики закономерно вызовет улучшение качества жизни человека, что является целью экономики. Это подтверждает тенденцию, обозначен-

Таблица 2

Количество высокопроизводительных рабочих мест во внебюджетном секторе экономики, тыс. ед. [1]

| Субъект | 2019 г. | 2020 г. |
|--|-----------------|-----------------|
| Российская Федерация | 16 245,0 | 16 938,3 |
| Центральный федеральный округ | 5 016,7 | 5 296,8 |
| Белгородская область | 197,9 | 217,1 |
| Брянская область | 100,0 | 99,2 |
| Владимирская область | 154,5 | 154,7 |
| Воронежская область | 250,0 | 275,2 |
| Ивановская область | 57,9 | 60,1 |
| Калужская область | 132,7 | 126,2 |
| Костромская область | 50,4 | 54,1 |
| Курская область | 111,4 | 119,8 |
| Липецкая область | 135,7 | 142,0 |
| Московская область | 924,1 | 957,8 |
| Орловская область | 63,2 | 68,9 |
| Рязанская область | 135,9 | 141,3 |
| Смоленская область | 85,7 | 90,3 |
| Тамбовская область | 81,4 | 89,3 |
| Тверская область | 122,5 | 135,1 |
| Тульская область | 185,8 | 192,4 |
| Ярославская область | 140,2 | 148,7 |
| г. Москва | 2 087,4 | 2 224,8 |
| Северо-Западный федеральный округ | 2 065,9 | 2 088,2 |
| Республика Карелия | 64,0 | 68,5 |
| Республика Коми | 111,0 | 107,0 |
| Архангельская область | 173,1 | 167,7 |
| Ненецкий авт. округ | 15,3 | 15,5 |
| Архангельская область без авт. округа | 157,7 | 152,3 |
| Вологодская область | 132,2 | 145,0 |
| Калининградская область | 85,9 | 95,6 |
| Ленинградская область | 229,8 | 234,5 |
| Мурманская область | 96,1 | 102,5 |
| Новгородская область | 57,2 | 55,1 |
| Псковская область | 48,2 | 51,0 |
| г. Санкт-Петербург | 1 068,4 | 1 061,2 |
| Южный федеральный округ | 1 214,7 | 1 310,6 |
| Республика Адыгея | 24,4 | 25,2 |
| Республика Калмыкия | 8,7 | 10,7 |
| Республика Крым | 132,2 | 130,7 |
| Краснодарский край | 397,8 | 455,4 |

Продолжение табл. 2 [1]

| Субъект | 2019 г. | 2020 г. |
|--|---------|---------|
| Астраханская область | 63,7 | 69,1 |
| Волгоградская область | 211,4 | 224,4 |
| Ростовская область | 346,3 | 364,3 |
| г. Севастополь | 30,2 | 30,8 |
| Северо-Кавказский федеральный округ | 297,5 | 293,2 |
| Республика Дагестан | 31,7 | 27,4 |
| Республика Ингушетия | 5,4 | 5,4 |
| Кабардино-Балкарская Республика | 18,2 | 18,0 |
| Карачаево-Черкесская Республика | 12,0 | 13,1 |
| Республика Северная Осетия – Алания | 23,5 | 22,8 |
| Чеченская Республика | 23,2 | 21,4 |
| Ставропольский край | 183,5 | 185,1 |
| Приволжский федеральный округ | 3 239,5 | 3 359,8 |
| Республика Башкортостан | 378,0 | 389,1 |
| Республика Марий Эл | 59,7 | 62,9 |
| Республика Мордовия | 90,4 | 89,5 |
| Республика Татарстан | 506,1 | 508,0 |
| Удмуртская Республика | 200,2 | 188,9 |
| Чувашская Республика | 103,0 | 106,0 |
| Пермский край | 312,4 | 339,6 |
| Кировская область | 132,9 | 135,4 |
| Нижегородская область | 438,0 | 454,5 |
| Оренбургская область | 193,4 | 195,0 |
| Пензенская область | 114,9 | 124,0 |
| Самарская область | 376,6 | 414,0 |
| Саратовская область | 216,2 | 232,3 |
| Ульяновская область | 117,8 | 120,6 |
| Уральский федеральный округ | 1 722,4 | 1 773,7 |
| Курганская область | 51,4 | 63,6 |
| Свердловская область | 520,2 | 555,9 |
| Тюменская область | 753,3 | 775,3 |
| Ханты-Мансийский авт. округ – Югра | 382,8 | 390,9 |
| Ямало-Ненецкий авт. округ | 175,6 | 192,6 |
| Тюменская область без авт. округов | 194,9 | 191,8 |
| Челябинская область | 397,6 | 378,8 |
| Сибирский федеральный округ | 1 728,3 | 1 805,6 |

Окончание табл. 2 [1]

| Субъект | 2019 г. | 2020 г. |
|--|---------|---------|
| Республика Алтай | 11,8 | 12,7 |
| Республика Тыва | 11,9 | 11,7 |
| Республика Хакасия | 40,4 | 43,9 |
| Алтайский край | 167,4 | 179,8 |
| Красноярский край | 328,1 | 336,3 |
| Иркутская область | 253,6 | 270,0 |
| Кемеровская область | 303,4 | 312,2 |
| Новосибирская область | 349,1 | 366,2 |
| Омская область | 160,1 | 170,1 |
| Томская область | 102,5 | 102,6 |
| Дальневосточный федеральный округ | 960,0 | 1 010,4 |
| Республика Бурятия | 63,9 | 80,1 |
| Республика Саха (Якутия) | 168,5 | 162,6 |
| Забайкальский край | 87,4 | 87,7 |
| Камчатский край | 46,9 | 51,3 |
| Приморский край | 191,4 | 208,9 |
| Хабаровский край | 152,0 | 162,5 |
| Амурская область | 119,5 | 120,0 |
| Магаданская область | 29,8 | 32,1 |
| Сахалинская область | 68,6 | 72,1 |
| Еврейская автономная область | 15,5 | 16,3 |
| Чукотский автономный округ | 16,3 | 16,8 |

ную в работе [8] с учетом того, что человек – это основной ресурс той же экономики, поскольку именно человеку свойственно генерировать новые знания, организовывать и осуществлять деятельность по созданию инфраструктуры, средств производства и предметов потребления, человеческий потенциал становится главным ресурсом для социально-экономического развития [8].

В Северо-Западном федеральном округе по росту количества высокотехнологичных рабочих мест лидирует Вологодская, Калининградская и Ленинградская области, г. Санкт-Петербург демонстрирует снижение данного показателя в 2020 г. (см. рисунок).

В [9] указывается, что переход на цифровой формат в системе управления территорией не имеет альтернативы. А. Н. Леонтьевой приведены причины, благодаря которым цифровизация становится главным направлением трансформации внутреннего экономического потенциала



Динамика изменения количества высокотехнологичных рабочих мест в Северо-Западном федеральном округе [1]

регионов, среди которых прежде всего указываются увеличение производительности, оптимизация производства, повышение динамики инновационного сектора, появление рабочих мест для новых профессий. Наряду с положительными результатами обозначены и новые угрозы цифровой трансформации. А. Н. Леонтьева убедительно доказывает, что для подобной трансформации потребуются крупные инвестиции на развитие пространства облачной инфраструктуры, внедрения прогнозного контроля и особых интегральных систем.

Сложность в решении вопроса результативности государственной политики в области цифровизации и внедрение инновационных технологий искусственного интеллекта добавляют санкции западных партнеров в адрес отдельных компаний и секторов российской экономики. Санкции накладывают серьезные ограничения на деятельность ведущих российских компаний, так как направлены на ограничение роста и развития России. Но в текущих условиях санкции вкупе с продолжающейся эпидемией коронавируса также являются серьезным стимулом для реализации политики импортозамещения.

Цифровизация является важным фактором общего индустриально-инновационного развития нашей страны, стимулирует процессы импортозамещения в регионах.

С момента введения санкций было реализовано и субсидировано из федерального бюджета множество программ импортозамещения, в том числе в области цифровизации. Так, председатель межправительственного совета програм-

мы ЮНЕСКО «Информация для всех» (IFAP) Д. Гордон заявил, что уровень и скорость цифровизации в России высоки. Об этом свидетельствует также упомянутый ранее национальный проект «Цифровая экономика Российской Федерации». На период до 2024 г. это один из 12 проектов, реализованных во исполнение майского указа Президента Российской Федерации в 2018 г. В его состав входят шесть федеральных проектов: нормативное регулирование цифровой среды, информационная инфраструктура, кадры для цифровой экономики, информационная безопасность, цифровые технологии и цифровое правительство [10].

При формировании региональной политики импортозамещения должен учитываться положительный опыт других стран в создании современных экосистем. Формирование и развитие инновационной экосистемы в условиях цифровой экономики носит сложный, многоаспектный характер. Основопологающим методологическим принципом формирования и развития экосистем является применение системного подхода. В [11] предпринята попытка представить механизм формирования и развития экосистемы прежде всего как системы взаимодействующих организаций, имеющих самостоятельность, не подчиненных иерархическому управлению, задача формирования и развития которых состоит в том, чтобы наращивать стоимость бизнеса каждой из организаций за счет синергетического эффекта взаимодействия и эмерджентности взаимных возможностей, что позитивно скажется на реализации региональной политики импортозамещения.

В [11] произведен анализ механизма формирования и развития инновационной экосистемы в условиях цифровой экономики и доказано, что этот механизм должен быть направлен на построение сложной сети заинтересованных сторон, которые соединяются и взаимодействуют в цифровом формате таким образом, чтобы создать ценность для всех региональных участников инновационного процесса.

В [12] указывается, что цифровизация становится современным трендом и может стать залогом эффективного развития, но для успешной и всесторонней трансформации должны быть охвачены все сферы деятельности, не только бизнес в регионе.

На основании результатов исследований, проведенных в [9] и [12], можно выделить следующие положительные эффекты от процесса цифровизации на уровне региона, влияющие на реализацию политики импортозамещения:

- повышение качества жизни населения региона;
- рост производительности труда за счет ускорения всех бизнес-процессов и сокращения времени на коммуникации в регионе;
- появление новых бизнес-моделей и новых форм бизнеса для повышения прибыльности и конкурентоспособности;
- повышение прозрачности хозяйственных операций и обеспечение возможности их мониторинга;
- обеспечение доступности и продвижения товаров и услуг на региональные рынки.

Процессы импортозамещения несут в себе мощный социальный потенциал. Это подтверждают результаты исследований, опубликованные в работе [8], в которой, по мнению авторов, лидирующие возможности российских регионов обусловлены географическим положением, имеющимися на их территориях ресурсным потенциалом (в том числе кадровым), энергетическим комплексом, промышленным комплексом и АПК, транспортной инфраструктурой, научной и образовательной компонентами.

Заключение

В России импортозамещение рассматривается как одно из приоритетных направлений развития экономики страны, актуальность которого возникла в ответ на введенные санкции Запада, предполагающее снижение доли импорта, развитие производственной базы в наиболее важных отраслях и в конечном итоге повышение уровня экономической безопасности страны. Несмотря на то, что санкции наклады-

вают серьезные ограничения на деятельность ведущих российских компаний, в текущих условиях вкупе с продолжающейся эпидемией коронавируса именно они являются серьезным стимулом для реализации политики импортозамещения.

Особое значение в обеспечении результативности государственной политики в области цифровизации и внедрении инновационных технологий искусственного интеллекта имеет региональный аспект. Процесс цифровизации на уровне региона и государства в целом неизбежен, и этому есть много причин: глобализация экономики, появление новых инструментов получения и распространения информации, общий технический прогресс, развитие и доступность мобильных устройств и интернет-технологий.

При формировании региональной политики импортозамещения должен учитываться положительный опыт других стран в создании современных экосистем и следующие положительные эффекты от процесса цифровизации на уровне региона, влияющие на реализацию политики импортозамещения: повышение качества жизни населения региона; рост производительности труда за счет ускорения всех бизнес-процессов и сокращения времени на коммуникации в регионе; появление новых бизнес-моделей и новых форм бизнеса для повышения прибыльности и конкурентоспособности; повышение прозрачности хозяйственных операций и обеспечение возможности их мониторинга; обеспечение доступности и продвижения товаров и услуг на региональные рынки.

Процессы импортозамещения несут в себе мощный социальный потенциал, реализация которого закономерно вызовет улучшение качества жизни человека, что является целью региональной политики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru> (дата обращения: 29.04.2021).
2. Выступление В. В. Путина на Международной конференции Artificial Intelligence Journey 2020 в дискуссии «Искусственный интеллект – главная технология XXI века». URL: https://www.cnews.ru/news/top/2020-12-04_putin_rasporyadilsya_v_kratkajshie (дата обращения: 28.04.2021).
3. Окрепилов В. В., Иванова Г. Н., Чудиновских И. В. Цифровая экономика: проблемы и перспективы //

- Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. 2017. № 3–4 (56–57). С. 5–28.
4. **Окрепилов В. В., Гагулина Н. Л.** Эффективность экономики регионов России в условиях цифровизации // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. 2020. № 2–3 (61–62). С. 14–23.
 5. **Мирославская М. В.** Принципы оценки инновационного потенциала регионов России // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. СПб.: ГУАП, 2020. № 4 (63). С. 103–111.
 6. **Мирославская М. В.** Внедрение объектов интеллектуальной собственности в инновационную трансформацию высокотехнологичных предприятий нефтегазового комплекса // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. СПб.: ГУАП, 2020. № 4 (63). 2020. С. 163–168.
 7. **Гогуадзе М. Г., Мирославская М. В., Шамина Л. К.** Трансформация технологий формирования инновационных экосистем // Устойчивое развитие цифровой экономики, промышленности и инновационных систем (ЭКОПРОМ-2020): тр. науч.-практ. конф. с междунар. участием / под ред. Д. Г. Родионова, А. В. Бабкина. 2020. С. 619–621.
 8. **Кузнецов С. В., Горин Е. А., Имзалиева М. Р.** Муниципальное измерение цифровизации системы управления территорией // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. 2020. № 2–3 (61–62). С. 24–32.
 9. **Леонтьева А. Н.** Муниципальное измерение цифровизации системы управления территорией // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. 2020. № 2–3 (61–62). С. 78–83.
 10. Распоряжение Правительства РФ от 28 июля 2017 г. № 1632-р Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации». URL: <http://base.garant.ru/71734878> (дата обращения: 30.04.2021).
 11. **Мирославская М. В.** Механизм формирования и развития инновационной экосистемы в условиях цифровой экономики // Устойчивое развитие цифровой экономики и кластерных структур: теория и практика: монография / под ред. А. В. Бабкина. СПб.: Политех-Пресс, 2020. С. 322–341.
 12. **Лапшин Д. О., Мирославская М. В.** Программа цифровизации как инструмент реализации национальной политики импортозамещения // Экономика и предпринимательство. 2021. № 5.

УДК 332

DOI: 10.31799/2411-4588-2021-1-110-116

Галина Юрьевна Пешкова*

доктор экономических наук, доцент

Елена Григорьевна Бондарь*

преподаватель

*Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения

Санкт-Петербург, Россия

ЭКСПОРТНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА

Аннотация. Статья содержит результаты проведенного авторами исследования по оценке экономического потенциала экспорта Северо-Западного региона. Рассмотрены мероприятия, проводимые государственными органами в целях поддержки экспорта. Проанализированы основные показатели, отражающие динамику экспорта в регионе. Отдельное внимание уделено распределению экспорта в разрезе товарной номенклатуры и хозяйствующих субъектов, в том числе малого и среднего предпринимательства. Акцентируется внимание на экспорте несырьевых неэнергетических товаров. Обоснована целесообразность для Северо-Западного федерального округа дополнительной проработки вопросов о стимулировании экспорта в силу имеющихся конкурентных преимуществ.

Ключевые слова: экспорт, товарная структура экспорта, сырьевой экспорт, неэнергетический несырьевой экспорт, субъекты малого и среднего предпринимательства, субсидии, поддержка экспорта.

Galina Yu. Peshkova*

Grand PhD in Economic Sciences, Associate Professor

Elena G. Bondar*

Lecturer

*St. Petersburg State University of Aerospace Instrumentation

St. Petersburg, Russia

EXPORT POTENTIAL OF THE NORTHWESTERN FEDERAL DISTRICT

Abstract. The article presents the results of the authors' analytical work on the assessment of the economic potential of exports of the North-Western region. Within the framework of the work carried out, the activities carried out by state bodies in order to support exports are considered. The main indicators reflecting the dynamics of exports in the region are analyzed. Special attention is paid to the distribution of exports in the context of commodity nomenclature and economic entities, including small and medium-sized businesses. Attention is focused on the export of non-energy raw materials. The expediency for the North-Western Federal District to further study the issues of export promotion due to the existing competitive advantages is justified.

Keywords: export, commodity structure of export, raw materials export, non-energy non-raw materials export, small and medium-sized businesses, subsidies, export support.

Глобальные экономические и политические процессы, в настоящее время оказывающие влияние на осуществление международной торговли (например, сохраняющиеся экономические санкции, распространение коронавирусной инфекции и принимаемые в связи с этим карантинные меры, политика «зеленой» энергетики, динамика цен на энергоресурсы), могут характеризоваться для Российской Федерации как негативные.

Вместе с тем из данного положения возможно даже извлечь преимущества для экономического развития страны в целом и отдельных ее

регионов в частности, своевременно оценивая риски неблагоприятных последствий и реализовывая необходимые мероприятия по их минимизации. Одним из направлений стимулирования экономической активности регионов со стороны государства является содействие экспорту. В связи с Указом Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. особое внимание уделено вопросам экспорта несырьевых неэнергетических товаров [1].

В настоящее время осуществлению экспорта способствуют налоговые меры, предусматрива-

ющие возмещение налога на добавленную стоимость, уплаченного при экспорте. Планомерно снижаются административные барьеры посредством упрощения и ускорения совершения таможенных процедур. Например, реализована возможность ведения единых лицевых счетов всеми субъектами предпринимательской деятельности, включая незарегистрированных на территории Российской Федерации; в 2020 г. 99,1% таможенных деклараций в отношении вывозимых с таможенной территории товаров зарегистрировано таможенными органами автоматически, при этом 93,7% (в 2019 г. – 75,9%) экспортных деклараций было выпущено автоматически (без участия должностного лица), средняя продолжительность таможенного оформления при экспорте товаров составляет 40 минут (при условии отсутствия рисков нарушения действующего законодательства) [2, 3].

В 2021–2024 гг. запланировано выделить из федерального бюджета 650 млрд руб. для целей поддержания несырьевого неэнергетического экспорта. Кроме того, среди реализованных мероприятий необходимо отметить внедрение комплексной экосистемы в формате «Одного окна» (основана на цифровой платформе Российского экспортного центра), направленной на повышение эффективности взаимодействия экспортеров с различными субъектами (в том числе контролирующими органами, министерствами). Министерство сельского хозяйства Российской Федерации предпринимает активные меры по

продвижению продукции агропромышленного комплекса (мясная, молочная, кондитерская продукция) [4]. Также осуществляется реализация мероприятий по непосредственному субсидированию экспортеров категории среднего и малого предпринимательства [5, 6].

Официальные данные таможенной статистики [7, 8, 9], отражающие итоги внешней торговли Российской Федерации за 2020 г., показывают определенные изменения сохранявшихся многие годы тенденций:

- сырьевая направленность экспорта;
- отсутствие в товарной структуре экспорта технологически сложной продукции, продукции сельского хозяйства в силу их неконкурентоспособности;
- недостаточная активность в экспортной деятельности субъектов малого предпринимательства.

Принимая во внимание, что Северо-Западный федеральный округ (далее – СЗФО) занимает одну из лидирующих позиций во внешнеэкономической деятельности страны, представляется значимым рассмотреть отдельные показатели, достигнутые СЗФО при экспорте товаров в 2020 г. в сравнении с 2019 г., и оценить тенденции и условия для дальнейшего развития экспорта в регионе.

Данные, представленные в табл. 1, указывают на сокращение экспорта в 2020 г. по сравнению с 2019 г. В качестве основных причин такого изменения эксперты отмечают влияние

Таблица 1

Стоимостной объем экспорта СЗФО в 2019–2020 гг.

| СЗФО | Стоимостной объем экспорта, млн долл. США | | |
|---------------------------------------|---|----------------|---------------|
| | 2019 г. | 2020 г. | Изм-е |
| Все субъекты СЗФО | 50763,7 | 42216,1 | –16,8% |
| Архангельская область (в т.ч. НАО) | 2541,2 | 2087,3 | –17,9% |
| Вологодская область | 4306,9 | 4220,7 | –2,0% |
| Калининградская область | 1509,0 | 1716,5 | +13,8% |
| Республика Карелия | 991,9 | 699,8 | –29,4% |
| Республика Коми | 1003,0 | 824,7 | –17,8% |
| Ленинградская область | 6792,5 | 5396,9 | –20,5% |
| Мурманская область | 4076,1 | 4728,8 | +16,0% |
| Новгородская область | 1600,4 | 1348,9 | –15,7% |
| Псковская область | 270,6 | 208,6 | –22,9% |
| г. Санкт-Петербург | 27672,1 | 20984,1 | –24,2% |

Примечание: составлено по данным [7, 8, 9].

на экономику пандемии (COVID-19), снижение спроса на отдельные виды топлива (авиакеросин, дизельное топливо), падение цен на нефть и нефтепродукты. Отрицательная динамика отмечается в большинстве субъектов Российской Федерации, входящих в состав СЗФО (за исключением Калининградской и Мурманской областей), а также в отношении стран как ближнего, так и дальнего зарубежья (табл. 2).

Направление перемещения экспортируемых товаров (табл. 2) показывает, что преимущественно вывозимая с территории СЗФО продукция в 2019–2020 гг. была ориентирована в страны дальнего зарубежья. Основными странами-партнерами являются: Нидерланды, Китай, Соединенные Штаты, Финляндия, Германия, Соединенное Королевство. На долю данных государств приходится более 50% стоимостного объема вывозимых в 2019–2020 гг. с территории Северо-Западного региона товаров [9].

Во многом это обусловлено физико-географическим положением региона, в том числе непосредственным соседством со странами Европы (Финляндия, Эстония, Норвегия, Польша, Литва, Латвия) и наличием прямого выхода в море. Данные обстоятельства являются конкурентным преимуществом региона при ведении внешнеэкономической деятельности и определяют целесообразность содействия бизнесу в осуществлении международной торговли.

Так, например, представляются оправданными выплаты (субсидии) из областного бюджета Ленинградской области представителям

малого и среднего предпринимательства (экспортерам области), направленные на компенсацию в пределах 3,5 млн руб. расходов за предыдущие два года, связанных с лабораторными исследованиями товаров, упаковкой, транспортировкой, погрузкой-разгрузкой, страхованием, таможенными формальностями. Получение субсидии возможно, если экспортируемая продукция не относится к категории сырьевых товаров, несырьевых энергетических товаров, подакцизных товаров. Также к претендентам на получение субсидии предъявляются следующие дополнительные требования: в году получения предприятием субсидии необходимо обеспечить увеличение экспортных поставок товаров не менее чем на одну страну и заключить не менее одного экспортного контракта. Невыполнение установленных условий повлечет за собой возврат полученных ранее выплат [5].

Кроме указанной субсидии, на территории области действуют иные виды поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства (13 мер поддержки) [6]. Показатели Ленинградской области, отражающие изменения в товарной структуре экспорта, распределении экспорта по категориям хозяйствующих субъектов в 2020 г., указывают на наличие положительной динамики и, соответственно, свидетельствуют о наличии определенного потенциала дальнейшего развития региона (табл. 3, 4).

Анализируя данные о номенклатуре экспорта в субъектах Российской Федерации, распо-

Таблица 2

Страны направления при экспорте товаров из СЗФО в 2019–2020 гг.

| СЗФО | Страны дальнего зарубежья, млн долл. США | | | Страны СНГ, млн долл. США | | |
|---------------------------------------|---|---------|--------|------------------------------|---------|--------|
| | 2019 г. | 2020 г. | Изм-е | 2019 г. | 2020 г. | Изм-е |
| Архангельская область (в т.ч. НАО) | 2661,1 | 2180,4 | -18,1% | 161,7 | 139,1 | -14,0% |
| Вологодская область | 3633,8 | 3609,7 | -0,7% | 673,1 | 611,0 | -9,2% |
| Калининградская область | 8958,5 | 7822,5 | -12,7% | 549,4 | 652,9 | +18,8% |
| Республика Карелия | 951,3 | 667,6 | -29,8% | 40,6 | 32,1 | -20,9% |
| Республика Коми | 859,5 | 691,3 | -19,6% | 143,4 | 133,4 | -6,9% |
| Ленинградская область | 6154,0 | 4750,2 | -22,8% | 638,4 | 646,7 | +1,3% |
| Мурманская область | 4069,4 | 4727,8 | +16,2% | 6,7 | 0,9 | -86,6% |
| Новгородская область | 1453,3 | 1241,5 | -14,6% | 147,0 | 107,4 | -26,9% |
| Псковская область | 95,9 | 99,7 | +3,9% | 174,8 | 108,8 | -37,8% |
| г. Санкт-Петербург | 24306,0 | 18137,0 | -25,4% | 3366,0 | 2847,0 | -15,4% |

Примечание: составлено по данным [7, 8, 9].

Таблица 3

Номенклатура экспортируемых товаров с территории СЗФО, млн долл. США

| Год | Продовольственные товары и с/х сырье | Минеральные товары (в т.ч. топливно-энергетические товары) | Продукция химической промышленности, каучук | Кожевенное сырье, пушнина, изделия из них | Древесина, целлюлозно-бумажные изделия | Текстиль, текстильные изделия, обувь | Металлы и изделия из них | Машины, оборудование, транспортные средства | Прочие товары |
|---|--------------------------------------|--|---|---|--|--------------------------------------|--------------------------|---|---------------|
| Архангельская область (в т.ч. НАО) | | | | | | | | | |
| 2019 | 87,6 | 1090,5 | 5,9 | 0,3 | 967,2 | 0,2 | 20,8 | 90,6 | 0,3 |
| 2020 | 123,0 | 653,8 | 7,2 | 0,2 | 986,9 | 0,2 | 13,5 | 58,6 | 0,2 |
| Вологодская область | | | | | | | | | |
| 2019 | 26,5 | 294,5 | 1447,8 | 0,0 | 454,0 | 0,05 | 2024,5 | 41,8 | 17,8 |
| 2020 | 34,9 | 444,2 | 1370,7 | 0,0 | 489,5 | 0,3 | 1831,1 | 33,3 | 16,7 |
| Калининградская область | | | | | | | | | |
| 2019 | 1192,8 | 82,7 | 21,8 | 3,4 | 53,4 | 17,7 | 76,2 | 49,5 | 11,5 |
| 2020 | 1349,4 | 71,8 | 31,4 | 2,2 | 48,2 | 17,6 | 75,4 | 104,7 | 15,7 |
| Республика Карелия | | | | | | | | | |
| 2019 | 66,8 | 331,0 | 11,0 | 0,0 | 551,8 | 0,2 | 7,4 | 14,9 | 8,5 |
| 2020 | 93,9 | 3,7 | 11,9 | 0,0 | 551,7 | 0,05 | 9,7 | 19,9 | 8,8 |
| Республика Коми | | | | | | | | | |
| 2019 | 0,1 | 393,5 | 25,4 | 0,0 | 566,5 | 16,0 | 0,9 | 0,3 | 0,2 |
| 2020 | 0,3 | 205,5 | 19,9 | 0,0 | 580,7 | 17,0 | 0,0 | 1,1 | 0,01 |
| Ленинградская область | | | | | | | | | |
| 2019 | 323,2 | 3840,3 | 1306,6 | 0,0 | 694,5 | 46,0 | 242,5 | 215,0 | 124,4 |
| 2020 | 395,7 | 2518,4 | 1139,4 | 0,0 | 659,3 | 56,3 | 274,9 | 216,0 | 136,8 |
| Мурманская область | | | | | | | | | |
| 2019 | 778,9 | 504,6 | 0,3 | 0,03 | 1,3 | 0,09 | 2759,4 | 30,7 | 0,9 |
| 2020 | 771,9 | 584,9 | 0,3 | 0,04 | 1,3 | 0,2 | 3367,0 | 1,9 | 1,2 |
| Новгородская область | | | | | | | | | |
| 2019 | 28,3 | 3,2 | 1240,2 | 0,0 | 247,2 | 8,0 | 4,8 | 24,8 | 43,8 |
| 2020 | 23,6 | 3,0 | 1003,6 | 0,0 | 258,3 | 7,7 | 3,4 | 20,0 | 29,2 |
| Псковская область | | | | | | | | | |
| 2019 | 43,6 | 9,4 | 6,2 | 0,2 | 43,2 | 4,4 | 126,9 | 32,2 | 4,6 |
| 2020 | 50,1 | 7,1 | 4,2 | 0,09 | 41,3 | 2,8 | 69,5 | 27,8 | 5,6 |
| г. Санкт-Петербург | | | | | | | | | |
| 2019 | 1010,5 | 20457,4 | 514,6 | 37,9 | 994,7 | 99,3 | 1656,5 | 2271,2 | 629,9 |
| 2020 | 1102,9 | 12658,9 | 513,0 | 21,9 | 884,9 | 100,5 | 1109,6 | 3073,5 | 1518,8 |

Примечание: составлено по данным [7, 8, 9].

Таблица 4

Структура экспорта СЗФО в 2019–2020 гг.

| Показатель | Весь экспорт | | Несырьевой экспорт | | Несырьевой неэнергетический экспорт | |
|----------------------------------|--------------|----------|--------------------|----------|-------------------------------------|----------|
| | 2019 г. | 2020 г. | 2019 г. | 2020 г. | 2019 г. | 2020 г. |
| Стоимостной объем, млн долл. США | 50 816,8 | 42 216,0 | 36 352,4 | 32 743,7 | 23 379,2 | 23 858,4 |
| Физический объем, млн т | 112,9 | 111,7 | 67,8 | 68,0 | 39,0 | 39,5 |
| Количество субъектов, шт. | 8712 | 8787 | 8422 | 8478 | 8366 | 8419 |

Примечание: составлено по данным [7, 8, 9].

ложенных в пределах СЗФО, можно заметить существенное падение в 2020 г. стоимостных объемов продукции топливно-энергетического комплекса, что в первую очередь связано со снижением цен на органические виды топлива. Однако, несмотря на определенное негативное влияние данного обстоятельства с точки зрения поступления доходов в федеральный бюджет от экспортных операций (в 2020 г. сумма вывозной таможенной пошлины, перечисленной в доход федерального бюджета, составила 1148,1 млрд руб. против суммы 2291,3 млрд руб. в 2019 г., изменение составило $-49,9\%$) [8], эти тенденции демонстрируют необходимость поиска дальнейших путей развития Северо-Западного региона исходя из тех проблем, которые возникают в сырьевой экономике и являются значимыми в современный период времени, например:

- зависимость от колебания цен на энергоресурсы и спроса на органическое топливо на мировом рынке;
- недостаточное развитие обрабатывающих отраслей;
- неравномерное развитие регионов;
- экологические проблемы, связанные с добычей полезных ископаемых (уголь, торф и др.) и отсутствием необходимых работ по рекультивации земель.

Показатели 2020 г. отражают изменения в товарной структуре экспорта СЗФО. В анализируемом периоде времени удалось достичь увеличения доли несырьевых товаров и несырьевых неэнергетических товаров (табл. 3, 4).

В большинстве субъектов отмечается увеличение объема экспортируемых товаров, относящихся к следующим категориям: продовольственные и сельскохозяйственные (+40,4% – Архангельская область, +31,7% – Вологодская область, +13,1% – Калининградская область, +40,6% – Республика Карелия, +200% – Республика Коми, +22,4% – Ленинградская область, +14,9% – Псковская область, +9,1% – г. Санкт-Петербург), а также машины и оборудование (+111,5% – Калининградская область, +33,6% – Республика Карелия, +266,7% – Республика Коми, +0,5% – Ленинградская область, +35,3% – г. Санкт-Петербург).

Увеличение в СЗФО физических объемов несырьевого, несырьевого неэнергетического экспорта, а также увеличение количества субъектов, экспортирующих товары данной категории (табл. 4, 5), позволяет сделать вывод об эффективности стимулирующих мер со стороны государства и иных структур по активизации имеющихся ресурсов, направленных на производ-

ство и поставку на внешний рынок товаров, отличных от сырьевых.

Например, в Мурманской области при участии Центра поддержки экспорта Мурманской области было заключено 26 экспортных контрактов на сумму более 7,5 млн долл. США, особое внимание уделялось экспорту таких товаров, как рыба, одежда, сувениры [10]. Вологодская область обеспечивает поставки в Беларусь, Казахстан, Узбекистан оборудования для предприятий пищевой промышленности, при этом прогнозируется дальнейшее расширение географии охвата (Монголия, Эквадор, США) [11]. Калининградская область лидирует по поставкам сельскохозяйственной продукции (рыба, морепродукты, зерно, соя) [12].

В рамках подведения итогов 2020 г. «Экспортер года» в Санкт-Петербурге были особо выделены предприятия в сфере высоких технологий, промышленности, агропромышленного комплекса, медицинской и фармацевтической промышленности [13]. Эксперты отмечают, что предприниматели Санкт-Петербурга успешно адаптировались в условиях пандемии, обеспечив производство востребованной продукции (противовирусные препараты, медицинские средства защиты, защитные костюмы), а также рост производства иной продукции (одежда, текстильные изделия, мебель, изделия из дерева и пробки, компьютеры, электронные и оптические изделия, автотранспорт) [14].

В 2020 г. малыми и средними предприятиями Ленинградской области заключено 98 новых экспортных контрактов, в том числе на поставки товаров агропромышленного комплекса, легкой промышленности, оборудования. Номенклатура товаров, экспортируемых предприятиями Ленинградской области, достаточно разнообразна и включает в себя шины (производит заводской комплекс), батончики-мюсли, песочное печенье, горчичные сухари, удобрения, ферментированный иван-чай, шины, куриные яйца, нагревательное оборудование, косметические средства, лесные ягоды, грибы, расчески, щетки для волос и др. Экспортные сделки предпринимателями Ленинградской области заключены со значительным количеством иностранных партнеров (около 140). При этом в совершении соответствующих экспортных сделок нередко принимает участие Центр экспортной поддержки Ленинградской области [15, 16].

Наряду с этим продукция топливно-энергетического комплекса, лесной промышленности будет сохранять свои позиции в силу имеющихся в регионе природных ресурсов и предприятий по производству продукции из данного сырья и,

Таблица 5

Распределение экспорта среди хозяйствующих субъектов СЗФО в 2019–2020 гг.

| Год | Предприятие, шт. | | | |
|---|------------------|---------|-------|-------|
| | Всего | Среднее | Малое | Микро |
| Архангельская область (в т.ч. НАО) | | | | |
| 2019 | 153 | 10 | 31 | 79 |
| 2020 | 132 | 11 | 25 | 72 |
| Вологодская область | | | | |
| 2019 | 320 | 20 | 59 | 205 |
| 2020 | 359 | 22 | 76 | 228 |
| Калининградская область | | | | |
| 2019 | 542 | 33 | 109 | 343 |
| 2020 | 560 | 42 | 118 | 355 |
| Республика Карелия | | | | |
| 2019 | 283 | 10 | 38 | 199 |
| 2020 | 310 | 13 | 40 | 230 |
| Республика Коми | | | | |
| 2019 | 116 | 4 | 15 | 75 |
| 2020 | 103 | 3 | 16 | 59 |
| Ленинградская область | | | | |
| 2019 | 641 | 54 | 165 | 270 |
| 2020 | 721 | 65 | 156 | 341 |
| Мурманская область | | | | |
| 2019 | 127 | 16 | 31 | 53 |
| 2020 | 139 | 21 | 38 | 55 |
| Новгородская область | | | | |
| 2019 | 207 | 14 | 57 | 90 |
| 2020 | 229 | 16 | 64 | 104 |
| Псковская область | | | | |
| 2019 | 415 | 18 | 73 | 293 |
| 2020 | 374 | 19 | 64 | 265 |
| г. Санкт-Петербург | | | | |
| 2019 | 5949 | 299 | 1374 | 3732 |
| 2020 | 5919 | 340 | 1415 | 3664 |

Примечание: составлено по данным [7, 8, 9].

соответственно, будет продолжать присутствовать в структуре экспорта Северо-Западного региона (например, в 2020 г. предприятием Всеволожского района при участии Центра поддержки экспорта Ленинградской области согласованы поставки торфа в Республику Того, Африка) [16]. Данные особенности региона определяют целесообразность дополнительной проработки вопросов о мерах реагирования на возможные экологические риски в совокупности с тем полезным результатом, который может быть получен при разумном использовании ресурсов региона, в том числе и во внешней торговле.

Таким образом, можно констатировать, что СЗФО характеризуется многоотраслевой струк-

турой экономики, выгодным физико-географическим положением, наличием природных ресурсов, активной позицией органов государственной власти и иных структур в поддержке малого и среднего предпринимательства, что позволяет делать положительные прогнозы относительно дальнейшего развития его экспортного потенциала.

ЛИТЕРАТУРА

1. Указ Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской

- Федерации на период до 2030 года». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74304210> (дата обращения: 01.05.2021).
2. Итоговый доклад о результатах и основных направлениях деятельности ФТС России. URL: <https://customs.gov.ru/activity/results/itogovye-doklady-o-rezul-tatax-deyatel-nosti/document/268607> (дата обращения: 01.05.2021).
 3. Экспорт в авторежиме. Бизнес может оформить таможенную декларацию за пять минут // Российская газета. URL: https://rg.ru/2021/02/28/elektronnyj-dokumentoborot-pozvolil-sokratit-srok-tamozhennyh-operacij.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews%2Fsearch%3Ftext%3D (дата обращения: 02.05.2021).
 4. Экспорту обновляют нацпроект. Производители получают новые меры поддержки и доступ к ним через «Одно окно». URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4627512> (дата обращения: 01.05.2021).
 5. Постановление Правительства Ленинградской области от 02.04.2021 № 175. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/4700202104020007#:~:text=Постановление%20Правительства%20Ленинградской%20области%20от,отдельных%20постановлений%20Правительства%20Ленинградской%20области> (дата обращения: 02.05.2021).
 6. Отрезали по живому: малый бизнес в Ленобласти получит вдвое меньше. URL: https://www.dp.ru/a/2021/02/03/Otrezali_po_zhivomu (дата обращения: 06.05.2021).
 7. Таможенная статистика. URL: <https://customs.gov.ru/statistic> (дата обращения: 01.05.2021).
 8. Таможенная служба Российской Федерации в 2020 году. URL: <https://customs.gov.ru/activity/results/ezhegodnyj-sbornik-tamozhennaya-sluzhba-rossijskoj-federaczii> (дата обращения: 01.05.2021).
 9. Итоги внешней торговли Северо-Западного федерального округа в 2020 году. URL: <https://sztu.customs.gov.ru/folder/230921> (дата обращения: 01.05.2021).
 10. Мурманские компании поставляли продукцию в 19 стран в 2020 году. URL: <http://www.rusexporter.ru/news/detail/11786> (дата обращения: 02.05.2021).
 11. В Вологодской области наградили лучших экспортеров. URL: <https://мойэкспорт35.рф/home/> (дата обращения: 02.05.2021).
 12. Калининградская область вошла в топ-5 по экспорту сельхозпродукции. URL: <https://kaliningrad.rbc.ru/kaliningrad/14/10/2020/5f870dc99a79472cd9bb7e96> (дата обращения: 02.05.2021).
 13. В Петербурге объявлены победители регионального этапа конкурса «Экспортер года». URL: <https://spbexport.ru/tpost/r10t17kyp1-v-peterburge-obyavleni-pobediteli-region> (дата обращения: 02.05.2021).
 14. Период с низкой базой: как встретила начало года промышленность Петербурга. URL: https://www.dp.ru/a/2021/04/26/So_sderzhannim_optimizmom (дата обращения: 06.05.2021).
 15. Нацпроекты: экспорт малых компаний растет. URL: <https://lenobl.ru/ru/dlya-smi/news/32581/> (дата обращения: 02.05.2021).
 16. Ленобласть – миру: торф, сухари и палочки для мороженого на экспорт. URL: https://www.dp.ru/a/2020/07/31/47-j_miru (дата обращения: 02.05.2021).

УДК 351.746(470)+(476)

DOI: 10.31799/2411-4588-2021-1-117-122

Николай Маратович Межевич* **

доктор экономических наук, профессор

Дмитрий Анатольевич Болотов***

кандидат политических наук, доцент

*Институт проблем региональной экономики РАН

**Институт Европы РАН

***Санкт-Петербургский государственный университет

Санкт-Петербург, Россия

ДВОЙНАЯ ПЕРИФЕРИЯ: ФЕНОМЕН РОССИЙСКО-БЕЛОРУССКОГО ПОГРАНИЧЬЯ

Аннотация. Приграничное экономическое сотрудничество как механизм региональной экономической политики – важная задача интеграции в рамках ЕАЭС и Союзного государства. К сожалению, две страны граничат не самыми развитыми областями, при этом непосредственно к границе выходят заведомо отстающие даже в масштабах указанных областей муниципалитеты. Требуется организация эффективных научных исследований и формирование соответствующей программы в рамках Союзного государства.

Ключевые слова: Россия, Республика Беларусь, граница, приграничное сотрудничество, область, муниципальное сотрудничество.

Nikolay M. Mezhevich* **

Grand PhD in Economic Sciences, Professor

Dmitrij A. Bolotov***

PhD in Political Sciences, Associate Professor

*Institute for Regional Economic Studies Russian Academy of Sciences

** Institute of Europe Russian Academy of Sciences

***St. Petersburg University

St. Petersburg, Russia

DOUBLE PERIPHERY: THE PHENOMENON OF THE RUSSIAN-BELARUSIAN BORDER

Abstract. Cross-border economic cooperation as a mechanism of regional economic policy is the most important goal of integration within the framework of the EEU and the Union State. Unfortunately, the two countries do not border on the most developed regions, while municipalities that are obviously lagging behind even in the scale of these regions go directly to the border. It is necessary to organize effective scientific research and form an appropriate program within the framework of the Union State.

Keywords: Russia, Belarus, border, cross-border cooperation, region, municipal cooperation.

В настоящее время наблюдается устойчивый рост научного интереса к проблематике государственных границ и экономических проблем развития приграничных районов. Это обусловлено не только новым этапом глобализации экономики, но и регионализацией, развитием регионального сотрудничества, кардинальными изменениями на политической карте мира, тенденциями к формированию и углублению кризиса демократии в общественном развитии.

Государственные границы влияют на развитие приграничных районов и страны в целом через свои фундаментальные свойства – барьерность и контактность. Обособляясь от внешнего мира посредством границ, государство защищает интересы национальных производителей и потребителей и тем самым реализует протекционистскую функцию.

Контактность выражается в проводимости национальных границ для перемещения через

них товаров, людей, финансов, информации. Она обусловлена следующими факторами:

– степенью либерализации внешних гуманитарных и экономических связей, регулируемых нормативно-правовыми актами;

– развитостью институтов, обеспечивающих двусторонние и многосторонние международные связи (торговые палаты и представительства, двусторонние комиссии, советы, фонды, ассоциации и т. д. по содействию развитию международных экономических и гуманитарных контактов, консалтинговые и посреднические компании и др.);

– уровнем развития пограничной инфраструктуры (транспортной, таможенной, туристической и др.);

– уровнем экономического развития приграничных территорий и характером их участия в международных связях.

Разумеется, государства, исходя из экономических, политических целей, создают сложный механизм общения с внешним миром, в котором сочетаются элементы либеральной и протекционистской политики. Общемировой тенденцией последних десятилетий стала постепенная либерализация. Именно она ускорила формирование внешнеторговых связей с понижением тарифных ставок и сокращением нетарифных ограничений. Однако в настоящее время ситуация обратная: наблюдается отчетливый рост протекционизма.

Изменение соотношения между контактностью и барьерностью государственных границ происходит неравномерно у стран разного уровня развития и разной степени вовлеченности в процессы глобализации/регионализации. Например, развитые страны стремятся устранить барьеры на пути движения капиталов, информации, услуг, но одновременно поставить мощный заслон для перемещения рабочей силы и регламентировать поступление товаров из бедных стран с низкой стоимостью рабочей силы посредством введения квот, контингентов, жестких требований к качеству, ограничений по объемам поставок тех или иных товаров в рамках межгосударственных соглашений и т. д.

Россия и Республика Беларусь много сделали для упрощения торговых режимов в рамках самых разных форматов, однако специалистам очевидно, что внешняя неопределенность и революционные изменения тридцатилетней давности создали значительные сложности именно для российско-белорусского сотрудничества. В результате дезинтеграции Советского Союза возникли 24 новые границы общей протяженностью более 24 тыс. км, что составляет около

57% от общей длины всех границ постсоветских государств, в том числе более 11 тыс. км, то есть около 56%, длины границ России¹. В эти цифры входит и российско-белорусская граница, обладающая особым статусом.

Российско-белорусское приграничье – условно выделяемая трансграничная территория, объединяющая три восточные области Республики Беларусь (Витебскую, Могилевскую и Гомельскую) и три западные области Российской Федерации (Псковскую, Смоленскую и Брянскую). В географическом плане эта территория, часто называемая Днепро-Двинский регион, опирается на уникальный набор факторов. В силу своей уникальной истории она более 500 лет является пограничьем, однако контакты и связи были здесь очень масштабными. По данным Г. Ловмянского, уже в XVI в. могилевские купцы участвовали в торговых отношениях между Россией и Польшей, позже, в XVI–XVII вв. – между Чехией и Россией [1]. Об этом же многократно писал М. В. Довнар-Запольский – классик белорусской исторической науки.

Отметим, однако, что мы говорим о внутреннем пограничье на протяжении последних веков. Ситуация после ухода СССР с политической и экономической арены могла качественно измениться в худшую сторону. Пример Прибалтики, Украины и Грузии достаточно убедителен. Вместе с тем наиболее негативный сценарий не реализовался. С одной стороны, Москва не проявила выраженного стремления к гегемонии, с другой – Минск как «...более слабый центр силы не начал способствовать формированию особой, независимой идентичности в пространстве оспариваемого пограничья, видя в этом способ борьбы с более мощным соперником» [2]. Для того чтобы ответить на вопрос о том, почему это произошло, следует сделать ряд логических отступлений.

Во-первых, коснемся вопросов теории. Постсоветская регионализация не только естественная реакция на все прошлые этапы развития СССР, когда в де-факто унитарном государстве отсутствовала действенная региональная политика и даже не использовалось само это понятие. Регионализм возможен на территории, претендующей на определенную экономическую самостоятельность, подкрепленную или не подкрепленную политической, этнической, исторической спецификой. Регионализм опирается на объективную дифференциацию природных и экономических условий, однако формируется

¹ Данные взяты с сайта «World Wide Geography – Всемирная география» (<http://wwg.far.ru>).

лишь в том случае, если он «оформлен» политическими и экономическими интересами тех или иных групп, как в центре, так и на местах, и стал проектом регионального и межрегионального развития. Ситуация «утра 1992 года», когда два муниципалитета стали относиться к двум различным государствам в данном регионе, не опиралась на объективные экономические возможности радикальной переконфигурации экономических пространств.

Российский и белорусский экономический регионализм имеет неустойчивый характер. Его отличают опора на исторически сложившуюся пространственную дифференциацию уровней экономического развития и постоянная эволюция форм территориального управления и механизмов регионального развития. Также этот регионализм обладает двойственной природой. С одной стороны, он существует в рамках действия базовых тенденций мирового развития, с другой – имеется российско-белорусская специфика, связанная со следующими факторами:

- новыми задачами, возникшими в связи с функционированием межрегионального рыночного и информационного пространства;

- величиной территории России, Республики Беларусь и дифференциацией природных условий, пространственным рассредоточением элементов производительных сил на весьма обширной совокупной территории;

- необходимостью проведения согласованной межрегиональной структурной, инвестиционной, социальной, внешнеэкономической, финансово-кредитной, экологической и научно-технической политики между двумя государствами.

В случае взаимовыгодного сотрудничества двух сопредельных стран возникает трансграничный регион. Его базовым компонентом выступают сети многочисленных каналов и связей между акторами. Трансграничные регионы включают три плоскости сотрудничества: межгосударственную, межрегиональную и межмуниципальную, причем интеграция наилучшим образом достигается на субрегиональном уровне. Это происходит в том случае, если субрегионы действительно являются акторами международного экономического сотрудничества, то есть обладают возможностью независимо от своих государств устанавливать трансграничные контакты. Роль же государств в этом процессе заключается в создании условий, то есть поощрении установления таких связей, наделянии микрорегионов большей автономией в международной сфере.

Трансграничный регион создается как политическая категория, политический проект или

идея и в дальнейшем «оформляется» экономическими связями. Первоначально он может быть искусственным образованием, позднее принимает те очертания, какие ему предписывают, начинает развиваться по схеме, составленной трансграничными сообществами. Однако, зарождаясь искусственно, как политический проект, постепенно трансграничный регион приобретает реальные очертания [3]. Уточним: может приобрести их, но может и не приобрести, в том случае если нет очевидных политических и экономических преимуществ позиционирования отдельного экономического пространства.

Второй теоретический момент. Приграничное экономическое сотрудничество – это механизм региональной экономической политики, формирующийся на межтерриториальном уровне и осуществляемый органами местного самоуправления, которые относятся к различным государствам. Приграничным сотрудничеством является допускаемое государствами сотрудничество органов местного самоуправления (или их объединений) с органами местного самоуправления (или их объединениями) соседних государств при условии, что хотя бы некоторые из них непосредственно соприкасаются через государственную границу. Одним из методологических принципов, который лежит в основе определения роли межрегиональных и приграничных связей на уровне экономики малых и средних городов в евразийской интеграции, выступает рассмотрение этих связей как специфической региональной формы международных экономических отношений (МЭО).

Как показал анализ, государственная граница влияет на развитие приграничных муниципальных образований, субъектов Российской Федерации и страны в целом через свои фундаментальные свойства – барьерность и контактность. Посредством барьерной функции государство защищает свои экономические интересы и национальную безопасность. Контактность выражается в проводимости национальных границ для перемещения через них товаров, людей, финансов, информации и позволяет приграничным муниципальным образованиям вступать в дополнительные (относительно других территорий) внешние социально-экономические связи. Развитие всех форм внешних связей в конечном счете приводит к росту занятости, способствует возрождению существующих и строительству новых населенных пунктов, позволяет повысить качество жизни и социального обеспечения всех слоев населения, в целом приграничное положение муниципальных образований в современных условиях может рассматриваться

как важнейший ресурс их социально-экономического развития.

Регион, в том числе приграничный, представляет собой сложное, многоаспектное и многофункциональное социально-экономическое образование. Во-первых, это подсистема национальной экономики. Во-вторых, активно вступающая во внешнеэкономические связи, регион может рассматриваться как подсистема внешнеэкономических связей. В-третьих, его можно представить как социальную общность населения, проживающего на территории и объединенного общими социально-экономическими условиями воспроизводства, в том числе по обе стороны границы, если речь идет о приграничном регионе. В-четвертых, в контексте национальной инновационной системы в рамках региона формируется ее региональная подсистема. Эта идея позволяет шире представить спектр возникающих на региональном уровне интересов развития международного взаимодействия, а также стать исходным пунктом для определения специфики региона как субъекта, так и объекта этих отношений.

Особенность региона как субъекта управления выражается в его относительной самостоятельности и подчиненном положении по отношению к уровням предприятия и национальной экономики. Внешнеэкономическая деятельность, реализуемая на региональном уровне, носит ассоциированный характер, что реализуется в «коллективном» участии во внешнеэкономической деятельности субъектов хозяйствования и самих региональных (местных) органов. Это предопределяет главную нацеленность региона как субъекта управления на создание соответствующей региональной среды (условий) внешнеэкономических связей [4, 5].

С учетом отмеченной многоаспектности региона для региональных и местных органов объектом управления являются не столько непосредственно межрегиональные и приграничные связи, сколько комплекс взаимосвязей социально-экономического развития региона и внешнеэкономической деятельности. Такие взаимодействия выражаются как минимум во влиянии региональных условий, факторов и ресурсов на приграничные экономические связи с одной стороны, и в изменениях в социально-экономическом развитии территории, которые происходят под влиянием внешнеэкономического фактора, – с другой.

Таким образом, межрегиональные и трансграничные экономические связи, выражая экономическое сотрудничество административно-территориальных единиц сопредельных стран,

содержательно оказываются более сложным явлением, чем экономические отношения между хозяйственными субъектами, расположенными в приграничных регионах интегрируемых стран. Их скорее можно определить как взаимозависанное и взаимообусловленное социально-экономическое развитие регионов и внешнеэкономических связей. Перечисленные особенности отношений трансграничного сотрудничества предопределяют не только особые подходы к формированию общего механизма их регулирования, но и основные аспекты влияния этих связей на евразийскую интеграцию.

Проблематика приграничья содержит множество противоречий, характерных для современного этапа его развития. Среди них следует выделить противоречия между глобализацией экономики, опирающейся на широкую либерализацию межгосударственных экономических отношений, и протекционистской сущностью государств; культурной унификацией в рамках глобализма и национальной (региональной) культурной идентичностью; богатыми (центральными) и бедными (периферийными) странами и районами стран; международной региональной интеграцией (сотрудничеством) стран и их суверенитетом; политическими центрами, стремящимися укрепить или сохранить властную вертикаль, и подчиненными им территориями, желающими расширения своих прав и полномочий, в частности в том, что касается международной деятельности. По сути, эти противоречия можно свести к проблеме соотношения однородности и различий (континуальности и дискретности) в динамике мирового пространства, в которой ключевую роль играют государственные границы и приграничные территории. Особое значение проблематика приграничных районов имеет для России с ее огромным пограничным периметром, который составляют весьма различные по природным, демографическим, экономическим и другим характеристикам территории.

Трансформация социально-экономического пространства приграничных регионов (качественное изменение основных свойств) обусловлена процессом распада СССР, переходом от плановой организации производства к рыночной экономике, переменой функции границ от барьерной к контактной. Усиление контактной функции границы повысило открытость социально-экономического пространства приграничных регионов для внешних воздействий. Под влиянием процессов внутренней трансформации экономического пространства России в связи с переходом к рыночной экономике,

а также внешних воздействий постепенно складывается система трансграничных межрегиональных взаимодействий – формируются трансграничные товарные, транспортные, финансовые, миграционные потоки и т. д. При этом выстраивание системы трансграничных межрегиональных взаимодействий в каждом отдельном случае происходит в контексте системы взаимодействия макрорегионов, в которые входят взаимодействующие приграничные регионы (геополитические факторы), а также системы внутрироссийских межрегиональных взаимодействий (связанность пространства) [6].

Качественное изменение основных свойств социально-экономического пространства приграничных регионов – связанности, открытости, неравномерности и т. д. – создало условия для пространственного перераспределения экономической активности: входящих/исходящих потоков инвестиций, товаров, туризма, трудовых ресурсов и т. д.

Экономическое развитие приграничных регионов обусловлено экономическим потенциалом региона, а также системой межрегиональных взаимодействий, сложившихся в ходе трансформации социально-экономического пространства. Система межрегиональных взаимодействий включает совокупность трансграничных, внутринациональных, международных межрегиональных взаимодействий («...все виды взаимодействий между базирующимися в пределах государства субъектами, осуществляемые с пересечением государственных границ» (all interactions between state-based actors across state boundaries)) [7].

Степень влияния межрегиональных взаимодействий на экономическое развитие приграничного региона зависит от степени его включенности в систему межрегиональных взаимодействий (интенсивности взаимодействия). «Для того чтобы межрегиональные связи обеспечили включенность региональных рынков товаров, услуг, рабочей силы и инвестиций в общее экономическое пространство ЕАЭС, необходима разработка соответствующей интеграционной политики на субнациональном уровне» [8]. В настоящее время дифференциация экономического развития приграничных регионов обусловлена не только различиями в экономическом потенциале, но также разной степенью включенности в систему межрегиональных взаимодействий. В этом контексте характер приграничного сотрудничества позволяет ответить сразу на несколько вопросов, относящихся к проблематике как национальной экономики, так и положения страны на международной арене [9].

Рассмотрим некоторые аспекты экономического развития приграничных областей.

По своему экономическому потенциалу Витебская и Могилевская области являются аутсайдерами в Республике Беларусь. В Витебской области наблюдается наименьшая плотность населения среди областей Республики (28 чел/км²). В Могилевской она (35 чел/км²) ниже среднереспубликанского значения (45 чел/км²) и сопоставима с другим восточным регионом Республики Беларусь – Гомельской областью (34 чел/км²). По удельному весу в объеме ВВП Республики Беларусь Могилевская область (8,1%) является последней в Республике, а Витебская лишь немного ее опережает (8,8%). По объему ВРП на душу населения абсолютным аутсайдером выступает уже Витебская область (8 737,7 руб. на человека, или 4 178 долл. США по среднему официальному курсу). В Могилевской области данный показатель чуть больше – 8 900,6 руб. на человека, или 4 256 долл. США, однако он сильно не дотягивает до среднереспубликанского значения (11 914,4 руб. на человека, или 5 697 долл. США)¹.

Аналогичная ситуация и с российской стороны. Псковская область отстает по всем показателям от России в целом и является самой отстающей в СЗФО. Получается порочный круг. С одной стороны, значимые факторы (в том числе не зависящие от области) создают не самые благоприятные условия для трансграничного сотрудничества, следствием чего оказывается неразвитое состояние экономики региона. С другой стороны, такое экономическое положение Псковской области не способствует развитию любого сотрудничества.

Чуть лучше ситуация в Смоленской области. «Средняя номинальная заработная плата в Смоленской области относительно общестранового значения практически не изменилась в период с 1995 по 2018 г. (64,7% от средней по Российской Федерации в 1992 г. против 66,4% в 2018 г.). То есть интеграция не придала импульс росту доходов населения приграничного региона. В белорусских регионах ДДР средняя номинальная заработная плата уменьшилась относительно общестранового значения. Особенно сильно в Могилевской области (со 110% от з/п по РБ в 1992 г. до 83,9% в 2018 г.). В Витебской области – с 99,5% от з/п по РБ

¹ Шавель А. Н. Факторы развития внешней торговли в приграничных с Россией регионах Беларуси в условиях межстоличья: презентация по гранту БРФФИ-РФФИ, проект «Межстоличье как фактор социально-экономического развития российско-белорусского приграничья», Г20Р-028 от 04.05.2020.

в 1992 г. до 84,7% в 2018 г. Следовательно, Витебская и Могилевская области за годы интеграции стали отставать от заработной платы в целом по Республике Беларусь¹. «Экономическое развитие области сконцентрировано в коридоре между Москвой и Минском. Транспортный коридор, связывающий две столицы, занимает в настоящий момент доминирующее положение. Наглядным подтверждением этому является пространственное распределение социально-экономической активности населения на территории области и степень хозяйственной освоенности ее территорий: транспортный коридор, основанием которого является магистраль «Москва – Минск»» [10].

Подведем итоги. За последние 25 лет в России и Беларуси накоплен уникальный опыт «лучших практик» в данной сфере. Это стало, с одной стороны, результатом понимания органами власти двух стран значимости приграничного сотрудничества, а также определенной заинтересованности со стороны Европейского Союза в тиражировании их опыта. При этом в практике работы территориальных сообществ Беларуси и России есть много сходств (например, понимание общности приграничных проблем), что, несомненно, выступает необходимым условием для более широкого использования позитивного опыта в управленческой практике других приграничных муниципальных образований.

Определить, как качественно влияет «межстоличное» географическое положение в целом на социально-экономическое развитие приграничных с Россией регионов Беларуси и на их внешнюю торговлю в частности, очень легко. Проблема в количественной оценке: для нее необходима масштабная исследовательская программа, которая в силу своего характера просто не может быть только российской или белорусской.

¹ Кузавко А. С. Влияние межгосударственной интеграции на экономическое развитие российско-белорусского приграничья. URL: <https://events-files-bpm.hse.ru> (дата обращения: 11.03.2021).

ЛИТЕРАТУРА

1. Белоруссия и Россия. Очерки русско-белорусских связей второй половины XVI–XVII в. / под ред. З. Ю. Копыцкого. Минск: Вышэйш. шк., 1978.
2. Миллер А. Центр и окраина: метаморфозы проблемы в XVIII–XXI вв. // Центр и региональные идентичности в России. СПб.: М., 2003. С. 35.
3. Болотов Д. А., Межевич Н. М. К вопросу о теории приграничного сотрудничества и некоторых ее практиках на Северо-Западе России // Интеграционные модели приграничного и межрегионального сотрудничества. М.: Кострома, 2015. С. 137.
4. Шамахов В. А., Максимцев И. А., Межевич Н. М. Внешнеэкономические связи России и Беларуси: объективные возможности и препятствия развития // Управленческое консультирование. 2019. № 10 (130). С. 8–16.
5. Максимцев И. А., Межевич Н. М. Приграничное сотрудничество в Северо-Западном федеральном округе в условиях нарастающей политической и экономической неопределенности // Российское пограничье: проблемы развития в новых геополитических условиях: сб. мат. Всерос. науч.-практ. конф. / под ред. В. А. Колосова, А. Б. Володина. М., 2019. С. 88–95.
6. Болотов Д. А., Межевич Н. М. Модели приграничного сотрудничества в России: опыт исследования муниципальных образований Псковской области // Российское экспертное обозрение. 2006. № 4. С. 18.
7. Evans G., Newnham J. Dictionary of International Relations. L., 1998. P. 274.
8. Вертинская Т. С. Межрегиональные связи Беларуси со странами – членами ЕАЭС // Наука и инновации. 2019. № 1. С. 20.
9. Кузавко А. С., Кириллова Е. А. Эволюция бизнес-среды Днепро-Двинского региона: монография. Смоленск: СмолГУ, 2020. 148 с.
10. Сивакова С. Ю., Ноздрева И. Е. Развитие экономики региона на основе кластерного подхода // Науковедение. 2016. Т. 8. № 1.

УДК 330.322.2 (470.23-25)

DOI: 10.31799/2411-4588-2021-1-123-131

Алексей Александрович Румянцев

доктор экономических наук, профессор

Институт проблем региональной экономики РАН

Санкт-Петербург, Россия

ИНВЕСТИЦИИ НА ПРЕДПРИЯТИЯХ ОБРАБАТЫВАЮЩЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА: РАСПРЕДЕЛЕНИЕ В ИННОВАЦИИ И ОСНОВНОЙ КАПИТАЛ¹

Аннотация. Главный рычаг экономического развития предприятия – инвестиции в инновации и основной капитал. Однако выявление обстоятельств их распределения в условиях ограниченности ресурсов в экономической науке не получило развития. Цель работы состоит в том, чтобы в определенной мере восполнить этот пробел на основе анализа динамики фактического распределения инвестиций по ряду предприятий Санкт-Петербурга. Метод исследования – структурно-аналитический, состоящий в группировке по профилю выпускаемой продукции предприятий, имеющих различные отраслевые рынки, с динамикой затрат на инновации и основной капитал по данным годовых отчетов предприятий, имеющимся в открытом доступе в Интернете. Результатом анализа стало установление соотношений инвестиций в инновации и основной капитал в течение периода 2011–2018 гг. по профильным для города предприятиям двух групп обрабатывающих отраслей промышленности: по производству машин и оборудования и средств измерения, контроля, управления. Первая группа – предприятия, выпускающие традиционную продукцию. У них во временном диапазоне наблюдается стабильный уровень затрат на инновации. Вторая группа – предприятия, выпускающие продукцию, которая постоянно подвергается изменениям по требованию потребителей. У них просматривается тренд возрастания затрат на инновации. Сделан вывод о влиянии конъюнктуры рынка на интенсивность инновационной деятельности, технологического развития – на динамику вложений в основной капитал. Анализ соотношения затрат на инновации и вложений в основной капитал может быть использован в формировании инвестиционной политики на предприятии. Дальнейшая работа в этом направлении целесообразна для исследования как внешних, так и внутренних факторов распределения ресурсов на предприятии.

Ключевые слова: регион, предприятие, производство машин и оборудования, производство средств измерения, контроля и управления, распределение, инвестиции в инновации, вложения в основной капитал.

Alexey A. Rumyantsev

Grand PhD in Economic Sciences, Professor

Institute for Regional Economic Studies Russian Academy of Sciences

St. Petersburg, Russia

INVESTMENT IN MANUFACTURING ENTERPRISES IN ST. PETERSBURG: ALLOCATION TO INNOVATION AND FIXED CAPITAL

Abstract. Investments in innovations and capital assets are the most important driver of economic development of an enterprise. However, the identification of the circumstances of their distribution in conditions of limited resources in economics science has not been developed. The aim of the work is to fill this gap to a certain extent based on the analysis of the dynamics of the actual distribution of investments in a number of enterprises in St. Petersburg. The structural analytical method is the main research method. It engages in grouping enterprises by product profile that have different industry markets with the dynamics of expenditures on innovation and capital assets based on data from annual reports of enterprises that are available in open access on the Internet. The result of the analysis was to identify the ratio of investment in innovation and fixed capital assets for the period of 2011 to 2018 for the city's profile enterprises of two groups of manufacturing industries: the production of machinery and equipment and the production of measuring, monitoring, and control tools. The first group consist of companies that produce traditional products. They have a stable level of spending on innovation in the time range. The second group is enterprises that produce products that are constantly subject to changes at the request of consumers. They can see a trend of increasing costs for innovation. The conclusion is made about the influence market conditions on the intensity of innovation and technological development – on the dynamics of investments in fixed assets. We see the possibility of making use of identifying ratios of innovation costs and capital assets investment in the formation of the enterprise investment policy. It is appropriate to focus follow-up studies on further research of both external and internal factors of enterprise resource allocation.

Keywords: region, enterprise, production of machinery and equipment, production monitoring and control equipment, allocation, investments in innovation, investments in fixed assets.

¹ Статья подготовлена по материалам исследования по теме «Развитие теоретико-методологических основ управления устойчивым социально-экономическим развитием регионов» по Программе фундаментальных научных исследований государственных академий наук на 2013–2020 гг.

Введение

Основная задача менеджмента предприятия – обеспечить его устойчивость на внутреннем и внешнем рынке, возможность развития, повышение рентабельности производства. Ее решение связано с тем, насколько продукция предприятия удовлетворяет потребителей по качеству и цене, насколько оно способно производить инновации для собственного потребления, повышения эффективности производства, создавать новшества для рынка [1].

Интенсивность конкуренции активизирует достижение указанных целей. Ее проявления индивидуальны для конкретного предприятия в данный период и диктуют соответствующую ему инновационную деятельность. Поэтому затруднительно дать общие оценки влияния конкуренции на инновации. Например, существует позиция, трактующая связь между конкуренцией и инновациями в форме перевернутой U, когда с увеличением конкуренции инновационная деятельность может уменьшаться. Считается, что «с усилением конкурентной борьбы денежные средства истощаются, инновационный процесс или замедляется, или прекращается совсем» [2, с. 12]. Однако ни одна из существующих моделей конкуренции на рынке продуктов и инноваций не предсказывает модель перевернутой U [3]. В будущем она возможна, если потребуются огромные средства на инновации в конкурентной борьбе. При любой структуре рынка, в том числе олигополистической, монополистической, существующая или потенциальная конкуренция стимулирует инновационную деятельность предприятий.

В условиях открытого рынка имеется конкуренция зарубежных аналогов – прямая на внутреннем рынке и косвенная, не явная, заочная, когда конкурент не присутствует на данном рынке. Покупатель имеет возможность сравнивать и приобретать более эффективные для него изделия, разумеется, при отсутствии санкций. Но и в случае санкций потребитель будет предъявлять требования к качеству продукции, ее соответствию современным требованиям, стимулируя предприятие-производителя к инновационной деятельности. Давление внешнего рынка или требования потребителя активизируют инновационную деятельность в приемлемом для потребителя соотношении качества продукции и цены [4]. Спрос на традиционную и новую либо усовершенствованную продукцию по отраслям и предприятиям – свойство рынка. Конкуренция может стать основанием движения предприятий к инновациям. Именно равная степень

конкуренции на рынке в большей степени определяет неодинаковость показателей инновационности предприятий.

Другое направление решения менеджментом предприятия задачи инвестиций в основной капитал – перевооружение производственного аппарата, а именно замена оборудования на новое с высокими эксплуатационными параметрами, обеспечивающими лучшее качество обработки и повышение производительности [5–6].

Какое направление является приоритетным в конкретный период – выбор менеджмента предприятия [7]. Он может быть основан на анализе рыночного спроса и внутреннего состояния предприятия – технической оснащенности производства. Если рынок продукции предприятия не насыщен, есть возможность расширения ее сбыта, то возможно как расширение производственной базы – вложения в основной капитал, так и внедрение процессных инноваций – разработка новшеств для собственного потребления с целью повышения эффективности производства. В случае насыщенности рынка для удержания предприятием собственной рыночной ниши приоритетной может стать активизация инновационной деятельности, прежде всего в области создания продуктовых инноваций. Это особенно актуально для предприятий, к которым все больше новых требований предъявляются предприятия-потребители (пользователи), находящиеся на гребне технического прогресса (приборостроение, электроника, информационно-коммуникационные технологии и др.) [4]. Здесь главным инициатором инноваций выступает не производитель, а пользователь [8].

Инновации – не самоцель, а средство решения экономических и социальных задач предприятия. Поэтому недопустимы сравнения показателей инновационности отраслей и далеких по выпускаемой продукции предприятий. Последние могут находиться в различных экономических условиях, решать отличные друг от друга задачи, например, обеспечить обновление технологической базы. Этим положением не умаляется роль инноваций, а лишь отмечается их относительная значимость. Следует с осторожностью подходить к оценке рейтингов инновационности разных субъектов экономической деятельности.

Распределение инвестиций на инновации и вложения в основной капитал может дать представление о реальной потребности предприятия в инновациях. Перед его менеджерами возникает задача распределения ограниченных ресурсов по направлениям, обеспечивающим в данный период решение экономических и со-

циальных задач [9]. Ключевую роль здесь играет предпринимательская ориентация бизнеса – активная позиция на рынке и умение ориентироваться в условиях неопределенности [10, с. 8]. Особое внимание уделяется предпринимательским механизмам инновационного развития в крупных фирмах [11].

Теоретический экскурс

В экономической теории инвестиции предприятия традиционно рассматривались как вложения в основной капитал в расчете на получение отдачи в отдаленном будущем [12, с. 35–37] ожидаемого от них дохода [13, с. 241], экономического эффекта [14, с. 144].

Повышение производительности труда, эффективности производства связывалось с ростом органического строения капитала – в стоимостном выражении как отношение постоянного капитала к переменному – и технического строения как отношения массы технических средств к управляемому ими числу работников. С ростом приложения научных результатов к производственным процессам качественно изменялись средства производства. Еще К. Маркс отмечал, что «старый капитал достигает с течением времени момента, когда он обновляется с ног до головы, когда он меняет свою кожу и так же возрождается в усовершенствованно техническом виде» [15, с. 634], то есть рост постоянного капитала может означать не только увеличение массы используемых технических средств, но и их качественное улучшение. В наши дни вместе с ростом технологичности средств производства, отражаемым постоянным капиталом, повышается значимость работника, его образования, квалификации, компетенции, соответствующие требованиям современных технологий – источника роста производительности. Рост переменного капитала может быть связан уже с ростом оплаты труда относительно численности. В этом случае рост производительности труда может наблюдаться при разном уровне органического строения капитала, а не только при его возрастании [16].

В историческом аспекте, наряду с инвестициями в основной капитал, все большую значимость начинают приобретать вложения в работника, организационные инновации [17]. В обобщенном виде это инновации в повышение эффективности производства [18]. Делается вывод о фундаментальной важности инноваций как основного успеха фирм [19], предприятия с сильной приверженностью к НИОКР имеют более высокие темпы роста [20]. Обычно к иннова-

циям в производственной сфере относятся разработка и освоение новых изделий, технологий, организаций, рынков [21, с. 128], охватывающие весь процесс деятельности, включая практическое применение новых знаний, с целью удовлетворения потребности отдельных потребителей, при наличии риска и неопределенности на всех этапах инновационных процессов [22].

Вместе с усилением значимости инноваций возникла проблема распределения общего ресурса инвестиций между ними и основным капиталом. Она крайне важна с точки зрения освоения современных способов управления распределением и использованием прибыли предприятия [23, с. 95]. При определении основных направлений использования прибыли предлагается прежде всего учитывать состояние конкурентной среды, которая может влиять на назначение ресурсов для финансирования капитальных вложений, обеспечения научно-исследовательской деятельности, внедрения новых технологий, перехода на прогрессивные методы труда [24]. Однако анализ влияния рыночных ситуаций на распределение инвестиций предприятия на основной капитал и инновации в экономической литературе не получил развития.

Метод и данные исследования

В качестве объекта исследования были выбраны предприятия Санкт-Петербурга – научно-инновационного и промышленного центра, имеющего многоотраслевую структуру промышленности с различным состоянием отраслевых рынков: спроса, конкуренции, динамики. С целью выявления их влияния на инвестиционную политику предприятий были определены две группы предприятий обрабатывающей промышленности профильных отраслей (производство) города: 1) машин и оборудования; 2) средств измерения, контроля, управления. Выбор отраслей обусловлен возможными различиями состояния рынков для машин и оборудования и приборов по контролю и управлению производственными процессами.

В первую группу (машины и оборудование) вошли предприятия ПАО «Силовые машины», ПАО «Ижорские заводы», ПАО «Звезда», ООО «Из-Картэкс» им. П. Г. Коробкова. Вторую группу (производство средств измерения, контроля, регулирования) составили АО «НПО завод „Волна“», холдинг «Ленполиграфмаш», ООО «Ниизфа-Энерго», ОАО «Авангард».

Информационной базой служили бухгалтерские балансы предприятий, имеющиеся в открытом доступе в Интернете. Публичная финан-

совая отчетность проверяется аудиторскими компаниями, что выступает залогом ее надежности [25, с. 128]. Временной диапазон анализа составил 2011–2018 гг. Установлено, что самым ранним периодом доступного бухгалтерского баланса был 2011 г. Представлена попытка получить некоторое представление о состоянии распределения инвестиций на предприятиях в течение этого ограниченного периода.

Результаты анализа

По группам предприятий построены графики динамики инвестиций в основной капитал и инновации по отношению к выручке (рис. 1–4, сплошная линия (–) – доля инвестиций в инновации, прерывистая (--) – доля инвестиций в основной капитал по отношению к выручке). Инвестиции в основной капитал принимались по данным статьи «Платежи в связи с приобретением, созданием, модернизацией, реконструкцией и подготовкой к использованию внеоборотных активов», код статьи бухгалтерского баланса 4221. Инвестиции в инновации определялись на основе статьи «Результаты исследований и разработок», код 1120.

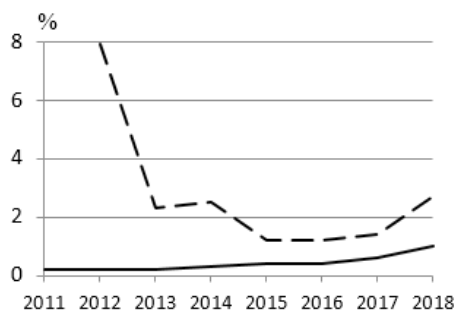


Рис. 1. ПАО «Силловые машины», производство турбин

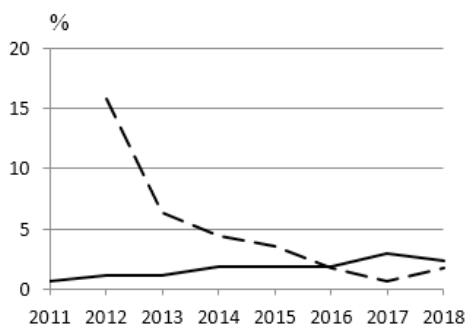


Рис. 2. ПАО «Ижорские заводы», производство ядерных установок

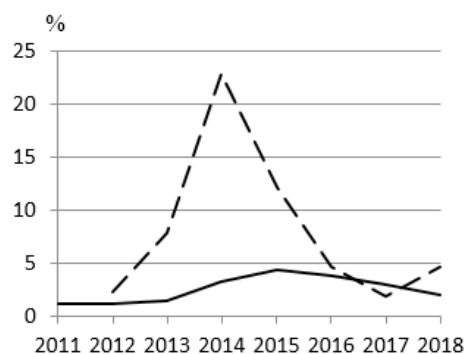


Рис. 3. ООО «Из-Картэкс» и.м. П. Г. Коробкова, производство экскаваторов

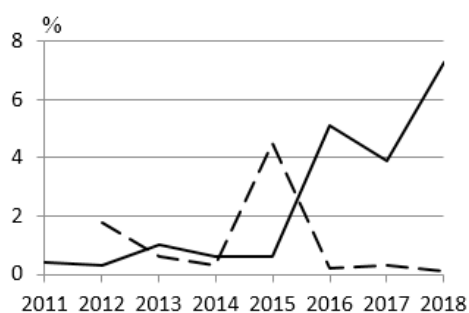


Рис. 4. ПАО «Звезда», производство высокооборотных дизелей для судостроения, в том числе для Военно-Морского Флота

Первая группа предприятий – производство машин и оборудования

Как следует из рис. 1–3, на предприятиях капиталоемких отраслей промышленности, выпускающих традиционную продукцию с относительно устойчивым рынком (по данным динамики выручки из бухгалтерских балансов), наблюдается в основном стабильная доля затрат на инновации, определяемых по данным статьи бухгалтерского баланса 1120. Инновационная деятельность на них связана с эволюционным развитием производства. Затраты на нее колеблются в пределах 2,5% от выручки независимо от уровня рентабельности продаж (отношение прибыли от продаж к выручке). Разрабатывались и реализовались инициативные инновационные проекты конкурентоспособных видов профильной продукции, велись работы, направленные на повышение надежности и технического уровня выпускаемой продукции: турбин, реакторов, дизелей, экскаваторов (табл. 1).

Велись работы по импортозамещению. В ПАО «Ижорские заводы» созданы импортозамещающие сварочные материалы для изготовления

Таблица 1

Основные направления разработки и реализации инноваций на предприятиях по производству машин и оборудования

| Предприятие | Продукция | Основные направления разработки и реализации инноваций в 2011–2018 гг. |
|--------------------------------------|--------------------------|--|
| 1 | 2 | 3 |
| ПАО «Силовые машины» | Турбины, турбогенераторы | Разработка и освоение в производстве турбогенераторов с полным водородным и воздушным охлаждением, газовых турбин средней и большой мощности |
| ПАО «Ижорские заводы» | Оборудование для АЭС | Проектирование нового корпусного оборудования с ранее достигнутыми надежностью и защитой реактора |
| ООО «Из-Картэкс» им. П. Г. Коробкова | Карьерные экскаваторы | Повышение конструктивно-эксплуатационных параметров выпускаемых моделей экскаваторов |
| ПАО «Звезда» | Дизели для судостроения | Разработка, изготовление, испытание новых моделей дизельного двигателя с улучшенными параметрами, исследование возможности продления срока службы дизельного двигателя |

Примечание: составлено по данным годовых отчетов предприятий.

корпусов нефтехимических реакторов. Большое внимание уделялось внедрению новых технологий, особенно при освоении новой продукции в областях технологии измерений, сварки, штамповки тугоплавких сплавов металлов и др., применения новых материалов, в частности металлокерамики. Рост затрат на инновации в ПАО «Звезда» в 2016–2018 гг. вызван выполнением ряда завершающих этапов по заключенным контрактам. В ПАО «Силовые машины» в течение 2011–2018 гг. инновационная политика формировалась в соответствии со стратегией компании по созданию новых тихоходных и быстроходных турбин, турбогенераторов и других конкурентоспособных видов продукции, обеспечивая стратегическую устойчивость предприятия.

Вложения в основной капитал традиционно связаны с модернизацией производственных комплексов, приобретением нового оборудования. Обращает на себя внимание систематическое обновление в течение анализируемого периода оборудования механической обработки, в том числе с ЧПУ, в ПАО «Звезда». На этом же предприятии (см. рис. 4) наблюдается тенденция роста затрат на инновации, обусловленная требованиями заказчиков (судостроительной отрасли, ВМФ) повышать конструктивно-эксплуатационные параметры выпускаемых изделий.

На предприятиях капиталоемких отраслей затраты на инновации по внедрению новой продукции и услуг могут содержать дополнительную компоненту, вызванную необходимостью их адаптации к действующим мощностям. В экономической литературе даже предлагается

вводить «инновации второго порядка», воздействующие на производственный процесс и позволяющие внедрять новые продукты и услуги без резкого снижения загрузки мощности [26].

Таким образом, рыночный спрос воздействует на динамику затрат на инновации – их стабилизацию или рост в связи с повышенными требованиями заказчика. Динамика вложений в основной капитал, их возрастание в отдельные периоды на предприятиях капиталоемких отраслей обусловлены в первую очередь решением внутренних задач предприятий.

Вторая группа предприятий – производство средств измерения, контроля, управления

На графиках, составленных для предприятий по производству средств измерения, контроля, регулирования, выпускающих в основном традиционную продукцию (рис. 5–7, сплошная линия (-) – доля инвестиций в инновации, прерывистая линия (- -) – доля инвестиций в основной капитал по отношению к выручке), доля затрат на инновации относительно стабильна. Она колеблется в пределах 1% от выручки. Здесь, как и в первой группе предприятий, инновационная деятельность ориентирована на создание новой и модернизацию профильной для предприятий продукции. На предприятиях, функционирующих на развивающихся отраслевых рынках, отличающихся ростом требований заказчиков к параметрам изделий (рис. 8–10), в условиях конкуренции отече-

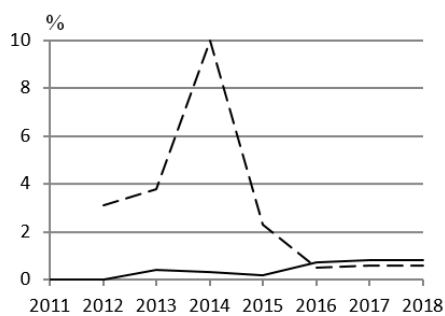


Рис. 5. ОАО «НПО Завод „Волна“», производство аппаратуры систем управления связи, радиостанций

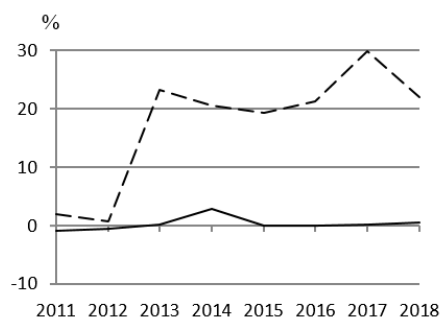


Рис. 6. Холдинг «Ленполиграфмаш», точное приборостроение: принтеры, сканеры, бумагоуничтожители

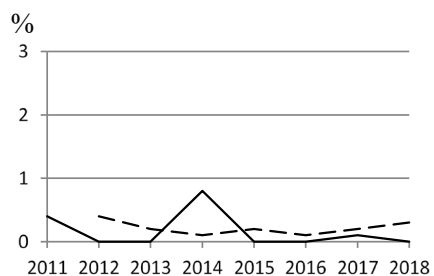


Рис. 7. ООО «Ниизфа-Энерго», производство электротехнической распределительной и регулирующей аппаратуры

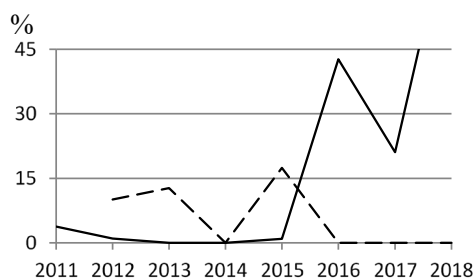


Рис. 8. ОАО «Авангард», производство радиоэлектроники, микросистемотехники

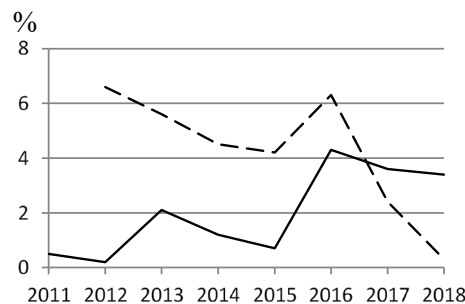


Рис. 9. АО «ЛОМО», производство оптических изделий

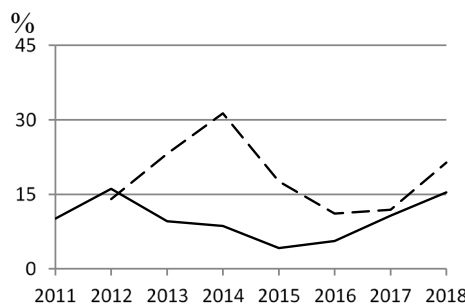


Рис. 10. АО «Океанприбор», производство гидроакустических приборов

ственных и зарубежных компаний отмечается тенденция возрастания затрат на инновации. В ОАО «Авангард» они выросли до 45% в 2018 г., в АО «ЛОМО» – до 4%, в АО «Океанприбор» – до 15%. Рост затрат на инновации обусловлен в том числе новыми заказами на спецтехнику и преодоление разрыва кооперационных связей с Украиной. Особенно заметна эта тенденция в АО «Авангард» (производство радиоэлектроники и системотехники). Повышается роль инновационного менеджмента по разработке и внедрению новых продуктов [27]. В табл. 2 приведены основные направления разработки и реализации инноваций на предприятиях второй группы.

Во вложениях в основной капитал, наряду с внедрением нового технологического оборудования, проводилось обновление станочного парка. Росла доля затрат на развитие автоматизированных систем управления и производственных процессов (холдинг «Ленполиграфмаш», ОАО «Авангард»), в том числе на базе цифровых технологий (ОАО «Океанприбор»).

Большинство анализируемых предприятий функционирует в олигополистической структуре рынка, а некоторые из них можно признать монополистами в своей отрасли, выпускающими уникальные изделия, например АО «ЛОМО» и ОАО «Авангард», которые не снижают, а уве-

Таблица 2

**Основные направления разработки и реализации инноваций
на предприятиях по производству средств измерения, контроля, управления**

| Предприятие | Продукция | Основные направления разработки и реализации инноваций в 2011–2018 гг. |
|--------------------------|--|--|
| ОАО «НПО Завод „Волна“» | Системы управления связью | Разработка и производство систем автоматизации связи, антенно-мачтовых устройств |
| Холдинг «Ленполиграфмаш» | Точное приборостроение | Создание устройств документирования, сканирования информации и ее уничтожения |
| ООО «Ниизфа-Энерго» | Электротехническая распределительная и регулирующая аппаратура | Разработка и производство распределительных устройств низкого и среднего напряжения для транспортной отрасли, нефтяной и газовой промышленности |
| ОАО «Авангард» | Радиоэлектроника, микросистемотехника | Разработка и производство газоаналитических приборов, фотоэлектронных преобразователей, изделий акустоэлектроники, электронных модулей для предприятий различных отраслей |
| АО «ЛОМО» | Оптические изделия | Создание телескопов для мониторинга околоземного космического пространства, солнечной активности. Концепция системы передачи энергии на дальнее расстояние с помощью лазерного излучения |
| АО «Океанприбор» | Гидроакустические приборы | Разработка и производство гидроакустических приборов, не уступающих лучшим зарубежным аналогам |

Примечание: составлено по данным годовых отчетов предприятий.

личивают долю затрат на инновации. Наше исследование не подтверждает тезис о том, что «фактором интенсивности инновационной деятельности является структура рынка (монополия, олигополия, и „совершенная конкуренция“)» [28, с. 87]. Мы придерживаемся концепции Й. Шумпетера о том, что тот, у кого есть собственный рынок, пытается – по крайней мере должен пытаться – его сохранить и расширить [21, с. 122], «бизнесмен ощущает себя в конкурентной ситуации даже тогда, когда он является полным монополистом в своей отрасли» [21, с. 129]. Именно конкурентная ситуация на рынке, в том числе заочная с зарубежными фирмами, объясняет инновационный процесс, степень которого определяют внутренние ресурсы и факторы фирмы [29].

Различия российского внутреннего рынка инноваций и глобального рынка индустриально развитых стран состоят в их структуре. Компании индустриально развитых стран находятся в жесткой конкуренции. Их главная задача – выживание и «отвоевывание» уже поделенного рынка, которое возможно за счет выпуска все новой продукции. Новизна – основное конкурентное преимущество глобальных корпораций. Для российских предприятий внутренний рынок ставит иные задачи – выпуск продукции

и услуг по качеству не ниже мирового уровня, в том числе путем технологических заимствований и адаптаций. Именно структура рынков инноваций обуславливает разные по величине показатели по выпуску новой для рынка продукции России и стран Европы, а отнюдь не только слабость национальной инновационной системы. Абсолютная приоритетность отечественной обрабатывающей промышленности у трех рынков – местного, регионального, российского.

В существующих условиях выход российских компаний на мировой рынок возможен путем обеспечения конкурентного преимущества соотношения качества и цены продукции (анализируемые предприятия Санкт-Петербурга) или выпуска продукции, изготовленной на основе оригинальных технологических решений, либо посредством создания нового рынка. Радикальные инновации служат главным средством как завоевания лидерства на рынке новыми компаниями, так и выживания действующих фирм в конкурентной борьбе. Российские предприятия с конкурентоспособной продукцией мирового уровня можно отнести к авангарду компаний по решению задач повышения производительности труда и экономического роста [30].

Заключение

Инвестиции – главный ресурс экономического развития предприятия. Их распределение на инновации и вложения в основной капитал обуславливает технологическое развитие предприятия, влияет на его экономический рост и устойчивость на рынке. Как показало исследование, на предприятиях капиталоемких отраслей промышленности, выпускающих традиционную продукцию с относительно устойчивым рынком, наблюдается в основном стабильная во временном аспекте доля затрат на инновации. Инновационная деятельность в них связана с эволюционным развитием выпускаемой продукции. Затраты на нее колеблются в пределах 2,5% от выручки независимо от уровня рентабельности продаж.

Многолетний выпуск традиционной продукции, пользующейся спросом на рынке, с систематичным улучшением ее конструктивно-эксплуатационных параметров, обновлением и расширением линейки ее производства предопределил ее конкурентоспособность на мировом рынке. Энергетическое оборудование (ПАО «Силовые машины») экспортируется в страны Северной и Восточной Европы, Китай, Индию, Вьетнам, страны Латинской Америки, Африки; оборудование для АЭС (ПАО «Ижорские заводы») поставляется в Китай, Индию, Иорданию, Венесуэлу, Марокко, Белоруссию, на Украину; карьерные экскаваторы (ООО «Из-Картэкс») – в Монголию.

На предприятиях по производству средств измерения, контроля, управления, к параметрам изделий которых постоянно растут требования заказчиков (федеральных органов управления), отмечается тенденция возрастания затрат на инновации в динамике.

Изложенные в статье результаты исследования распределения инвестиций по предприятиям Санкт-Петербурга позволили выявить его особенности в зависимости от отраслевой принадлежности предприятий, влияния внешней среды (конъюнктуры рынка) и решения внутренних задач (обновление технологий). Их учет будет способствовать повышению обоснованности и рациональному использованию инвестиций. Результаты исследования вносят вклад в теорию инвестиций на микроуровне в части распределения по основным направлениям их использования. В прикладном плане анализ динамики затрат на инновации и вложений в основной капитал может быть использован в формировании инвестиционной политики предприятия с учетом опыта прошлых лет по распределению ресурсов.

ЛИТЕРАТУРА

1. **Гончар К.** Инновационное поведение крупнейших компаний: ленивые монополии или агенты модернизации // *Мировая экономика и международные отношения*. 2009. № 3. С. 3–14.
2. **Бекетов Н. В.** Цикличность развития экономической системы и инновационные отношения в конкурентной среде // *Экономический анализ: теория и практика*. 2008. № 2 (107). С. 10–16.
3. **Aghion P., Bloom N., Blundell R., Griffith R., Howitt P.** Competition and Innovation: An inverted – U relationship // *Quarterly Journal of Economics*. 2005. Vol. 120. N 2. P. 701–728.
4. **Румянцев А. А.** Влияние рынка на интенсивность инновационной деятельности на предприятиях обрабатывающей промышленности // *Россия: тенденции и перспективы развития*. Вып. 15. Ч. 1. М.: ИНИОН, 2020. 794 с. С. 517–522.
5. **Пискунов А. И.** Техническое перевооружение как основа инновационного развития промышленных предприятий России // *Вопросы инновационной экономики*. 2019. Т. 9. № 1. С. 137–150.
6. **Гороховицкая Т. Н.** Оптимизация технологического оборудования предприятия // *Российское предпринимательство*. 2010. № 10 (2). С. 76–81.
7. **Dodgson M.** Innovation in Firms // *Oxford Review of Economic Policy*. 2017, N 33 (1). P. 85–100.
8. **Зайцева А. С., Шувалова О. Р.** Новые акценты в развитии инновационной деятельности: инновации, иницируемые пользователями // *Форсайт*. 2011. Т. 5. № 2. С. 16–32.
9. **Коробова О. О.** Распределение ресурсов как основная задача системы управления предприятием // *Современные наукоемкие технологии*. Региональное приложение. 2014. № 4 (40). С. 76–82.
10. **Широкова Г., Богатырева К., Беляева Т.** Предпринимательская ориентация российских фирм: роль внешней среды // *Форсайт*. 2015. Т. 9. № 3. С. 6–25.
11. **Kuemmerle W.** Innovation in Large Firms // *The Oxford Handbook of Entrepreneurship*. 2009. URL: https://www.researchgate.net/publication/290365968_Innovation_in_Large_Firms (дата обращения: 06.04.2020).
12. **Маршалл А.** Принципы экономической науки II. М.: Прогресс, Универс, 1993. 310 с.
13. **Кейнс Дж. М.** Общая теория занятости, процента и денег. М.: Эконов, Ключ, 1993. 486 с.
14. **Ойкен В.** Основные принципы экономической политики. М.: Прогресс, Универс, 1995. 496 с.
15. **Маркс К.** Капитал. Т. 1. М.: Гос. изд-во полит. литры, 1951. 794 с.
16. **Румянцев А. А.** Органическое строение капитала: влияние технологического развития // *Журнал экономической теории*. 2020. Т. 17. № 1. С. 91–100.

17. Оуй П., Дхондт С., Жябярите-Якштуене Р., Коррал А., Тоттердилл П. Европейский опыт внедрения инноваций на рабочем месте: что, зачем и как // Экономические и социальные перемены в регионе: факты, тенденции, прогноз. 2016. № 5. С. 195–218.
18. Gollay I. N., Holloy A. V., Shindina T. A., Salimonenko E. N. Priority Areas of Analysis of the External Environment of a Company-innovator Depending on a Type of Introduced Innovations // Polish Journal of Management Studies. 2016, N 13 (2). P. 58–68.
19. Roos G. Design-Based Innovation for Manufacturing Firm Success in High-Cost Operating Environments // The Journal of Design, Economics, and Innovation. 2016, N 1 (2). P. 5–27.
20. Oliveira B., Fortunato A. Firm Growth and R&D: Evidence from the Portuguese Manufacturing Industry // Journal of Evolutionary Economics. 2017. Vol. 27. P. 613–627.
21. Шумпетер Й. Капитализм, социализм, демократия. М.: Экономика, 1995. 544 с.
22. Meissner D., Kotsemir M. Conceptualizing the Innovation Process Towards the Active Innovation Paradigm – Trends and Outlook. 2016. URL: <https://innovation-entrepreneurship.springeropen.com/articles/10.1186/s13731-016-0042-z> (дата обращения: 20.04.2020).
23. Шеина Е. Г., Кошелева В. И. Политика формирования и распределения прибыли на предприятии // Вестник Прикамского социального института. 2017. № 3 (78). С. 89–98.
24. Crowley F., Jordan D. Does More Competition Increase Business-level Innovation? Evidence from Domestically Focused Firms in Emerging Economies // Journal Economics of Innovation and New Technology. 2017, N 5 (26). P. 477–488.
25. Иванинский И. О., Тюрина Е. И. Влияние интеллектуального капитала на структуру капитала компаний России // Вестник НГУ. 2010. Т. 10. Вып. 3. С. 125–132.
26. Fevolden A. M., Gronning T. Combining Innovation and Capacity Utilization in High Throughput Systems: Moving Beyond the Product Life Cycle Model by Introducing Second-Order Innovations // Journal Industry and Innovation. 2010, N 6 (17). P. 609–628.
27. Gureva M. A., Kirillov A. V., Vinichenko M. V., Melnichuk A. V., Melnychuk Y. A. Management of Innovations and Innovative Process: Concept, Essence, Classification and Diffusion // International Review of Management and Marketing. 2016, N 6 (6). P. 147–153.
28. Овчинникова А. В. Анализ влияния структуры рынка на инновационную деятельность // Вестник ЮУрГУ. Сер. «Экономика и менеджмент». 2013. Т. 7. № 2. С. 86–94.
29. Galende J., Manuelde la Fuente J. Internal Factors Determining a Firm's Innovative Behavior // Journal Research Policy. 2003, N 5 (32). P. 715–736.
30. Румянцев А. А. Роль рынка в развитии инновационной деятельности на предприятиях Санкт-Петербурга: сб. науч. ст. / под ред. Л. П. Совершовой. 2020. № 1 (14). С. 125–128.

УДК 334.021.1

DOI: 10.31799/2411-4588-2021-1-132-137

Марина Иоковна Лубочкина*

кандидат технических наук, доцент

Ли Цзяту*

аспирант

*Санкт-Петербургский государственный экономический университет

Санкт-Петербург, Россия

ОЦЕНКА ПОТЕНЦИАЛА СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ И КИТАЯ В СФЕРЕ МАЛОГО И СРЕДНЕГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

Аннотация. Определяется роль малого и среднего предпринимательства в обеспечении социально-экономического развития стран. Приведены предпосылки сотрудничества Китая и России в сфере малого и среднего предпринимательства. На основе анализа внешнеторговых отношений определяется потенциал и проблемы сотрудничества Китая и России в сфере малого и среднего предпринимательства. Уточнены основные направления развития сотрудничества Китая и России в сфере малого и среднего предпринимательства как условие реализации потенциала в данной сфере.

Ключевые слова: малое и среднее предпринимательство, Россия, Китай, сотрудничество.

Marina I. Lubochkina*

PhD Sc. Tech, Associate Professor

Li Jiatong*

PhD Student

*St. Petersburg State University of Economics

St. Petersburg, Russia

ASSESSMENT OF THE COOPERATION POTENTIAL OF RUSSIA AND CHINA IN THE SPHERE OF SMALL AND MEDIUM ENTREPRENEURSHIP

Abstract. The article defines the role of small and medium-sized businesses in ensuring the socio-economic development of countries. The prerequisites for cooperation between China and Russia in the field of small and medium-sized businesses are presented. Based on the analysis of foreign trade relations, the potential and problems of cooperation between China and Russia in the field of small and medium-sized businesses are determined. The main directions of the development of cooperation between China and Russia in the field of small and medium-sized enterprises have been clarified as a condition for realizing the potential in this area.

Keywords: small and medium business, Russia, China, cooperation.

Введение

Уровень развития малого и среднего предпринимательства (МСП) оказывает определяющее влияние на уровень развития национальной экономики. Необходимость развития МСП не вызывает сомнений и связана с многочисленными эффектами, которые получает экономика и общество от развития данной сферы: появление новых рабочих мест, создание источника доходов для широких слоев населения, возможность реализации творческой инициативы населения, мультипликационные отраслевые эффекты, поддержка развития крупного бизнеса, инновационного развития эко-

номики и ряд других эффектов [1]. Согласно данным исследований международных организаций, к 2030 г. понадобятся дополнительные 600 млн рабочих мест [2]. В таких условиях значение сектора МСП также особенно велико, поскольку он является значимым фактором снижения возможных экономических и политических кризисов в странах мира.

Методика исследования

Сектор МСП играет определяющую роль в формировании валовой добавленной стоимости во многих странах мира. В некоторых стра-

нах мира (например, Ирландии, Италии, Швеции, Эстонии и др.) его доля в формировании отраслевой валовой добавленной стоимости превышает 90% [3].

Одним из источников развития сектора МСП в современных условиях становится усиление межгосударственных связей. Это особенно актуально для стран, взаимодействие и планы экономического развития которых характеризуются наличием амбициозных целей. Роль МСП состоит в развитии экономических связей между государствами. Малое и среднее предпринимательство становятся источником развития взаимной торговли и инвестиций стран.

В последние годы международное экономическое пространство характеризуется возникновением и развитием противоречий между странами и регионами. В таких условиях происходят изменения в структуре взаимодействия между участниками экономических отношений. Так, изменения в геоэкономической ситуации повлияли на интенсификацию сотрудничества Китая и России в сфере предпринимательства в целом и малого и среднего предпринимательства в частности. Страны активно сотрудничают в различных отраслях, связанных с развитием малого и среднего бизнеса. В таких условиях требуется оценить потенциал сотрудничества стран в данной сфере.

Оценивая потенциал сотрудничества России и Китая в сфере МСП, следует учитывать показатели экспортной деятельности России, где субъекты МСП занимают относительно небольшую часть в структуре торговли. Как показывает анализ официальной статистики, в последнее время в России постепенно увеличивается количество предприятий МСП, осуществляющих экспортную деятельность: к 2020 г. их количество приблизилось к 50 тыс. (в сравнении с 10 тыс. в 2014 г.) [4]. Недостаточная развитость экспортной деятельности в структуре МСП является одним из препятствий в реализации потенциала сотрудничества сторон в рассматриваемой сфере.

Согласно данным Федеральной таможенной службы России, доля экспорта субъектов МСП в общем объеме несырьевого экспорта в последние годы увеличивается: за первое полугодие 2020 г. она превысила 18% [5]. Вместе с тем такой объем экспорта остается недостаточным – например, в странах Европы на экспорт предприятий МСП приходится свыше 50% от суммарного объема экспорта [6].

Основные препятствия и проблемы осуществления экспортной деятельности субъектов МСП в целом характерны и для межгосудар-

ственных отношений России и Китая. Среди них можно выделить ряд следующих проблем:

а) рыночные – конкурентоспособность субъектов МСП и выпускаемой продукции для китайского рынка; проблемы продвижения продукции субъектов МСП на зарубежных рынках; подверженность влиянию валютной волатильности;

б) ресурсной ограниченности;

в) административного свойства;

г) организационные;

д) структурно-экономические и др.

Сотрудничество Китая и России в сфере МСП нельзя рассматривать вне контекста культурных и исторических особенностей развития предпринимательства в странах и особенностей восприятия субъектов предпринимательской деятельности.

В отличие от китайского опыта, в России предприниматели только в последние годы начали восприниматься в позитивном контексте. При этом происходят изменения в портрете российского предпринимателя в сравнении с его чертами в 1990-х гг.

Согласно исследованию РвС и НАФИ, две трети российских предпринимателей считают, что ключевым экономическим партнером России в ближайшие годы будет Китай, при этом каждый третий отмечает важность сектора МСП в развитии российской экономики [7]. Согласно результатам исследования РвС и НАФИ, за последние 30 лет российское малое и среднее предпринимательство кардинально изменилось.

Только в последние годы в России бизнес перестал восприниматься как нечто зазорное, что также существенно отличает российскую практику от китайской, где данные изменения произошли гораздо раньше. Разные условия ведения предпринимательской деятельности определяют и разную оценку внешних угроз для бизнеса старшим и современным поколением российских предпринимателей. Так, старшее поколение отмечает, что бизнес в 1990-е гг. был связан с риском для жизни и здоровья своего и близких. В современных условиях предприниматели основным риском называют потерю деловой репутации (56% респондентов). Большая часть представителей малого и среднего бизнеса старшего поколения отмечают, что бизнес в России стало вести легче (59%). Существенная часть респондентов (64%) говорит об упрощении процедуры открытия бизнеса, 55% указывает на рост доступности кредитов, около 24% – на снижение уровня коррупции [8].

В исследовании Глобальный мониторинг предпринимательства за 2019–2020 гг. приво-

дятся результаты опроса субъектов МСП, которые могут использоваться для сравнения условий осуществления предпринимательской деятельности в странах мира [9]. В частности, интерес представляют некоторые аспекты, позволяющие сравнить условия ведения предпринимательской деятельности в России и Китае.

Результаты исследования

В вышеназванном исследовании приводятся результаты опроса респондентов о восприятии и отношении к предпринимательской деятельности (таблица). В Китае несколько выше активность предпринимательской деятельности с точки зрения ответов респондентов на вопрос о знании граждан, которые начали вести предпринимательскую деятельность. Существенно отличается восприятие возможностей для начала бизнеса в странах: в Китае 74,9% респондентов в возрасте от 18 до 64 лет указывают на хорошие возможности для начала предпринимательской деятельности (5 место в рейтинге 54 стран), в России же этот показатель составляет 29,6%, или 48 место в группе исследуемых стран. Отличается также осознание респондентами собственных навыков осуществления предпринимательской деятельности: в Китае 67,4% опрошенных указывают на наличие умений, знаний и опыта для осуществления предпринимательской деятельности, в России доля таких респондентов по состоянию на 2019 г. составила только 35,6%.

Принимая во внимание исторические особенности становления малого и среднего бизнеса в Китае и России, социально-культурные аспекты осуществления предпринимательской деятельности, неудивительными являются результаты опроса экспертов о способствовании отношения общества (поощрении, прославлении, других видов общественного стимулирования) и сложившихся культурных и социальных норм в предпринимательской деятельности к его развитию. Китай по данному условию занимает 4 позицию в рейтинге 54 стран, а Россия – 41.

Таким образом, один из факторов, которые требуется учитывать при разработке мер реализации потенциала сотрудничества России и Китая, – социально-культурные и исторические различия в области малого и среднего предпринимательства.

О потенциале сотрудничества России и Китая в сфере МСП свидетельствуют ориентиры, обозначенные лидерами стран. Например, Соглашение между правительством Российской Федерации и правительством Китайской Народной Республики о безвизовых групповых туристических поездках позволяет в том числе развить предпринимательскую активность в сфере туризма [10]. Смежных целей позволяет достичь Соглашение об облегчении поездок граждан стран. Таким образом, одним из ключевых направлений сотрудничества между сторонами в сфере малого и среднего предпринимательства можно назвать сотрудничество в сфере туризма [11]. Данное отраслевое направление характери-

Сопоставление Китая и России по отношению и восприятию респондентов к предпринимательской деятельности, 2020 г.

| Элемент восприятия или отношения респондентов к предпринимательству | Китай | | Россия | |
|---|----------------|------------------------------|----------------|------------------------------|
| | % респондентов | место в рейтинге (54 страны) | % респондентов | место в рейтинге (54 страны) |
| Знаете ли кого-нибудь, кто начал новый бизнес | 66,2 | 7 | 57,2 | 16 |
| Хорошие возможности для начала предпринимательской деятельности в стране | 74,9 | 5 | 29,6 | 48 |
| Легко начать бизнес в стране | 36,2 | 35 | 31,4 | 44 |
| Владею навыками и знаниями осуществления предпринимательской деятельности | 67,4 | 14 | 35,6 | 48 |
| Имеется страх неудачи осуществления предпринимательской деятельности | 44,7 | 21 | 45,2 | 19 |
| Наличие намерений открыть предпринимательскую деятельность | 21,4 | 22 | 9,8 | 41 |

Примечание: составлено автором на основе результатов исследования Global Entrepreneurship Monitor 2019/2020.

зуются наличием потенциала в силу географического фактора, который располагает к развитию туризма.

В 2019 г. между уполномоченными органами Китая и России подписан Меморандум о взаимопонимании об укреплении сотрудничества в сфере координации деятельности в туризме [12]. Между Россией и Китаем имели место и другие соглашения в сфере туризма [13]. В соответствии с этими документами стороны будут в полной мере использовать возможности для укрепления взаимодействия в сфере туризма в следующих направлениях: информационное взаимодействие, осуществление инвестиций в сферу туризма, маркетинг в сфере туризма и профессиональная подготовка в этой сфере.

Вопросам развития туризма, который рассматривается в том числе как источник развития сектора МСП, посвящены исследования, в которых раскрывается потенциал взаимодействия в данной сфере [14]. Например, значительным потенциалом для предприятий МСП обладает программа China Friendly [15]. Ее цель не только создание комфортной среды для китайских туристов в России, но и продвижение российского турпродукта в Китае. Участие в ней предоставляет субъектам МСП ряд преимуществ: рост обращений, получение дополнительного канала продаж услуг, участие в площадке по продвижению турпродукта, получение конкурентных преимуществ на рынке туристических услуг. К возможным участникам программы отнесен широкий круг субъектов малого и среднего предпринимательства:

- средства размещения (отели, гостиницы, мини-отели, хостелы и др.);
- объекты показа (музеи, галереи, памятники, парки, цирки);
- туристические компании;
- организации общественного питания;
- торговые организации.

Обсуждение результатов

В условиях пандемии коронавирусной инфекции туристические потоки между странами приостановлены. Между тем актуальной областью продолжают оставаться отдельные направления туризма, например деловой туризм.

Совместные заявления стран последних лет расширяют возможные направления сотрудничества в сфере малого и среднего предпринимательства, определяя потенциал данного направления. В Совместном заявлении от 2018 г. [16] Россия и Китай отмечают достижение согласия

в решении ряда задач, в том числе связанных с развитием сектора МСП:

- развитие трансграничной электронной торговли;
- углубление сотрудничества в финансовой сфере;
- сотрудничество в научно-технической сфере при участии субъектов предпринимательской деятельности;
- уплотнение сотрудничества в инновационных сферах;
- развитие сотрудничества в сельском хозяйстве;
- развитие сотрудничества в социально значимых сферах: образовании, культуре, спорте и др.

В Совместном заявлении сторон от 2019 г. уделяется внимание необходимости популяризации отдельных форм малого инновационного предпринимательства с использованием бизнес-инкубаторов для реализации предпринимательских инициатив сторон. Отмечается цель содействия подготовки молодых профессионалов для внедрения инноваций и создания новых предприятий. Данное направление также характеризует потенциал взаимодействия сторон в сфере малого и среднего предпринимательства [17].

Среди направлений, которые бы позволили раскрыть потенциал российско-китайского сотрудничества в сфере малого и среднего предпринимательства, можно выделить две группы: а) направления общего характера, охватывающие все отрасли экономики; б) отраслевые направления мер, связанные с реализацией потенциала отдельных отраслей, сфер и видов экономической деятельности.

Выводы

К числу мер общего характера можно отнести следующие:

1. Создание единых аналитических виртуальных ресурсов с предоставлением информации об устройстве российского или китайского рынка соответствующим субъектам малого и среднего предпринимательства.

2. Дополнение действующих государственных программ специальными механизмами, позволяющими раскрыть потенциал отдельных проектов межгосударственного сотрудничества. Например, может быть задействован механизм грантовой поддержки на конкурсной основе наиболее удачных проектов, объединяющих ресурсы российского и китайского предприятия МСП.

3. Региональная дифференциация поддержки межгосударственного сотрудничества, особенно с российской стороны.

4. Совершенствование механизмов информационного обмена между субъектами МСП России и Китая.

5. Формирование научно обоснованных мер продвижения продукции предприятий МСП на российском и китайском рынках с учетом многочисленных особенностей стран.

6. Устранение административных, таможенных и сертификационных барьеров в отношениях между странами.

7. Создание особых (инновационных) зон, обеспечивающих условия для продуктивного сотрудничества России и Китая.

8. Интеграция телекоммуникационных подсистем как условие развития электронной торговли.

Вторая группа мер требует принятия решений по следующим сферам, отраслям и видам экономической деятельности:

1. Отрасль высоких технологий (в особенности технологий «Интернет +» и «интернет вещей»), программного обеспечения.

2. Продукция радиоэлектронной промышленности.

3. Сфера инноваций и венчурного предпринимательства.

4. Развитие туризма между Россией и Китаем как одной из перспективных сфер развития МСП.

5. Развитие взаимодействия в области поставок экологически чистых продуктов питания российской стороной в Китай.

6. Развитие отношений в сфере логистики и транспорта на основе платформы «Один пояс – один путь».

Таким образом, в настоящее время сектор малого и среднего предпринимательства России и Китая обладает значительным потенциалом, который может быть реализован при дальнейшем развитии взаимодействия стран. Повышение эффективности функционирования данного сектора требует устранения существующих барьеров в торгово-экономических отношениях между странами, а также принятия комплекса мер – общих и отраслевых.

ЛИТЕРАТУРА

1. Асланова Д. М. Программа “China friendly” как важный инструмент развития предприятий туризма // Экономика и социум. 2020. № 9 (76). С. 122–128.
2. Глобальный мониторинг предпринимательства (GEM) в России 2019/2020. Высшая школа менеджмента. URL: https://gsom.spbu.ru/images/cms/menu/otchet_2020-red-2n-04-06.pdf (дата обращения: 12.03.2021).
3. Доля экспорта субъектов малого и среднего предпринимательства, включая индивидуальных предпринимателей, в общем объеме несырьевого экспорта // ЕМИСС – Государственная статистика. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/59119> (дата обращения: 02.03.2021).
4. Количество малых и средних предприятий, осуществляющих экспортную деятельность // Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru> (дата обращения: 10.02.2021).
5. Меморандум о взаимопонимании между Федеральным агентством по туризму (Российская Федерация) и Государственным управлением по делам туризма Китайской Народной Республики о дальнейшем расширении сотрудничества в области повышения качества туристского обслуживания // Консультант Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164230/ (дата обращения: 02.03.2021).
6. Презентация исследования PwC и НАФИ: опрос бизнес-сообщества // Аналитический центр «Нафи». URL: <https://nafi.ru/about/news/events/prezentatsiya-issledovaniya-pwc-i-nafi-opros-biznes-soobshchestva> (дата обращения: 12.08.2020).
7. Программа China Friendly. Ростуризм. URL: https://tourism.gov.ru/data/File/news_file/2015/МИР%20БЕЗ%20ГРАНИЦ%20Вислин%20М.В.pdf (дата обращения: 02.03.2021).
8. Ростуризм подписал меморандум о сотрудничестве в сфере туризма между Россией и КНР. Федеральное агентство по туризму. URL: <https://tourism.gov.ru/news/16422/> (дата обращения: 14.02.2021).
9. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики (Пекин, 8 июня 2018 г.) // Официальный сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5312> (дата обращения: 02.03.2021).
10. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о развитии отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху // Официальный сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5413> (дата обращения: 02.03.2021).
11. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о безвизовых групповых туристических поездках (заключено в г. Москве 29.02.2000) // Консультант Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_125123/ (дата обращения: 02.03.2021).

12. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики об облегчении поездок граждан // Консультант Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164230/ (дата обращения: 02.03.2021).
13. Чжан М. Перспективы сотрудничества в области туризма между провинцией Хэйлунцзян Китая и Россией // Вестник Амурского государственного университета. Сер. «Гуманитарные науки». 2019. № 84. С. 130–135.
14. Шувалова К. В. Великий чайный путь Китая, России и Монголии как фактор развития и процветания трансграничного туризма // Российско-китайские исследования. 2019. Т. 3. № 1. С. 34–41.
15. Экспорт Российской Федерации субъектами малого и среднего предпринимательства (МСП) // Федеральная таможенная служба. URL: <http://customs.gov.ru/statistic> (дата обращения: 02.03.2021).
16. Djankov S., Qian Y., Roland G. A Portrait of the Chinese Entrepreneur // Kornai J., Mty s L., Roland G. (eds.) Corruption, Development and Institutional Design // This is IEA Conference. Palgrave Macmillan, London. 2009. URL: https://doi.org/10.1057/9780230242173_5 (дата обращения: 02.03.2021).
17. GEM 2019 / 2020 Global Report // GEM. URL: <https://www.gemconsortium.org/report/gem-2019-2020-global-report> (дата обращения: 12.03.2021).
18. Ялунер Е. В., Левитина И. Ю., Михеева Д. Г. Перспективные направления развития малого и среднего бизнеса в цифровой экономике России: монография. СПб.: СПбГЭУ, 2019.
19. Ялунер Е. В. Обеспечение синергических эффектов реализации программ поддержки предпринимательства и импортозамещения // Журнал правовых и экономических исследований. 2016. № 1. С. 218–222.

УДК 334.021.1

DOI: 10.31799/2411-4588-2021-1-138-143

Ирина Юрьевна Левитина*

кандидат экономических наук, доцент

Лю Мо*

аспирант

*Санкт-Петербургский государственный экономический университет

Санкт-Петербург, Россия

АНАЛИЗ МАСШТАБОВ И СТРУКТУР АКИТАЙСКО-РОССИЙСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА В СФЕРЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

Аннотация. В статье проведен анализ торгово-экономических предпосылок и состояния сотрудничества Китая и России в сфере международного предпринимательства. На основе изучения официальной статистики международной торговли и инвестиций сделаны выводы о тенденциях и структуре торгово-экономических и инвестиционных отношений Китая и России. Проведен анализ ведущих направлений, секторов, отраслей и сегментов сотрудничества предприятий Китая и России в сфере международного предпринимательства. Определены тенденции в структуре приоритетных направлений сотрудничества стран в сфере международного предпринимательства. Выделены перспективные направления сотрудничества Китая и России в сфере международного предпринимательства.

Ключевые слова: международное предпринимательство, Китай, Россия, сотрудничество, состояние, тенденции, анализ.

Irina Yu. Levitina*

PhD Sc. Economic, Associate Professor

Liu Mo*

PhD Student

*St. Petersburg State University of Economics

St. Petersburg, Russia

ANALYSIS OF THE SCOPE AND STRUCTURES OF CHINESE-RUSSIAN COOPERATION IN THE SPHERE OF INTERNATIONAL ENTREPRENEURSHIP

Abstract. The article analyzes the trade and economic prerequisites and the state of cooperation between China and Russia in the field of international entrepreneurship. Based on the study of the official statistics of international trade and investment, conclusions are drawn about the trends and structure of trade, economic and investment relations between China and Russia. The analysis of the leading directions, sectors, industries and segments of cooperation between enterprises of China and Russia in the field of international entrepreneurship have been identified. The promising areas of cooperation between China and Russia in the field of international entrepreneurship are highlighted.

Keywords: international entrepreneurship, China, Russia, cooperation, state, trends, analysis.

Введение

Последнее десятилетие характеризуется некоторыми сдвигами в структуре международных торговых отношений. Это объясняется многими причинами, среди которых изменения в геоэкономической ситуации в мире. Обострение отношений между Китаем и США, между Россией и странами Запада определило ускорение китайско-российского сотрудничества во

многих сферах, в том числе в сфере предпринимательства.

Одним из основополагающих документов, определяющих контуры российско-китайского сотрудничества, стал подписанный главами стран в 2001 г. Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой. В соответствии со ст. 1 указанного Договора его стороны на долгосрочной основе развивают отно-

шения равного партнерства и стратегического взаимодействия. В договоре также отмечается необходимость принятия механизмов развития сотрудничества в различных отраслях предпринимательской деятельности [1].

Масштабы и структура сотрудничества Китая и России в сфере предпринимательства являются наиболее крупным элементом общего торгово-экономического сотрудничества стран. Именно поэтому анализ масштабов и структур китайско-российского сотрудничества в сфере международного предпринимательства целесообразно начать с изучения торгово-экономических отношений стран.

Методика исследования

Внешнеторговое взаимодействие Китая и России образуют экономические контакты и совокупность экономических операций субъектов внешнеэкономической деятельности – экспортеров и импортеров; производителей, продавцов и посредников; коммерческих и некоммерческих организаций. Большая часть взаимодействий между субъектами внешнеэкономической деятельности стран связана с бизнес-контактами. Именно в части торгово-экономического сотрудничества формируются в том числе хозяйственные связи, определяющие как приоритетные пути развития международного предпринимательства, так и проблемы, характерные для отдельных сегментов торгово-экономического взаимодействия.

Другое крупное направление международного сотрудничества Китая и России – его инвестиционная составляющая. Взаимные инвестиции стран создают базу для развития совместных предпринимательских проектов, укрепления конкурентоспособности и повышения динамичности экономического развития.

Многие исследователи дают позитивные оценки прогнозам сотрудничества России и Китая. Отношения могут называть образцовыми, с полным взаимопониманием, доверием лидеров и стремлением к упрочению достигнутых результатов сотрудничества [2]. Ученые отмечают также обоюдную полезность экономического сотрудничества стран [3] и указывают на некоторые схожие черты торговых моделей России и Китая за период с 2001 по 2015 гг. [4]. По мнению других исследователей, построение элементов системы эффективно действующих отношений стран позволит получить в будущем синергетические эффекты для региона [5].

Анализируя состояние торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества Китая

и России, авторы приходят к следующим выводам [6]:

- двустороннее торговое сотрудничество стран стабильно и постоянно расширяется;

- внешнеторговые отношения России и Китая в целом характеризуются тенденцией к росту (за исключением 2009 и 2015 гг., когда экспорт и импорт России характеризовался снижением);

- долгие годы торгово-экономические отношения России и Китая характеризовались положительным сальдо для российской стороны, которое сменилось отрицательным только в 2007 г.;

- приток прямых инвестиций из Китая в экономику России характеризовался трендом к росту в период с 2004 по 2016 гг.;

- рост объемов взаимной торговли стран обеспечивался в последние годы преимущественно за счет увеличения китайского экспорта в Россию, который превышал в 2010–2017 гг. импорт из России;

- ключевыми статьями экспорта Китая в Россию является продукция электромеханической отрасли, экспорта из России в Китай – нефть, уголь и пиломатериалы;

- существующая структура внешнеторговых отношений России и Китая не является сбалансированной и требует оптимизации, в том числе путем реализации корректирующих мер по развитию инновационных сфер и международного предпринимательства.

В структуре торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества Китая и России как основной предпосылки развития международного предпринимательства можно действительно выделить ряд особенностей, которые перекликаются с перечисленными выше, с одной стороны, а с другой – характеризуют перспективы построения системы предпринимательских отношений между странами.

Согласно статистическим данным внешней торговли стран [7], темпы прироста торгово-экономических отношений характеризуются нестабильностью (рис. 1). Это влияет и на состояние международного предпринимательства, которое прямо коррелирует с результатами торгово-экономической деятельности стран.

Поставки продукции из Китая и в Россию существенно превышают обратное направление экономической активности. При этом в последние годы растет значимость стран в торгово-экономических отношениях друг с другом. За период с 2001 по 2019 гг. товарооборот между странами вырос до 110,9 млрд долл., или в 15,3 раза в 2019 г. в сравнении с 2001 г.

При этом отрицательное сальдо в российско-китайской торговле сменилось положительным только с 2018 г.

Прирост завоза продукции из Китая в Россию существенно превышает поставки продукции из России в Китай. Вместе с этим как Россия для Китая, так и Китай для России становятся важнейшими рынками сбыта внутренней продукции, формируя самостоятельные направления осуществления международной предпринимательской деятельности.

Приведенные тенденции в экономическом сотрудничестве стран свидетельствуют о качественном изменении роли стран в международных предпринимательских отношениях. В последние годы значимость торговых отношений России с Китаем (и, соответственно, китайский внутренний рынок) выросла до критической. Импорт китайской продукции в Россию также формирует для Китая важный страновой рынок сбыта и направление осуществления предпринимательской деятельности.



Рис. 1. Динамика торговых отношений России и Китая, 2002–2019 гг., % (на основе данных Федеральной таможенной службы Российской Федерации)

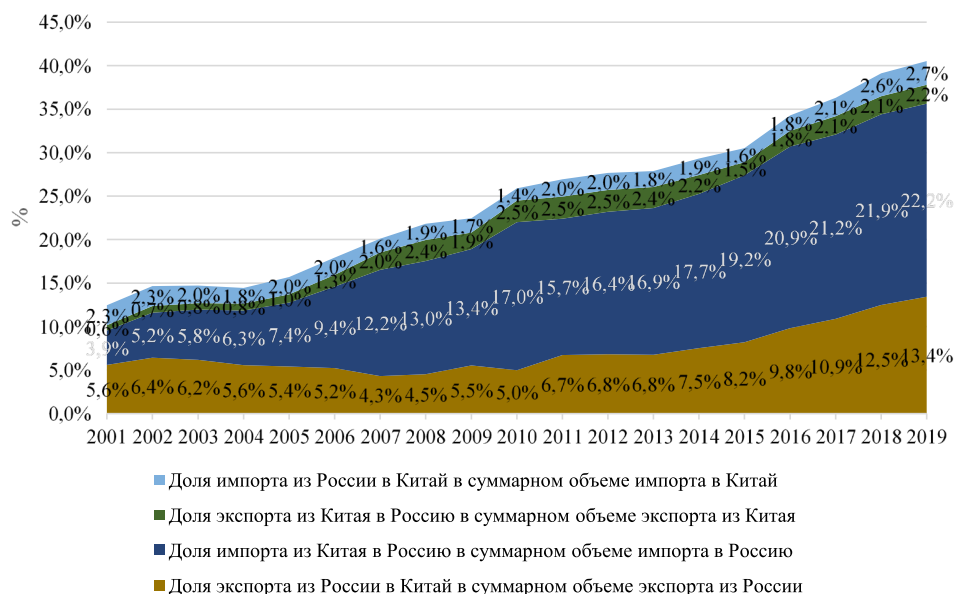


Рис. 2. Доли России и Китая в суммарных показателях торговли стран, 2001–2019 г. (на основе данных Международного торгового центра, официальных данных статистических служб России и Китая)

В последние годы вместе с увеличением различных параметров, характеризующих экономическое сотрудничество стран, увеличивается и их доля во взаимных торговых отношениях. По данным на 2019 г., доля экспорта из России в Китай в суммарном объеме экспорта из России составила 13,4%, что выше значения аналогичного показателя в 2001 г. на 7,8%. Доля импорта из Китая в Россию в суммарном объеме импорта в Россию к 2019 г. выросла на 18,3% в сравнении с 2001 г. и составила 22,2% (рис. 2) [8].

В структуре торговых отношений Китая и России также есть особенности, влияющие на вопросы развития международного предпринимательства. Так, предпринимательская активность со стороны российских субъектов экономической деятельности концентрируется в основном на поставке минеральных продуктов, древесины и изделий из нее – на данные товарные группы приходится 79% экспорта в Китай. При этом экспорт Китая в Россию характеризуется преобладанием продукции с высокой добавленной стоимостью: электрических машин и оборудования, реакторов ядерных и др.

Результаты исследования

Сложившаяся структура экспорта позволяет говорить и об особом характере преобладающих межгосударственных предпринимательских отношений между странами. В частности, это проявляется в превалировании в структуре предпринимательских отношений коммерческих организаций с преобладающим государственным участием в структуре собственности. Хотя формально такие отношения и образуют сегмент международного предпринимательства, в сущности они имеют множество специфических черт, не позволяющих говорить о предпринимательской деятельности в полном смысле данного понятия.

Международная практика двусторонних отношений государств показывает, что сотрудничество в сфере предпринимательства может строиться по различным направлениям:

- создание преференциальных условий для осуществления взаимной торговли в отдельных приоритетных с точки зрения развития предпринимательства сферах и отраслях деятельности;
- инвестирование субъектов экономической деятельности различных стран в совместные инвестиционные проекты;
- стимулирование государствами развития экспортных операций субъектов предпринимательской деятельности путем установления

льготных режимов налогообложения, предоставления финансовой и иных видов поддержки;

- обеспечение различных форм инфраструктурной поддержки для субъектов предпринимательской деятельности;

- совершенствование законодательства и политических условий как фактора улучшения предпринимательского климата.

Рассмотрим особенности сотрудничества стран в сфере международного предпринимательства в некоторых отраслях. Среди ведущих отраслей сотрудничества между странами выделяется энергетическая. Связано это с объективными причинами, прежде всего, со структурой поставок товаров России в Китай, где преобладает продукция добывающих секторов экономики, в основном топливно-энергетического комплекса. В связи с этим инвестиции китайских предпринимателей в российские проекты сосредоточены в большей степени в данной сфере. Российские же инвестиции в Китае значительно ниже по объемам в сравнении со встречным инвестиционным потоком китайских инвесторов в энергетические подсектора экономики.

Крупнейшим и стратегически значимым сектором энергетики во взаимодействии России и Китая остается нефтегазовый сектор. Связано это с изменившимися в последние годы геополитическими условиями, когда Россия стала объектом санкционной политики стран Европы и США, в связи с чем вынуждена была искать новых крупных экономических партнеров – это создало новые источники развития международного бизнеса. Одним из ключевых стало взаимодействие российских и китайских предпринимательских структур в нефтегазовой отрасли.

Сотрудничество России и Китая наблюдается и в отраслях обрабатывающей промышленности. Например, можно выделить проект Челябинского трубопрокатного завода и компании Inner Mongolia Baotou Steel [9]. Сторонами подписано соглашение о стратегическом партнерстве в рамках строительства горно-обогательного комбината на базе месторождения редких металлов в Иркутской области.

Среди проектов международного предпринимательства в машиностроительной отрасли можно выделить инвестиции в автомобилестроительный завод и завод по выпуску двигателей китайской компании Great Wall в Тульской области. Инвестиции в открытие автомобилестроительного завода в регионе оцениваются в 500 млн долл. Согласно планам компания планирует производить до 150 тыс. автомобилей в год [10]. При этом потенциал данного проекта

состоит в отправке на экспорт части произведенной продукции [11].

Совместный российско-китайский проект планируется запустить в 2023 г. на базе крупнейшего в России Зашихинского редкометалльного месторождения. Разработка месторождения позволит полностью покрыть потребность российских предприятий в танталовом сырье и значительную часть потребностей в мягком кристаллическом металле – ниобии.

Транспортно-логистический сектор – другое крупное направление взаимодействия России и Китая. Предпринимательская составляющая в этом секторе связана с ориентацией стран на использование механизмов государственно-частного партнерства в привлечении инвесторов в реализацию крупных транспортно-логистических проектов. Например, к имеющим коммерческую направленность и, следовательно, характеризующимся как предпринимательский можно отнести проект строительства инфраструктуры высокоскоростной железнодорожной магистрали Москва – Казань [13]. Данный проект рассматривается как один из приоритетных проектов евразийского высокоскоростного транспортного коридора Москва – Пекин [14].

Потенциалом обладают проекты сотрудничества в сфере производства инновационной продукции. Здесь выделяется небольшое количество проектов российско-китайского сотрудничества. Например, можно выделить проект сотрудничества российской компании Biosad и китайского холдинга Shanghai Pharmaceuticals Holding (SPH). Компании подписали соглашение о создании совместного предприятия в Китае. Капитал совместного предприятия составит 400 млн долл. [15].

Китайско-российское сотрудничество, охватывающее международные предпринимательские отношения, включает также проекты, связанные с оказанием услуг, развитием инновационных и бизнес-проектов.

Например, бизнес-парк Гринвуд с китайским участием, созданный в России, начал реализовываться в 2010 г. китайским инвестиционным фондом Чэньтун. Бизнес-парк включает 14 тыс. м² выставочных площадей и площадей для конференции и 23 тыс. м² помещений офисных назначений. Данный бизнес-парк является одним из центров деловой активности китайского бизнеса в России. Инвестиции в бизнес-парк китайской стороны составили 350 млн долл. Стороны планируют строительство второй очереди проекта объемом инвестиций 150 млн долл. [16].

Обсуждение результатов

Анализ одного из последних совместных заявлений Китая и России относительно приоритетных сфер сотрудничества в обозримой перспективе позволяет выделить следующие направления взаимодействия в сфере предпринимательства [17]:

• *развитие отношений:*

– между бизнесом и научно-образовательными учреждениями;

– в сферах культуры, туризма, охраны окружающей среды, здравоохранения, информационно-коммуникационных технологий, логистики и транспорта, молодежного предпринимательства (в том числе использование бизнес-инкубаторов),

• *а также:*

– расширение сотрудничества на основе использования выставочных мероприятий, в различных отраслях цифровой экономики, торгово-экономического сотрудничества регионов России и Китая;

– государственную поддержку малого и среднего предпринимательства.

Во взаимодействии стран в сфере международного предпринимательства наблюдались изменения в приоритетах сотрудничества. В последние годы интерес стран сместился в сферу сотрудничества в различных отраслях цифровой экономики, развития трансграничной электронной торговли, сотрудничества в сфере информационно-коммуникационных технологий. При этом к традиционным направлениям сотрудничества России и Китая, в которых сосредоточен потенциал взаимодействия в сфере международного предпринимательства, можно отнести: инвестиционное сотрудничество в сфере развития транспортной инфраструктуры; энергетике; услуг; высоких технологий; сельского хозяйства и рыболовства; развитие отношений в сфере информационно-коммуникационных технологий; взаимодействие в сфере здравоохранения; туризма; биомедицинских технологий; наращивание сотрудничества в сфере торговли услугами; развитие отношений в сфере охраны окружающей среды; молодежного предпринимательства, в том числе использование бизнес-инкубаторов; развитие отношений в сфере культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вэй Ч., Понкратова Л. А. Внешняя торговля Китая с Россией и Германией: сравнительный ана-

- лиз динамики и структуры // Россия – Китай: вектор развития: мат. науч.-практ. конф. / под общ. ред. канд. экон. наук О. А. Цепелева. Благовещенск, 2016. С. 242–245.
2. Два металлургических холдинга России и Китая построят ГОК в Иркутской области // ТАСС. URL: <https://tass.ru/sibir-news/7198715> (дата обращения: 28.02.2021).
 3. Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой // Официальный сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3418> (дата обращения: 02.06.2020).
 4. Китайцы инвестируют \$150 млн в строительство бизнес-парка в Подмосковье // РБК. URL: <https://realty.rbc.ru/news/5a1d36f49a7947418fc4541a> (дата обращения: 02.03.2021).
 5. О российско-китайском сотрудничестве в сфере совместного строительства инфраструктуры высокоскоростной железнодорожной магистрали Москва – Казань как приоритетного проекта евразийского высокоскоростного транспортного коридора Москва – Пекин // Сайт Правительства России. URL: <http://government.ru/docs/17998/> (дата обращения: 02.03.2021).
 6. Петербургская компания и китайский холдинг создают совместное предприятие // РБК. URL: https://www.rbc.ru/spb_sz/18/09/2019/5d823c959a7947d084c5fa4e (дата обращения: 02.03.2021).
 7. Произведенные в России внедорожники Haval отправят на экспорт // Известия. URL: <https://iz.ru/896449/2019-07-05/proizvedennye-v-rossii-vnedorozhniki-haval-otpravjat-na-eksport> (дата обращения: 23.02.2021).
 8. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 07.05.2015 № 819-р // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201505120002> (дата обращения: 28.02.2021).
 9. **Рябченко Н. П.** О Китае и российско-китайских отношениях. Владивосток: Дальнаука, 2016. 258 с.
 10. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о развитии отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху (Москва, 5 июня 2019 г.) // Официальный сайт Президента России. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5413> (дата обращения: 02.03.2021).
 11. Справочные и аналитические материалы // Федеральная таможенная служба России. URL: <http://customs.ru/statistic> (дата обращения: 04.03.2021).
 12. **Стецюк В. В.** Современные тенденции экономического сотрудничества России и Китая // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2018. № 3 (84). С. 52–58.
 13. **Тиань И.** Китайско-российское торговое сотрудничество: новый импульс развитию // Россия и Азия. 2019. № 2 (7). С. 22–30.
 14. ЧТПЗ и китайская Baotou Steel построят ГОК в Иркутской области // РИА-Новости. URL: <https://ria.ru/20191126/1561611818.html> (дата обращения: 18.01.2021).
 15. Trade Map. URL: <https://www.trademap.org/#> (дата обращения: 04.02.2021).
 16. Great Wall построит в Тульской области завод по выпуску двигателей // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3997196> (дата обращения: 28.02.2021).
 17. **Jabalamei F., Rasoulinezhad E.** BRICS-United Nations Regional Groups' Trade Patterns: a Panel-gravity Approach // Journal of Chinese Economic and Foreign Trade Studies. 2018. Vol. 11. Iss. 2. P. 1001–1045.
 18. **Ялунер Е. В., Левитина И. Ю., Михеева Д. Г.** Перспективные направления развития малого и среднего бизнеса в цифровой экономике России: монография. СПб.: СПбГЭУ, 2019.
 19. **Ялунер Е. В.** Обеспечение синергических эффектов реализации программ поддержки предпринимательства и импортозамещения // Журнал правовых и экономических исследований. 2016. № 1. С. 218–222.

ВИКТОРИЯ ЛЕОНИДОВНА КРЕПС

3 сентября 1945 – 3 марта 2021



Студентка Виктория в 88-й аудитории матмеха на 10-й линии Васильевского острова, 1967 г.

Виктория Леонидовна Крепс пришла по распределению в Лабораторию теории игр и исследования операций Ленинградского отделения Центрального экономико-математического института (ЛЮ ЦЭМИ АН СССР) в 1968 г., после окончания математико-механического факультета Ленинградского государственного университета. Несмотря на новую для нее тематику, уже через два месяца она получила первый теоретико-игровой результат [1, 5], посвященный конечным бескоалиционным играм, в которых игроки могут использовать общий источник случайности. Виктория доказала, что любая игра имеет ситуацию равновесия по Нэшу только в случае стохастической независимости смешанных стратегий. Это было за пять лет до того, как Р. Ауман (Нобелевская премия 2005 г.) ввел понятие коррелированного равновесия и подобные постановки стали классикой.

В 1970–1980-е гг. Виктория Леонидовна много занималась прикладными исследованиями. Время было непростым для теории игр в Советском Союзе, поскольку эта область имела дело с чуждыми социалистическому строю конфликтами и конкуренцией. Несмотря на это, Виктория Леонидовна опубликовала две статьи в главном по тем временам международном журна-

ле по теории игр *International Journal of Game Theory* – событие уникальное, а на тот момент времени практически невозможное. Статья [2] посвящена единственности ситуаций равновесия в биматричных играх, статья [3] – в конечных бескоалиционных играх n лиц. В 1980 г. Виктория Леонидовна защитила диссертацию на соискание ученой степени кандидата физико-математических наук на тему «Линейные пространства игр, имеющих ситуации равновесия», что произошло с большой задержкой из-за пресловутого пятого пункта.

Начиная с 1990-х гг. Виктория Леонидовна стала заниматься передовым направлением в теории игр, тоже появившимся из работ Р. Аумана, – повторяющимися играми с неполной информацией, пожалуй, наиболее сложным для анализа типом игр. Эти годы стали расцветом ее научного творчества. В таких играх менее информированный игрок угадывает информацию о неизвестных ему компонентах игры, наблюдая историю действий более информированного игрока. Явные решения таких игр не были известны. В цикле из более чем десяти статей, опубликованных в ведущих зарубежных журналах, В. Л. Крепс с В. К. Доманским нашли и досконально исследовали несколько классов

повторяющихся игр, имеющих явные решения (например, [6–7], [9], [10–12], [15–16], [18], [22]). В статье [9] была впервые установлена связь между повторяющимися играми и транспортными задачами, ставшая через двадцать лет одним из центральных инструментов для исследования таких игр.

Ряд статей, начиная с [11], посвящен моделям финансового рынка, эндогенно объясняющим возникновение случайного блуждания в динамике цен через «маскирующие» действия инсайдера. Базовая модель, введенная Б. Де Мейером и Х. Мусса Салей, предполагала непрерывные цены; В. Л. Крепс и В. К. Доманский предложили добавить в модель минимальную денежную единицу, что неожиданным образом поменяло равновесное поведение, и его явное описание стало возможным в разных постановках. Эти результаты широко известны за рубежом и стали основой для многолетней дружбы с Французской и Израильской школами теории игр, многочисленных научных визитов и связей, которые до сих пор стимулируют развитие теории игр в России. Параллельно с исследованиями повторяющихся игр Виктория Леонидовна продолжала заниматься вопросами структуры и единственности ситуаций равновесия в бескоалиционных играх ([5], [8], [13], [19], [26]).



Виктория Леонидовна в той же аудитории мат.меха на встрече выпускников, 2018 г.

В 2010 г. Виктория Леонидовна защитила диссертацию на соискание ученой степени доктора физико-математических наук на тему «Стратегическая рандомизация при принятии конкурентных экономических решений: теоретико-игровой подход» [14]. Диссертация посвящена теоретико-игровым следствиям асимметричности информации на финансовых рынках, а также проблеме ранжирования на основе многомерных данных.

Виктория Леонидовна была открыта для новых задач и в последние десять лет много сотрудничала с молодыми коллегами (например, [17], [20], [21], [23], [26]). Двое ее учеников, М. С. Сандомирская и Ф. А. Сандомирский, защитили кандидатские диссертации.

Виктория Леонидовна была талантливым организатором, умеющим находить неожиданный выход из, казалось, безвыходных ситуаций. Она играла ключевую роль в организации первых международных конференций по теории игр в Санкт-Петербурге в 1996 и 2001 гг. В 2015 г. во многом благодаря ее энергии и находчивости в Высшей школе экономики была основана Международная лаборатория теории игр, к руководству которой Виктория Леонидовна сумела привлечь Эрве Мулена – ученого с мировым именем в области теории игр и микроэкономики. Все последующие годы она активно участвовала в научной жизни лаборатории и не жалела сил на ее развитие, помогая решать сложные организационные вопросы. В последние несколько лет на Викторию Леонидовну также легла вся научная и организационная деятельность Лаборатории теоретической экономики в ИПРЭ, которую она возглавила и в которую сумела привлечь молодых талантливых ученых.

У Виктории Леонидовны, для всех просто Виты, было много друзей. Ей всегда были интересны люди со всеми их успехами и невзгодами, ко всему она проявляла искренний и живой сочувственный интерес. Чужие проблемы не оставляли ее равнодушной. Если кто-то нуждался в помощи, она не жалела сил, чтобы помочь. Благодаря Виктории Леонидовне стартовали и достигли успеха многие ученые, сегодня работающие по всему миру. Виктории Леонидовне было присуще непоколебимое чувство собственного достоинства, и даже те, кто привык разговаривать с окружающими свысока, никогда не позволяли себе этого в ее присутствии. Она была очень сильным, волевым человеком, никогда не унывала и не опускала рук. Уже будучи серьезно больной, она написала три статьи [24–26] и продолжала работать до последнего.

Сотрудники лаборатории теории игр НИУ ВШЭ и Института проблем региональной экономики РАН, а также многочисленные коллеги из других научных институтов и подразделений в России и по всему миру скорбят о потере.

Дирекция, коллеги и друзья В. Л. Крепс

ОСНОВНЫЕ СТАТЬИ ВИКТОРИИ ЛЕОНИДОВНЫ КРЕПС

1. Крепс В. Л. Конечные бескоалиционные игры с зависимыми стратегиями // Теория игр: сб. / под ред. Н. Н. Воробьева. Ереван, 1970. С. 211–215.
2. Kreps V. L. Bimatrix Games with Unique Equilibrium Points // International Journal of Game Theory. 1974. N 3 (2). P. 115–118.
3. Kreps V. L. Finite N-person noncooperative Games with Unique Equilibrium Points // International Journal of Game Theory. 1981. P. 125–129.
4. Крепс В. Л. О квадратичных формах, неотрицательных на ортанте // Журнал вычислительной математики и математической физики. 1984. № 24 (4). С. 497–503.
5. Kreps V. L. On Games with Stochastically Dependent Strategies // International Journal of Game Theory. 1994. N 23 (1). P. 57–64.
6. Domansky V. C., & Kreps V. L. “Eventually revealing” Repeated Games with Incomplete Information // International Journal of Game Theory. 1994, N 23 (2). P. 89–99.
7. Domansky V., & Kreps V. Repeated Games and Multinomial Distributions // Zeitschrift für Operations Research. 1995, N 42 (3). P. 275–293.
8. Kreps, V. Game Theoretic Axioms for Utilities with Random Choices. In Constructing Scalar-Valued Objective Functions. Springer, Berlin, Heidelberg, 1997. P. 137–149.
9. Domansky V., & Kreps V. Repeated Games with Incomplete Information and Transportation Problems // Mathematical Methods of Operations Research. 1999, N 49 (2). P. 283–298.
10. Domansky V., & Kreps V. Social Equilibria for Competitive Resource Allocation Models. In Constructing and Applying Objective Functions. Springer, Berlin, Heidelberg, 2002. P. 408–419.
11. Kreps V. L. Repeated Games Simulating Exchange Auction and Recursive Sequences // Journal of Computer and Systems Sciences International. 2009, N 48 (4). P. 604–615.
12. Крепс В. Л. Повторяющиеся игры, моделирующие биржевые торги, и возвратные последовательности // Известия Российской академии наук. Теория и системы управления. 2009, N (4). P. 109–120.
13. Kreps V. L. On Game-theoretic Characterisation of Stochastic Independence // Discrete Mathematics & Applications. 2010, N 20 (3). P. 277–289.
14. Крепс В. Л. Стратегическая рандомизация при принятии конкурентных экономических решений: теоретико-игровой подход: дис. ... док. физ.-мат. наук. 2010.
15. Доманский В. К., Крепс В. Л. Теоретико-игровая модель биржевых торгов: стратегические аспекты формирования цен на фондовых рынках // Журнал Новой экономической ассоциации. 2011, № 11. P. 39–62.
16. Kreps V., Domansky V. Repeated Games with Asymmetric Information Modeling Financial Markets with Two Risky Assets // RAIRO-Operations Research. 2013, N 47 (3). P. 251–272.
17. Gavrilovich M. R., & Kreps V. L. On a Class of Optimization Problems with no “Effectively Computable” Solution // Zapiski Nauchnykh Seminarov POMI. 2015, N 436. P. 122–135.
18. Domansky V. K., & Kreps V. L. Bidding Games with Several Risky Assets // Automation and Remote Control. 2016, N 77 (4). P. 722–733.
19. Kreps V. On Maximal Vector Spaces of Finite Noncooperative Games // International Game Theory Review. 2017, N 19 (02).
20. Gavrilovich M., & Kreps V. Games with Incomplete Information on One Side as Games with Incomplete Information on Both Sides and Asymmetric Computational Resources // Higher School of Economics Research Paper. 2016, N WP BRP, 154.
21. Gavrilovich M., & Kreps V. Games with Symmetric Incomplete Information and Asymmetric Computational Resources // International Game Theory Review. 2018, N 20 (02).
22. Kreps V. L. Bidding Models and Repeated Games with Incomplete Information: A Survey // Automation and Remote Control. 2019, N 80 (2). P. 362–379.
23. Гаврилович М. Р., Крепс В. Л. Расшифровка сигналов с помощью конечных автоматов: применение к играм с неполной информацией // Математическая теория игр и ее приложения. 2019, № 11 (1). P. 21–38.
24. Kreps V., Petrosyan L. Bibliography of Robert John (Yisrael) Aumann Scientific Papers // Contributions to Game Theory and Management. 2020, N XIII. P. 441–448.
25. Крепс В. Л. Линейные пространства игр на квадрате с равновесиями в чистых стратегиях // Математическая теория игр и ее приложения. 2020, № 12 (3). P. 3–18.
26. Kreps V., & Matveenko A. A Mathematical Note on the Value Positivity for Matrix Game // International Game Theory Review. 2020, N 22 (01).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

**Баранов
Сергей
Владимирович**

доктор физико-математических наук, главный научный сотрудник Отдела регионального и муниципального управления на Севере РФ
Институт экономических проблем им. Г. П. Лузина – обособленное подразделение ФГБУН Федерального исследовательского центра КНЦ РАН
bars.vl@gmail.com

**Боброва
Анастасия
Григорьевна**

кандидат экономических наук, доцент, заведующая отделом человеческого развития и демографии
Институт экономики НАН Беларуси
nastassiabobrova@mail.ru

**Болотов
Дмитрий
Анатольевич**

кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры европейских исследований Санкт-Петербургский государственный университет
dmitry[at]bolotov.su

**Бондарь
Елена
Григорьевна**

преподаватель кафедры международного предпринимательства Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения
bondareg@rambler.ru

**Воротынская
Александра
Михайловна**

кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики труда Санкт-Петербургский государственный экономический университет
dekanat205@mail.ru

**Гашко
Дмитрий
Валерьевич**

старший преподаватель кафедры экономики и предпринимательства Санкт-Петербургский государственный экономический университет
dgashko@rambler.ru

**Горин
Евгений
Анатольевич**

доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник лаборатории комплексного исследования пространственного развития регионов
Институт проблем региональной экономики РАН
gorin_ea@mail.ru

**Заборовская
Ольга
Витальевна**

доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой управления социальными и экономическими процессами
Государственный институт экономики, финансов, права и технологий
ozabor@mail.ru

**Кузнецов
Сергей
Валентинович**

доктор экономических наук, профессор, руководитель научного направления Института проблем региональной экономики РАН
s.kuznetsov09@yandex.ru

**Левитина
Ирина
Юрьевна**

кандидат экономических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой по учебно-методической работе, академический директор магистерской программы «Экономика малой фирмы и стартап»
Санкт-Петербургский государственный экономический университет
Irinalevitina@gmail.com

**Леонтьева
Анна
Николаевна**

кандидат экономических наук, доцент, научный сотрудник лаборатории комплексного исследования пространственного развития регионов
Институт проблем региональной экономики РАН
an.leontieva@mail.ru

Ли Цзятун

аспирант кафедры экономики предпринимательства Санкт-Петербургский государственный экономический университет
933557803@qq.com

**Лубочкина
Марина
Иоковна**

кандидат технических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой по науке, ответственная за работу СНО
Санкт-Петербургский государственный экономический университет
louboch@mail.ru

Лю Мо

аспирант кафедры экономики предпринимательства Санкт-Петербургский государственный экономический университет
933557803@qq.com

| | | | |
|---|---|---------------------------------------|--|
| Межевич Николай Маратович | доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник лаборатории комплексного исследования пространственного развития регионов Института проблем региональной экономики РАН, главный научный сотрудник, руководитель Центра белорусских исследований Института Европы РАН info@iresras.ru | Румянцев Алексей Александрович | доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник лаборатории комплексного исследования пространственного развития регионов Института проблем региональной экономики РАН aarum1@yandex.ru |
| Мирославская Марианна Владимировна | кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента организации Балтийский государственный технический университет «ВОЕНМЕХ» им. Д. Ф. Устинова marianna_m100@mail.ru | Самарина Анна Юрьевна | аспирант кафедры международного предпринимательства Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения anna.yusa@yandex.ru |
| Окрепиллов Владимир Валентинович | доктор экономических наук, профессор, академик РАН, научный руководитель Института проблем региональной экономики РАН okrepilov@test-spb.ru | Свириденко Марина Владимировна | кандидат экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник лаборатории комплексного исследования пространственного развития регионов Института проблем региональной экономики РАН mv_svir@mail.ru |
| Перекрест Владимир Терентьевич | доктор физико-математических наук, заведующий лабораторией математических методов анализа данных Институт проблем региональной экономики РАН vtp_01@mail.ru | Сипунова Надежда Валентиновна | кандидат экономических наук, доцент, проректор по учебной и научной работе Государственный институт экономики, финансов, права и технологий sipunova-nadezhda@gief.ru |
| Перекрест Игорь Владимирович | старший научный сотрудник лаборатории математических методов анализа данных Института проблем региональной экономики РАН riv_2103@mail.ru | Скуфьина Татьяна Петровна | доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник Отдела регионального и муниципального управления на Севере РФ Институт экономических проблем им. Г. П. Лузина – обособленное подразделение ФГБУН Федерального исследовательского центра КНЦ РАН skufina@iep.kolasc.net.ru |
| Пешкова Галина Юрьевна | доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры международного предпринимательства Санкт-Петербургский государственный университет аэрокосмического приборостроения progruk@guap.ru | Толстогузов Олег Викторович | доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник Отдела региональной экономической политики Института экономики Карельский научный центр РАН olvito@mail.ru |
| Поздеева Екатерина Андреевна | кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры экономики труда Санкт-Петербургский государственный экономический университет kisa-kot9@yandex.ru | | |

**Ускова
Тамара
Витальевна**

доктор экономических наук,
профессор, заместитель
директора по научной работе
Вологодский научный центр РАН
tvu@vscc.ac.ru

**Шматко
Алексей
Дмитриевич**

доктор экономических наук,
профессор, профессор РАО,
директор Института проблем
региональной экономики РАН
shmat2000@yandex.ru

**Ялунер
Елена
Васильевна**

доктор экономических наук,
профессор, главный научный
сотрудник лаборатории
проблем развития социального
и экологического пространства
и воспроизводства трудовых
ресурсов региона Института
проблем региональной
экономики РАН, заведующая
кафедрой Санкт-Петербургского
государственного
экономического университета
yaluner@yandex.ru

Требования к порядку представления рукописей для публикации в журнале «ЭКОНОМИКА СЕВЕРО-ЗАПАДА: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ»

Все направляемые для публикации в журнале авторские материалы должны быть оформлены в соответствии с указанными далее требованиями.

Статьи следует представлять в редакцию в напечатанном виде (в 2-х экземплярах) с приложением электронного носителя или присылать на электронный адрес: info@iresras.ru.

Материал на бумажном носителе должен строго соответствовать информации на электронном носителе. В случае обнаружения расхождений редакция будет ориентироваться на электронный вариант материала.

1. Редакция научного журнала (далее – редакция) принимает к рассмотрению только не опубликованные ранее рукописи, соответствующие тематической направленности журнала и критериям научного качества, представляющие интерес для широкого круга читателей.

2. Статья должна быть написана на хорошем русском или английском языке. Объем рукописи не должен превышать одного авторского листа (40 000 знаков), или 22–23 машинописных страниц. Распечатка статьи должна быть подписана всеми авторами с указанием даты ее отправки.

3. При оформлении рукописи необходимо придерживаться следующей структуры информации, представленной на русском и английском языках:

– фамилия, имя и отчество автора(ов); ученая степень, ученое звание, почетное звание (если имеются); должность, место работы; название организации; контактная информация: e-mail, город, страна проживания, контактные телефоны для связи с редакцией журнала;

– заглавие статьи;

– аннотация (100–150 слов);

– ключевые слова (8–12 слов).

4. В конце статьи размещается библиографический список на русском и на английском языках.

5. Рукописи проходят научное и литературное редактирование.

Технические требования к оформлению

Текстовый материал должен быть набран в Microsoft Office Word, шрифт основного текста – Times New Roman, размер шрифта – 12, межстрочный интервал – полуторный, выравнивание по ширине; параметры страницы: верхнее поле – 2,5 см, нижнее поле – 2,5 см, левое – 2 см, правое – 2 см. Страницы должны быть пронумерованы.

Формулы необходимо набирать в формульных редакторах Mathtype или Equation; знаки препинания (точки, запятые) в конце формулы набираются, не выходя из программы.

Абзацы отделяются друг от друга одним нажатием на клавишу «Enter».

Недопустимо использовать принудительные переносы.

Материал статьи – текст, включая аннотацию, ключевые слова на русском и английском языках, рисунки, таблицы оформляются в одном файле.

Графические материалы (рисунки, схемы, иллюстрации) должны иметь подрисуночные подписи, обязательную ссылку.

Векторные рисунки должны быть представлены в векторных программах: Visio; Coreldraw (сохранить в более низшей версии не выше 15); Excel; Word; AdobeIllustrator; Mathcad; AutoCad (*.dxf); Компас; Matlab.

Фотографии и растровые – в формате *.tif, *.png с максимальным разрешением (не менее 300 pixels/inch при размере не менее 12Ч12 см).

При подготовке графических материалов и таблиц необходимо учитывать, что журнал черно-белый, поэтому не следует применять заливки цветом.

Условные обозначения, приведенные на рисунках, необходимо пояснять в основном или подрисуночных текстах.

Таблицы должны иметь последовательные порядковые номера и заголовки, ссылки в тексте.

Единицы измерений и буквенные обозначения физических величин должны отвечать требованиям ГОСТ 8.417-2002 «ГСИ. Единицы величин».

Список литературы составляется по порядку ссылок в тексте в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008.

Рукописи, не соответствующие указанным требованиям, не рассматриваются.

Автор несет полную ответственность за точность и достоверность данных, приведенных в рукописи статьи, присылаемой в редакцию журнала.